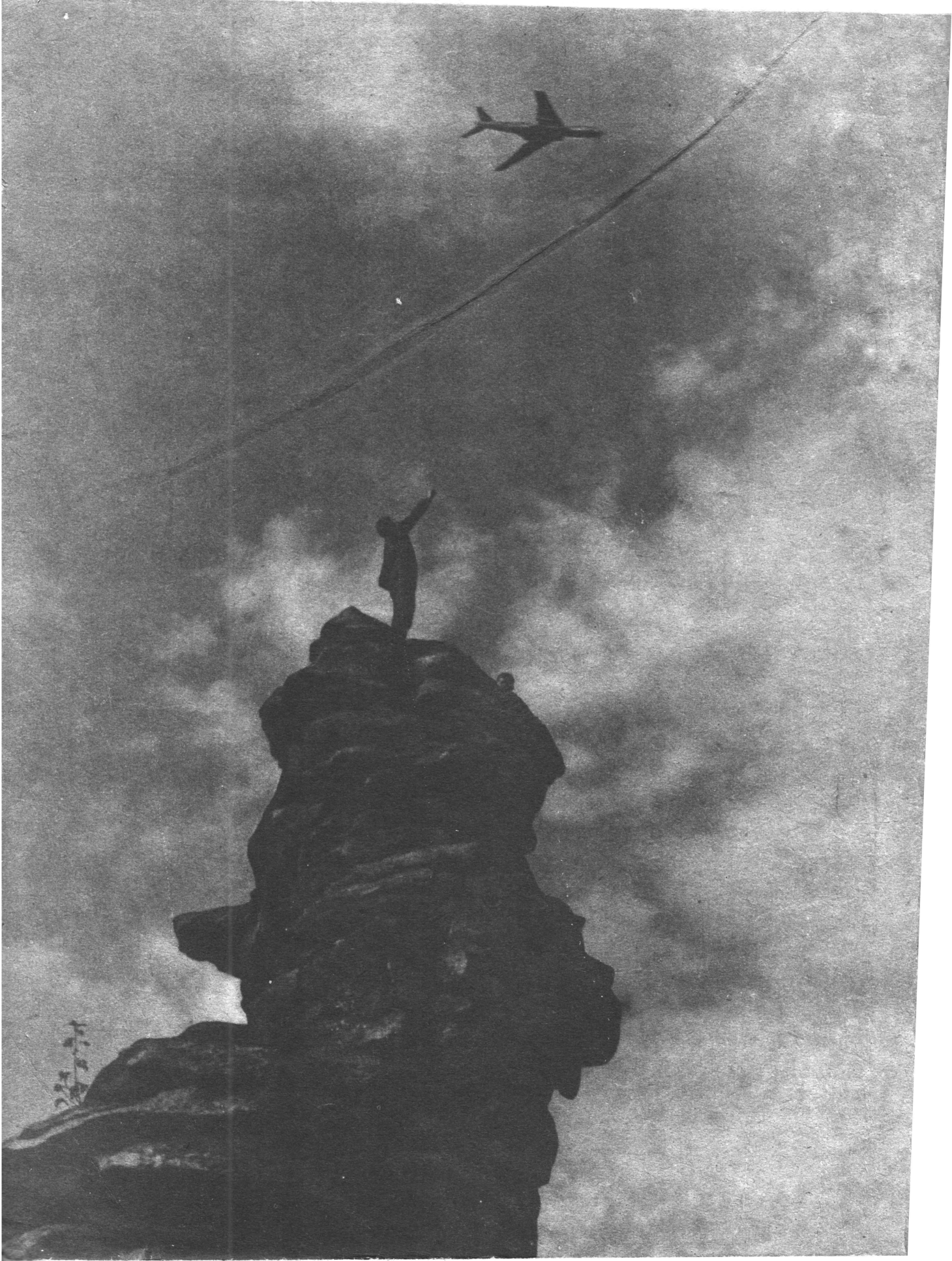

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

2
1969

ЛИТЕРАТУРНО -
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И
СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ГОД ИЗДАНИЯ
ДВЕНАДЦАТЫЙ

2

1969

ГЕРОИКА ● КРАЕВЕДЕНИЕ ● ПРИКЛЮЧЕНИЯ ● ФАНТАСТИКА

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

НАД КАРТОЙ СИБИРИ

В годы второй и третьей пятилеток в Орске развернулось строительство нескольких крупных предприятий. По приказу наркома тяжелой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе руководить орскими стройками был направлен член партии с 1904 года, один из капитанов советской индустрии Сергей Миронович Франкфурт. Вот уже несколько лет собираю я материалы об этом удивительном человеке.

По воспоминаниям людей, знавших Франкфурта, было известно, что он встречался с Владимиром Ильичем Лениным. Сразу возникла мысль, что Франкфурт не мог не рассказать об этой интересной встрече, тем более, что он часто выступал в печати и даже написал захватывающую книгу о Кузнецкстрое «Рождение стали и человека».

2 Пришлось перерывать комплекты газет за несколько лет. И не зря! В многотиражке «За советский никель», выпускавшейся на строительстве Орского никелькомбината, был опубликован рассказ С. М. Франкфурта, который так и на-

зывался: «Моя встреча с Владимиром Ильичем».

Рассказ этот небольшой и хочется привести его почти полностью.

«В конце 1920 года,— пишет С. М. Франкфурт,— я был вызван в Москву. Хорошо помню продолжительную, длившуюся несколько часов беседу с Владимиром Ильичем.

Полный свежих впечатлений о Сибири, я рассказывал Ленину о ее колоссальных богатствах и огромных возможностях. Владимир Ильич детально расспрашивал меня о делах, выпытывал все подробности. Мы с ним путешествовали по карте Сибири. Я показывал месторождения угля, полиметаллических руд, медных руд, золота, огромные водные бассейны, будущую энергетическую базу Сибири. Рассказывал я и о наших проектах, как использовать эти богатства.

Вспомнил я и рассказал Владимиру Ильичу о таком эпизоде. Как-то ко мне в Сибирский Совет народного хозяйства пришел художавый человек в очень обтрепанной одежде.

— Пробирался к вам несколько недель,— сказал он.— Я — директор Атбассарского медеплавильного завода (мы тогда ничего не знали

об этом заводе). Завод был построен еще до войны англичанами, но не закончен. Сейчас он стоит заброшенный в степи между Средней Азией и Сибирью. Англичане оставили большой запас продовольствия и материалов. Пробираясь к нам долго и трудно. Мы крепко охраняли завод, поэтому предприятие уцелело, его можно быстро достроить и пустить. Возьмите атбасарское дело в свои руки,— закончил посетитель.

Владимир Ильич внимательно выслушал меня. Особо он обращал внимание на необходимость форсировать разработку угля, закладку новых шахт. Давал и другие практические указания. Обнаруженные богатства недр Сибири будут нарастать, говорил он. Сибирь должна стать и станет развитым промышленным и аграрным краем.

В заключение беседы я обратился к Ильичу с просьбой о помощи сибирским шахтерам одеждой, обувью и продовольствием.

Владимир Ильич подробно расспрашивал, сколько они получают хлеба, сахара и других продуктов.

— Да,— сказал он,— вам жаловаться нельзя.

И вдруг Ильич как-то осунулся, на лице появилось выражение глубокой печали. Он выдвинул ящик письменного стола и вынул оттуда завернутый в бумагу сверточек. В нем лежал серовато-зеленый комочек, похожий на хлеб.

— Смотрите, чем кормятся у нас,— это трава и корни, другого ничего нет.

Столько было скорби в его глазах, что я запомнил этот взгляд великого человеколюбца на всю жизнь.

Через минуту-другую молчания Ильич как бы стряхнул с себя набежавшие мысли, и беседа продолжалась».

В тот же день, 27 октября, ответственные работники Высшего Совета Народного Хозяйства и Наркомата торговли получили телефонограмму:

«Прошу вас организовать, пользуясь нахождением в Москве т. Франкфурта, совещание по вопросу о положении и мерах развития золотопромышленности в Сибири.

Заклучения совещания прошу дать мне для направления в СНК или для решения вопроса путем соглашения ведомств и т. п.

Пред. СНК Ленин».

Совещание, о котором писал Ильич, состоялось 28 октября с участием Г. М. Кржижановского, Ф. Ф. Сыромолотова, ведавшего горными делами, и других крупных специалистов. Оно разработало практические мероприятия по освоению несметных богатств Сибири.

КОМЕНДОР С „АВРОРЫ“

Стоит курган в Приманычской степи. Кружит над вершиной его орел. А рядом, у глубокой балки — строения колхозной животноводческой фермы. Колосится вокруг пшеница, шумит жизнь. А древний курган словно забылся в непробудном сне.

Их много, таких курганов, разбросано вдоль Маныча. Имен им никто не давал. А вот этот назвали после революции «Огнев-курган»...

Ветераны легендарного крейсера «Аврора» хорошо помнят тот день, с которого начинается летопись первого в мире социалистического государства. Один из них, военмор с «Авроры», ныне пенсионер Попов рассказывает:

— В ту ночь, 25 октября 1917 года, экипаж крейсера занял места по боевой тревоге. Приказ Петроградского ревкома гласил: быть готовыми поддержать огнем красногвардейцев, атакующих Зимний дворец. По сигналу с Петропавловской крепости в 21.00 дать предупредительный выстрел. Крейсер стоял на Неве, против Зимнего. У носового орудия застыл Евдоким Огнев, наш комендор. И вот на Петропавловской крепости загорелся сигнал. «Носовое, пли!» — громко прозвучал голос комиссара Бельшева. Вспышка выстрела осветила лицо Евдокима, фигуры моряков, красное полотнище на флагштоке. Тишина снова сомкнулась над кораблем. Потом стали слышны перестук пулеметов да далекое, еле различимое «а-а-а».

Как дальше сложилась судьба матроса с крейсера «Авроры» Евдокима Павловича Огнева? ...В Веселовской средней школе получили письмо. Подпись неразборчива. Автор, обращаясь к следопытам, писал:

«Дорогие ребята! Во время первой мировой войны служил на крейсере «Аврора» наш земляк матрос Евдоким Павлович Огнев. Он был комендором орудия, из которого 25 октября 1917 года был произведен памятный выстрел.

Вернувшись после Великой Октябрьской социалистической революции в родную станицу Великокняжескую (ныне Пролетарскую), Е. П. Огнев организовал отряд красных конников и ушел защищать власть Советов. На дорогах гражданской войны потерялись его следы. Мне известно только, что жизнь этого матроса оборвалась в 1918 году во время боя в Приманычской степи. Мы не имеем права забывать старых революционных бойцов. Надо разыскать могилу комендора с «Авроры» — легендарного матроса революции».

Директор школы Василий Максимович Обиднов передал письмо вожаку отряда следопытов Вите Ушенко.

И вот идут ребята к бывшим красным партизанам и красногвардейцам, проживающим в хуторе Веселом и в соседних хуторах. Встречи, беседы, новые адреса, и снова встречи и беседы. И стало известно: Огнев действительно погиб у реки Маныч. Нашлись люди, которые знали его. Некоторые участвовали в бою, в котором погиб комендор с «Авроры». А Петр Киричков из хутора Веселого, Григорий Плыгунов, братья Илья и Андрей Марченко из хутора Каракашева, Василий Курилов из Казачьего Хомутца смогли показать его могилу.

Так пришли следопыты в хутор Казачий Хомутец к гранитной плите. Она огорожена решетчатым забором, через который свисают ветки смородины. Вокруг посажены ирисы. Здесь, в братской могиле, покоится прах комендора с «Авроры» и восьми красноармейцев.

Поиск продолжается. Веселовские следопыты нашли однополчан и друзей матроса Огнева. Из Луганска прислал ребятам письмо бывший матрос Константин Французов: «Евдокима Огнева я встретил на бронепоезде «Гром», которым командовал отважный командир Федор Алабьев, павший в бою под Кременчугом в 1919 году. Огнев был артиллеристом на бронепоезде. Он всегда носил бескозырку с золотой надписью «Аврора». Огнев был непоседливым и храбрым человеком, надежным товарищем».

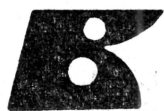
Во время одного из походов следопыты хутора Веселый познакомились с учениками десятого класса Пролетарской средней школы № 2, которые тоже шли по следам легендарного матроса. Возглавлял их экспедицию учитель ис-

тории Иван Петрович Зубарев. Он и был автором письма веселовским ребятам.

У следопытов Пролетарской уже был собран обширный материал о последних днях жизни матроса Огнева.

Весной 1918 года в восточных зимовниках Сальских степей появился генерал Краснов. Войсковой круг вручил ему булаву атамана. Из станицы в станицу по всему Придонию метались красновские эмиссары, поднимаая белоказачков на борьбу с Советами. По хуторам поползли тревожные слухи. А в станицах беднота начала формировать партизанские отряды. В Великокняжеской такой отряд возглавил прапорщик Григорий Шевкопляс, в Казачьем Хомуце — вахмистр Борис Думенко, в Платовской — подпрапорщик Тимофей Никифоров, одним из эскадронов у которого командовал вахмистр Семен Буденный.

В первых числах марта в хуторах Среднего Маныча установилась Советская власть, а в станице Багаевской окопались красновцы. Но такая обстановка сохранилась недолго. Вскоре поздневскую крестьянскую дружинку атаковали белоказачки. Отряд Бориса Думенко через Веселый выступил на помощь позднецам.

Это случилось на третьей неделе после ухода думенковского отряда. Багаевский атаман, прознавший о том, что Думенко увел своих конников к железной дороге, воспользовался случаем и занял хутора Веселый, Жеребков, Казачий Хомулец и двинулся дальше на восток по Манычу.

Появление белоказачков у Казенного моста не на шутку встревожило командира Великокняжеского отряда Шевкопляса. Он приказал конной группе матроса Евдокима Огнева пробиться в Казачий Хомулец, разузнать все о судьбе думенковцев и попытаться связаться с ними.

...Внезапным ударом Огнев выбил казаков

из Жеребкова, прижал их к реке. Белые под прикрытием сильного пулеметного огня стали переходить Маныч вброд. Пулеметный огонь не дал огневцам на плечах отступающего противника ворваться на левый берег реки. Тогда Евдоким, взяв один взвод, форсировал реку в другом месте и в конном строю атаковал вражеские пулеметы с тыла. Белые в панике бежали. Группа Огнева в семьдесят восемь сабель с одним трофейным орудием вступила в хутор Казачий Хомулец.

19 апреля 1918 года в Казачьем Хомуце все местные жители и посланцы ближайших хуторов собрались на митинг. На арбу, которую выкатили на площадь, поднялся высокий матрос в бурке и бескозырке, из-под которой на лоб свисала темно-русовая прядь. Топорщащиеся усики придавали лицу веселое выражение. Это был командир красных конников Евдоким Огнев. Он разъяснил крестьянам политику Советской власти. Беднота слушала его восторженно, зажиточные хуторяне хмурились. Кто-то прервал оратора злобной репликой:

— Мы не против Советской власти, и доказывать нам, что хрен слаще редьки, нечего.

— Земельку-то не вы нам давали, а голытьбу посадить на нее хотите,— поддержал другой голос.

Толпа заволновалась, зашумела, плотнее придвигаясь к арбе. Партизаны крепче сжали винтовки. Но командир успокаивающе махнул им рукой.

— Да кто вам сказал, что Советы на вашу землю зарятся? Разве Думенко отобрал наделы у кого? Он же у вас ставил Советскую власть!

— Так Думенко — земляк, мужик свой. А вот что ты запоешь, нам не ведомо. Атаманские агитаторы тоже соловьями рассыпались, потом, когда сюда пришли, за плетюганы взялись.

— Советская власть с крестьянами заодно, поймите это, братишки. У трудового народа землю никто не возьмет, наоборот, защищать будем. А безземельным — вон сколько целины кругом. Ну, кто желает в отряд записаться? Землю свою отстаивать...

В Верх-Нейвинской средней школе имени Героя Советского Союза Алексея Арапова (Свердловская область) в музее боевой славы висит фотография с картины ленинградского художника Любимова «Пионер Сизов спасает пассажирский поезд у станции Верх-Нейвинск». Событие, которому посвящена картина, произошло в 1933 году. Славе тогда было двенадцать лет. Здесь же в музее фотография летчика капитана Ростислава Сизова.

Следопыты решили разыскать героя. Они узнали, что младший лейтенант Сизов уже в самом начале войны получил боевую награду за сбитый «мессершмитт». Участвовал он и в других воздушных боях. А потом Ростислава направили

в летную школу учить молодых летчиков.

Там Ростислав Сергеевич проработал два года, и опять новое назначение: стал испытывать побывавшие после боев в ремонте самолеты.

Следопыты узнали адрес Ростислава Сизова, написали ему письмо, рассказали о школе, о музее и теперь ждут ответа.

Комсомольцы Минска на средства, заработанные на субботниках и воскресниках, по проекту молодых архитекторов Леонида Левина, Валентина Занковича, Юрия Градова соорудили мемориальный комплекс. Его установили на месте сожженной фашистами деревни Хатынь,

Это одна из двухсот деревень Белоруссии, полностью уничтоженных фашистскими оккупантами.

* * *

Пензенские следопыты-корчагинцы провели операцию «Бригантина». Отряд проплыл на лодках 2600 километров по рекам Сура и Волге, — по местам, где создавалась Волжская флотилия.

Ребята посетили места, связанные с революционной деятельностью В. И. Ленина. Встречались со своими земляками, работающими на строительстве автозавода в Тольяти. Следопыты побывали на сооружении мемориала великому вождю революции в Ульяновске.

Таких оказалось много. Принесли с собой и припрятанные винтовки. Хуторяне дали отряду ездовых, подводы для раненых, фураж. От них же Огнев узнал, что Думенко месяц назад выступил в сторону Веселого, больше от него не было никаких вестей.

Отходить к станции Великокняжеской, имея за спиной, в Веселом, неразбитых белых, Огнев не мог. И он решил атаковать противника. Разведка обнаружила окопы врага сразу за балкой, версты за две от Казачьего Хомутца. Огнев стал их обстреливать. Над окопами замаячил белый флаг. Противник вызывал на переговоры.

Но это был лишь отвлекающий маневр. Еще 18 апреля в станицы Манычскую и Багаевскую белые послали за подмогой. И когда проходила встреча парламентариев, в Веселом атаман Мажаров встречал подкрепление. Прибывших угощали пышками с медом, а поп благословлял воинство «на подвиг ратный».

Утром 20 апреля 400 белоказачков повели наступление на Казачий Хомутец. Слишком поздно понял Огнев коварство врага. Только стремительный отход мог спасти отряд от неминуемого разгрома. Но нельзя бросить обоз и раненых. Евдоким принял бой. Силы были слишком неравными. Командир отдал приказ отходить, а сам с группой красноармейцев стал прикрывать отступление.

Когда последняя подвода с ранеными покинула Казачий Хомутец, у орудия остались трое: Огнев, его ординарец и прихрамывающий казак по фамилии Крысин. Присмотрись к нему командир повнимательней, вслушайся в его пронзительный голос, он, пожалуй, узнал бы в нем того крикуна, что злобно шумел накануне на митинге. Но в горячке боя было не до того.

Кончились снаряды. Огнев снял замок с орудия. Ординарец вывел коней из балочки, и три всадника под свист белогвардейских пуль наметом стали удаляться в степь. Пока белые поняли, что перед ними уже никого нет, да вывели из укрытия лошадей, трое красных продолжали беспрепятственно уходить. Но вот за ними устремилась погоня. Казаки стреляли на скаку. Одна пуля задела Огнева. Стал почему-то отставать Крысин...

Всадники поравнялись со старым скифским курганом, Крысин неожиданно остановил коня. Сорвал винтовку с плеча и выстрелом сбил раненого Огнева. Далеко откатилась бескозырка, упала под седой кустик полыни. На миг сверкнула надпись золотом: «Аврора». Ветер шевельнул черные ленточки...

Оглянулся ординарец, увидел, как падает командир, ничего понять не успел — вторая пуля настигла и его. Крысин соскочил с коня, подошел к Огневу, с опаской перевернул его и стал снимать с убитого сапоги. Тут и застали его белоказачки.

— Эй, что делаешь?

А на лезвиях клинков солнечные зайчики.

— Не видите разве? Командира убил,—

ответил Крысин, с ухмылкой повернувшись к своим.

Среди белых были и его хуторяне. Узнали.

— Гля, ребята, да это ж Гришка Крыса. Вот черт хромой!

Огнева с ординарцем раздели, бросили в камыши. Белые продолжали преследовать отряд. Им удалось настигнуть несколько оставших подвод. Казаков встретили редкими выстрелами фельдшер и ездовой-красноармеец. Остальные, шестнадцати-семнадцатилетние подростки с хутора Казачий Хомутец, тщетно хлестали лошадей, стараясь выбраться из жидкой хлюпкой грязи. Белые изрубили раненых, фельдшера и красноармейца. Ребят же связали вожжами, бросили на дно брички и отправили в Веселый к атаману.

Крысин с односельчанами ехал рядом с подводой, в которой лежал связанный подросток Петька Киричков. Он слышал, как предатель хвастался, что убил матроса с «Авроры».

В тот же день хлопцев доставили в Веселый. Некоторые предлагали их расстрелять.

На крыльцо вышел сам атаман.

— Стрелять? Этих сопляков? Зря пули переводить! Дать им шомполов и выгнать. Пусть идут домой и другим закажут, как к красным бегать.

Дюжие казаки, гогоча, поволокли мальчишек к сараю.

После расправы Петька Киричков ушел из Веселого в степь, держась все время на восток. В Казачий Хомутец он забежал только на одну минуту, чтобы успокоить мать. И снова в путь. Далеко обходил селения, избегая торных дорог и троп. А когда добрался до Великокняжеской, поведал Шевкоплясу о гибели командира.

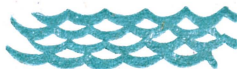
Порубленных красноармейцев подобрали жители хутора Казачий Хомутец. В камышах нашли Огнева и его ординарца. Всех похоронили на склоне степного кургана. С тех пор зовется он Огнев-курган.

В 1924 году прах легендарного матроса и его боевых товарищей перенесли в центр хутора Казачий Хомутец, а в 1966 году на могиле установили обелиск: «Командору крейсера «Аврора» Е. П. Огневу и его однополчанам, погибшим от руки белобандитов 20.IV. 1918 г., от жителей хутора Казачий Хомутец и следопытов Октября».

Теперь эта могила и курган в Приманычской степи стали священными для ребят Казачинской восьмилетней школы. А веселовские следопыты каждый год в день гибели Евдокима Павловича Огнева приезжают сюда, чтобы возложить венки. Приезжали к ребятам в гости бывший комиссар крейсера «Аврора» Александр Викторович Бельшев и научный сотрудник музея-крейсера «Аврора» Илья Иванович Батырин.

В. ПОТАПОВ

Рисунок Н. Мооса

Поэтические маршруты

Иван ФЕДОРОВ

Баллада о рыбаке

Дунул ветер с океана.
Взвился парус.
— Не зевай.
Ставит сети по лиману
старый дед — рыбак Кудлай.

Знает броды и протоки,
где его удача ждет,
в камышах или осоке
будет нынче рыбий ход.

Нет имени у деда —
Кудлаем его зовут.
Приглашают на обеды,
выпить рюмочку дают,
и усмешкою незлою
провожают вдоль села...

Эх, порою заревою
ходит лодка в два весла.
Есть гнездо у каждой чайки,
у лисицы есть нора,
у Кудлая только кайка —
ни кола и ни двора.

У товарищей есть дети —
корни крепкие свои.
У Кудлая только сети —
ни подруги,
ни семьи.

Много раз шумели лозы
здесь,
у кручи на краю,
много рыбы для колхоза
он поймал за жизнь свою.

Быстро в пору заревою
ходит лодка в два весла.

Как вода сквозь сеть густую,
тихо молодость ушла.
Не догонишь...

Папиросу
закурил он и вздохнул.
Вспомнил:
пахли милой косы
дикой мятой в ту весну.

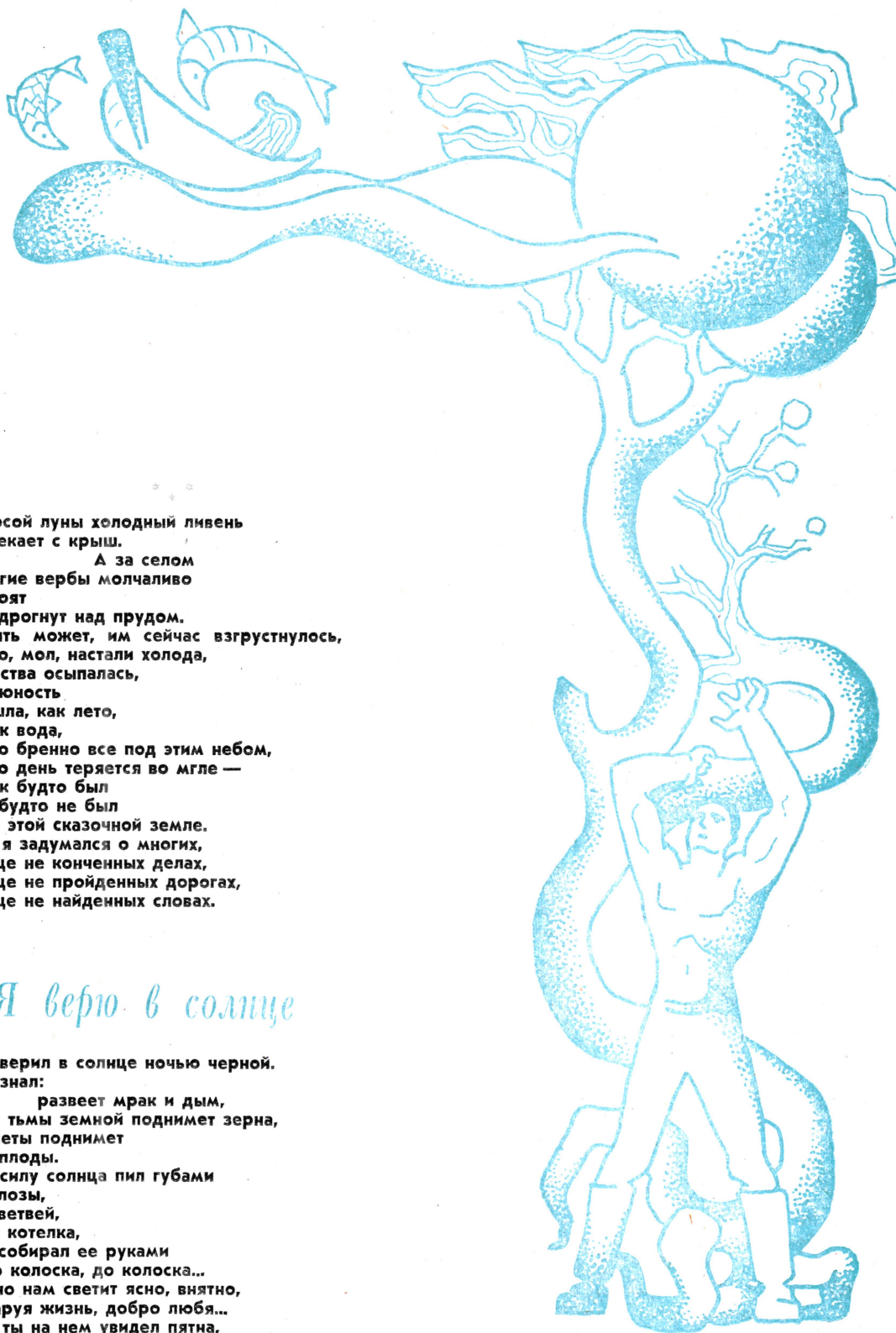
Вспомнил вишенку тугую
и тяжелых пару строк:
«Ты найдешь
себе другую...»
Он других любить не мог.

Эх, низовка штормовая
да разбитое весло.
Знать, судьба его такая,
Знать, ему не повезло.

Вспомнил, как горели хаты,
гнулись травы до земли:
то немецкие солдаты
в хутор заполночь вошли.

Не угнали как скотину
немцы девушек в свой тыл —
Это он взорвал плотину
и фашистов потопил.

Сильно в пору заревою,
ветер, кайку не качай.
Дай, тебя я расцелую
дорогой рыбак Кудлай.

Косой луны холодный ливень
стекает с крыш.

А за селом
нагие вербы молчаливо
стоят
и дрогнут над прудом.
Быть может, им сейчас взгрустнулось,
что, мол, настали холода,
листва осыпалась,
и юность
ушла, как лето,
как вода,
что брэнно все под этим небом,
что день теряется во мгле —
как будто был
и будто не был
на этой сказочной земле.
А я задумался о многих,
еще не конченных делах,
еще не пройденных дорогах,
еще не найденных словах.

Я верю в солнце

Я верил в солнце ночью черной.
Я знал:

развеет мрак и дым,
из тьмы земной поднимет зерна,
цветы поднимет
и плоды.

Я силу солнца пил губами
с лозы,
с ветвей,

из котелка,
я собирал ее руками
до колоска, до колоска...
Оно нам светит ясно, внятно,
даруя жизнь, добро любя...
А ты на нем увидел пятна,
чтоб этим оправдать себя.

ШЕСТЬ КРЕСТОВ

Н. МЫЛЬНИКОВ

Рисунок Н. Мооса

— Тут какая-нибудь случайность,— с явным недоверием высказались бойцы, когда увидели, что наводчик 76-миллиметрового орудия сержант Афанасий Чумов всеми тремя снарядами точно попал в трудную цель.

Сомнение возникло потому, что в показательных стрельбах участвовали бывалые пушкари, хорошо знавшие полковую пушку, ее «повадки», добившиеся высоких результатов в стрельбе. А тут явился с маршевой ротой какой-то новобранец и разом побил все рекорды!

Чумов обратился к командиру батареи:

— Товарищ капитан, тут некоторые случайностью посчитали мою стрельбу, засомневались в ней...

— Пусть их сомневаются,— ответил командир.— Бои покажут, кто на что способен.

— Я бы хотел сейчас показать, товарищ капитан. Разрешите еще парочку снарядов!

Телефонист передал в трубку новое распоряжение командира, и в трехстах метрах от орудия показался движущийся макет танка. Чумов быстро навел орудие. Раздался выстрел, и пробойна зазияла в фанерном танке. Послышались голоса:

— Вот это да! Чистая работа.

— А ну, посторонись чу-

ток! — крикнул наводчик однополчанам, плотно обступившим орудие.— Дайте свету побольше.

Он прильнул глазом к панораме, и через несколько секунд прогрехотал еще один выстрел. Пятый по счету. Снаряд угодил «танку» в переднее колесо.

Подивились: откуда взялся он, этот молодой уже артиллерист в серой солдатской шинели и черных домокатаных пимах?

От командира орудия Шустова сослуживцы узнали: Афанасий Чумов был наводчиком трехдюймовой пушки в гражданскую войну, бил врагов под Ростовом-на-Дону, при штурме Перекопа.

— За Перекопские бои Семен Михайлович Буденный наградил его именными часами,— гордился своим наводчиком Шустов.— А Клим Ворошилов за хорошую стрельбу на маневрах подарил ему самую лучшую бритву с полным прибором.

Пытаясь задержать наше летнее на-

ступление в районе Шяуляя, гитлеровцы бросили в бой танковый полк.

Орудийный расчет, в котором наводчиком был Афанасий Чумов, оказался на самом танкоопасном месте. От слаженности и умения этого расчета, от стойкости его людей зависел успех боя.

Враг вел настолько сильный огонь из танков и с закрытых артиллерийских позиций, что, казалось, еще немного — и не останется ни одного клочка земли, где бы не упал снаряд. Но люди стояли и терпеливо выжидали, когда танки подойдут на такое расстояние, с какого принято стрелять по ним из противотанковых пушек.

...Фашистский снаряд, разорвавшись позади орудия, убил командира расчета старшего сержанта Шустова. И тотчас же головной немецкий танк вышел из кустарников. В панораме прицела была хорошо видна его башня.

— Да быстрее ты! — крикнул Афанасию заряжающий Казначеевский.

Но Чумов выжидал. Он выстрелил, когда танк подошел ближе. Снаряд попал в башню, высек лучистый пучок искр, и машина загорелась.

Афанасий Чумов схватил зубило и на глинистой орудийной площадке, под станиной, вычертил крест.

А вражеские снаряды продолжали рваться вокруг. Были ранены бойцы расчета Гулин и Коротенко.

Чумов прикинул к панораме и крикнул заряжающему: — А ну, ставь второй крест!

Второй вражеский танк, обходя тот, что уже горел густым багровым пламенем, подставил свой бок. Первым же снарядом Чумов повредил ходовую часть машины. Немцы выскочили из люков и врассыпную бросились в кустарник. Но туда же летел осколочный снаряд, метко посланный наводчиком.

Со следующим танком пришлось повозиться. Первый снаряд попал в лоб. Машина вздрогнула, остановилась было, но, поведя грудью из стороны в сторону, снова рванулась вперед. Вторым снарядом заклинило башню, но танк продолжал двигаться и стрелять.

— Дай-ка броневой! — командовал наводчик заряжающему и, чтобы тот не ошибся, приподнял над головой кулак — условное обозначение этой категории снаряда. — Тут, как видно, самые головорезы засели: ни огня, ни смерти не боятся!

Чумов по-мужицки поплевал на ладони, прежде чем взяться за спусковой механизм.

Грохнул новый выстрел. Снаряд прошил боковую броню танка, видимо угодил в боеукладку, и крупповскую броню разнесло на куски. Потеряв много танков и не добившись успеха, немецкое командование бросило на позиции батареи артиллерийско-самоходные установки. Чумов выстрелил по головной машине и промахнулся — впервые в этом бою. Немецкие самоходчики тут же ответили. Их снаряд упал впереди пушки и разбил щит. Сержанта Казначеевского тяжело ранило в голову.

Афанасий Чумов остался один. И уже после этого он уничтожил еще две самоходки противника.

После боя командир батареи, увидев под левой станиной пушки Чумова шесть вычерченных крестов, крепко обнял наводчика и пообещал представить его к правительственной награде.

За бои под Шяуляем Афанасий Гаврилович Чумов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

* * *

Совсем недавно, перебирая фронтные блокноты, я попал на запись, в которой значилось, что Афанасий Гаврилович до войны жил в Кемеровской области. Я послал запрос в облвоенкомат и вскоре получил ответ: Афанасий Гаврилович Чумов живет и поныне в городе Киселевске. Сейчас он пенсионер.

СТО ЧУДЕС КАМЧАТКИ

Б. РЯБИНИН

Фото Б. Коробейникова
и В. Подтабачного

...Все-таки сколь ни изучена наша земля, но еще остаются нетронутые уголки. Один из них— Долина гейзеров.

Не странно ли: даже охотники не знали о ее существовании! Так заботливо упрятала ее природа. И можно представить восхищение, удивление и даже растерянность научного сотрудника Кроноцкого заповедника Т. И. Устиновой, когда она летом 1941 года увидела это редчайшее и красивейшее зрелище—гейзеры!

Четвертый в мире гейзерный район! До этого было известно лишь три точки земного шара, где имелось подобное диво: Йеллоустонский национальный парк в Северной Америке, Исландия и Новая Зеландия. И вот теперь—Камчатка!

...Осень на Камчатку надвигается медленно, не спеша, как бы делая по пути долгие остановки. День чудесен. Кажется, что вовсе не сентябрь и впереди большое жаркое лето.

Рыбацкий поселок Жупаново. Ему суждена большая известность. Год от года сюда будет прибывать все больше людей. Здесь—перевалочный пункт. И не только для туристов. Сюда едут геологи, гидрологи, геофизики, географы—специалисты разных профилей. Вместе с нами с парохода выгрузилась большая партия геодезистов. Они ведут изыскания для строительства Кроноцкой ГЭС. Это будет самая восточная гидроэлектростанция в стране.

Конечно, ГЭС нужна. И одновременно:

— Заповедник не пострадает?

— Да нет, вроде не должен...

Прозвучало не слишком уверенно.

Печет. Далеко-далеко снежные шапки сопок.

А в другую сторону синева-синева, лабораторно-чистая, беспредельная. Где-то там романтические Командоры, где кричат на лежбищах коты-

ки и высится наперекор всем штормам бюст мореплавателя Витуса Беринга.

Где-то здесь лиманы, куда по весне слетаются сотни лебедей. Но сейчас они уже опустели: лебеди перекочевали к югу.

Тропа уходит от воды. Справа и слева безрезь, океан остался за спиной. Серыми видениями встают горы.

Туристы идут без оружия. С 1967 года и инструкторам запретили брать оружие. Меньше соблазна. Но этим не исчерпываются проблемы, возникающие в связи с ростом туризма.

Выше я обмолвился насчет «нетронутых уголков». Да, пока они есть. Пока. Но с развитием туристского движения их остается все меньше и меньше, им грозит серьезная опасность. Камчатские любители и ревнители природы уже сейчас жалуются: туристы ломают пихту в Кроноцком заповеднике, ту самую пихту грациозную, которая составляет один из реликтов этого заповедника. Сломать и увезти на память душистую веточку кажется пустяк, но когда пройдет тысяча человек и каждый ломает? Туристы отбивают куски гейзерита в Долине гейзеров и рассовывают их по карманам. Как бороться с этим злом?

Проблема туризма—одна из острейших. Туризм необходим. Нельзя землю прятать от людей. Но нельзя и людям разворовывать землю. Невоспитанные туристы—как саранча, пожирающая все на своем пути, после которой остается пустыня.

А, заметим, романтика путешествий толкает туриста именно на непроторенные пути, в неосвоенные дали, которые особенно дороги и близки нашему сердцу, о судьбе которых мы должны тревожиться и печалиться с наибольшей силой...

Развитие туризма несет, как следствие, и еще одну угрозу. Там, где развивается туризм, прокладываются новые дороги, строятся туристские отели, базы, лагери-приюты, облегчается туристский быт, широко распахиваются двери для проникновения в чудесный мир природы, а тем самым наносится новый и, может быть, самый ощутимый урон—труднодостижимое и романтическое становится будничным и доступным, примелькавшись, пропадает прелесть заповедности, нетронутости, девственной чистоты. Здесь задачи туризма, и первая из них—показать страну как можно большему числу людей, раскрыть ее во всем разнообразии и красоте, входит в противоречие с... той же самой задачей, которой призван служить туризм: пробудить в человеке святое чувство, научить его любить родину, чтоб он берег ее!

...Последние километры перед Долиной гейзеров.

Длинные каменистые осыпи-подъемы чередуются с крутыми спусками. Вверх-вниз, вверх-вниз. Шаломайник выше головы. В зарослях шумят прозрачные горные ручьи. Перекликаются птицы.

Появилась растительность—кедрач, ягодники, тундры. Снежный хрусткий наст сменяется яркими зелеными лужайками, сплошь усыпанной черникой. Ягоды крупные, сочные. Скользко, мокрая глина. Надпись на треугольнике: «Опасно». Последнее усилие. Что за шум впереди?

Огромный провал. Струя пара бьет из-под скалы. Утесы расступаются. Внизу, в котловине, вырываясь с бурчанием и свистом из расщелин, вспухают белые комки... Долина гейзеров!

Кипящие фумаролы, пульсирующие источники, всплывающие озера (как суп, вдруг поднявшись шапкой, «сбегают» с плиты). Пар и вода из земли. Горячие реки текут здесь и зимой и падают водопадами в горячие бассейны. Река Гейзерная... Гейзер «Малый», гейзер «Большой»... И все это извергается, бурчит, клокочет, ворчит и сердится, взрывается с шипением и свистом, вся долина наполнена голосами Земли...

В громадной перламутровой чаше, пронизанная мириадами пузырьков,— будто брошен бисер,— чистая вода: гейзер «Ванна». Но не вздумайте сунуть в эту ванну руку: температура около ста градусов. Тот же кипяток вздымается фонтанами к небу там и сям, зажигая в лучах солнца многоцветье радуг, заставляя вас вздрагивать всякий раз, когда начинает работать подземная котельная.

Гейзеры работают строго по расписанию. Взлетит, затихнет, снова взлетит... Иные вздымают, как перетрудившийся человек. Гейзер «Великан» выбрасывает столб воды и пара на высоту десятиэтажного дома через каждые два с половиной часа с такой точностью, что по нему можно выверять хронометр.

На крутом осклизлом склоне, поросшем водянистыми тягучими водорослями, можно насчитать несколько десятков гейзеров. Розовато-кремовые завитушки — натёки гейзерита, предмет хищничества туристов (где еще отыщешь его!); блестящее, черное — вулканическое стекло. Оно хрупко, ударь тяжелым — зазвенит и рассыплется на тысячи острых осколков. Кругом что-то дымит, повсюду течет горячая вода. Булькая, тяжело ворочается в грязевых котлах кипящая бурая масса. В теплых прозрачных ручьях полощутся пурпурные и сине-зеленые веревки-водоросли...

Сегодня я увижу самое главное чудо Камчатки.

В начале 1968 года на Камчатке было создано управление по использованию глубинного тепла Земли. По данным этого управления, уже в 1968 году на Камчатке и островах Курильской гряды можно было добывать до полутора миллионов горячей воды в сутки.

Тот, кто внимательно следит за прессой, мог заметить, что с некоторых пор стали часто писать о подземных горячих водах, о том, что они могут и должны быть поставлены на службу человеку. При этом вспоминаются Исландия, Новая Зеландия, располагающие большими запасами этого необычного вида топлива и уже имеющие опыт — как весьма эффективно применить его в хозяйстве. У нас родоначальница этого нового вида энергии — Паужетка.

Паужетка! Уже давно это слово звучало для меня как музыка. Сейчас Паужетка предстала передо мной в виде вполне благоустроенного современного поселка, с яслями и гостиницей, расположенными в разных этажах одного здания.

А вот и сама электростанция — геотЭС. Название это звучит еще непривычно. ГеотЭС... Небольшое здание, на манер колхозной мастерской, где ремонтируют перед севом сельскохозяйственные машины. И оборудование — «начинка» — на первый взгляд, не очень сложное: две турбины, генераторы, приборы с циферблатами, по которым дежурный техник ведет «тепловой контроль». Пожалуй, все. И тем не менее, снимите шляпу.

В 1957 году в долине реки Паужетки появились первые изыскатели. Тихое и малопосещаемое до этого место огласилось криками людей, стуком буровых станков, рокотом вертолетных и тракторных моторов. Начали разведывать бассейн. Стал расти поселок. В нем разместились геологическая буровая партия и контрольно-наблюдательная станция Академии наук СССР.

Памятным стал один из мартовских дней 1958 года. Низкий мощный ревод, разнесшийся вдруг над долиной, заставил людей выскочить из домов: скважина дала горячую воду, прорвался жар Земли! Облако пара окутало 50-метровую вышку. Дождались!

Но тут же пришлось испытать и разочарование: скважина работала с перерывами, как типичный гейзер. Старая загадка гейзеров! Ее разгадали здесь: оказалось, надо уменьшить диаметр скважины. Напор нарастал, скважина действовала бесперебойно.

В 1964 году началось строительство Паужетской геотЭС — первенца советской геотермики. Мощность электростанции — 5 000 киловатт. Не так много. Да ведь начало! Линия электропередачи тянется к Озерновскому рыбокомбинату, другая уходит в «Красный труженик». Вспоминают, как в первый весенний паводок, когда, казалось, строительство шло к концу, речка Паужетка, выйдя из берегов, разбушевавшись, по примеру многих камчатских рек, снесла все сооружения водозабора. В межень — тихая, журчит чуть слышно в отложениях, заросших ивняком берегах, а по весне разойдется — ого! Мало того, река изменила свое русло. Пришлось заново брать за запруды...

— Да вам надо не здесь смотреть. Здесь — что? Смотреть уже нечего... Вам надо на Паратунку ехать!

Я даже опешил. Вот-те раз! Ехал-ехал, и вдруг не туда? Как так? Паужетка не сходила все эти годы со страниц газет...

— Да, да, — повторил собеседник, видя мой недоверчивый взгляд. — Не удивляйтесь. Паужетка это уже каменный век...

Паужетка — «каменный век»?!

Все ли знают такие выражения: «моральный износ», «моральное старение» (кстати, оно случается и с людьми)? Бывает, машина еще целенькая, ей работать да работать, но по своим технико-экономическим показателям она стала невыгодна, машина морально устарела. Именно так произошло с Паужеткой.

Значит, Паратунка? О, это совсем в другом краю Камчатки? Незачем было забираться сюда, на юг полуострова. Паужетка и Озерное — западное побережье Камчатки, а Паратунка — восточное, у Берингова...

— Вы поговорите с Москвичевой, она все расскажет.

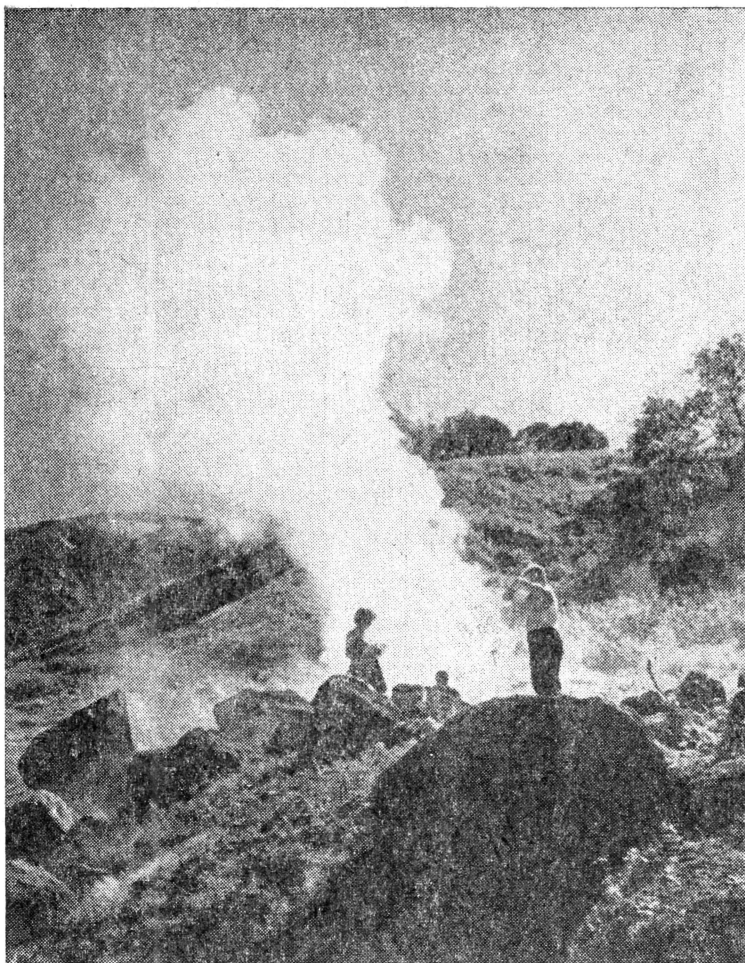
— Кто такая Москвичева? Где ее найти?

— Москвичева строит Паратунку...

Значит — опять в путь.

Паужетка — Паратунка... Отныне эти два оригинально звучащих названия слились в моем сознании, они — синонимы одного понятия: Па-1, Па-2... У нас укоренилась привычка называть многие сокращенными обозначениями — аббревиатурами. Так пусть появится еще одно.

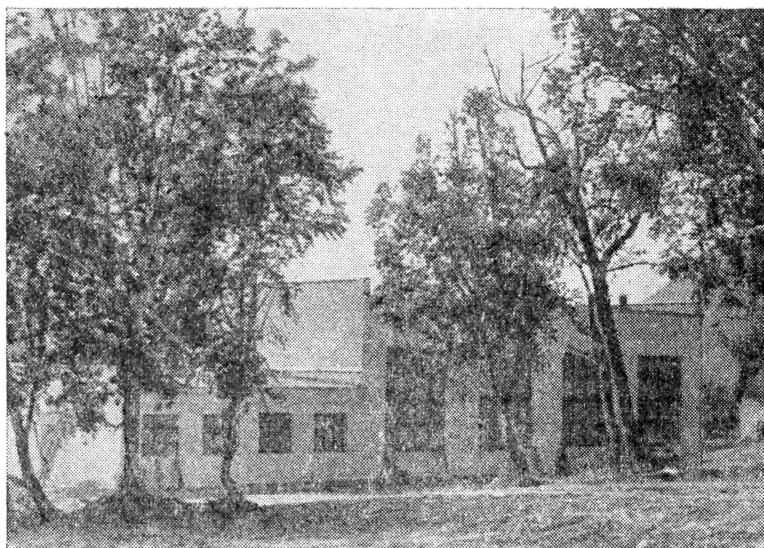
ГеотЭС Па-2, или фреоновая, как ее еще называют, внешне тоже не притязательна, как и старшая сестра, Паужетка. Чистенький корпус

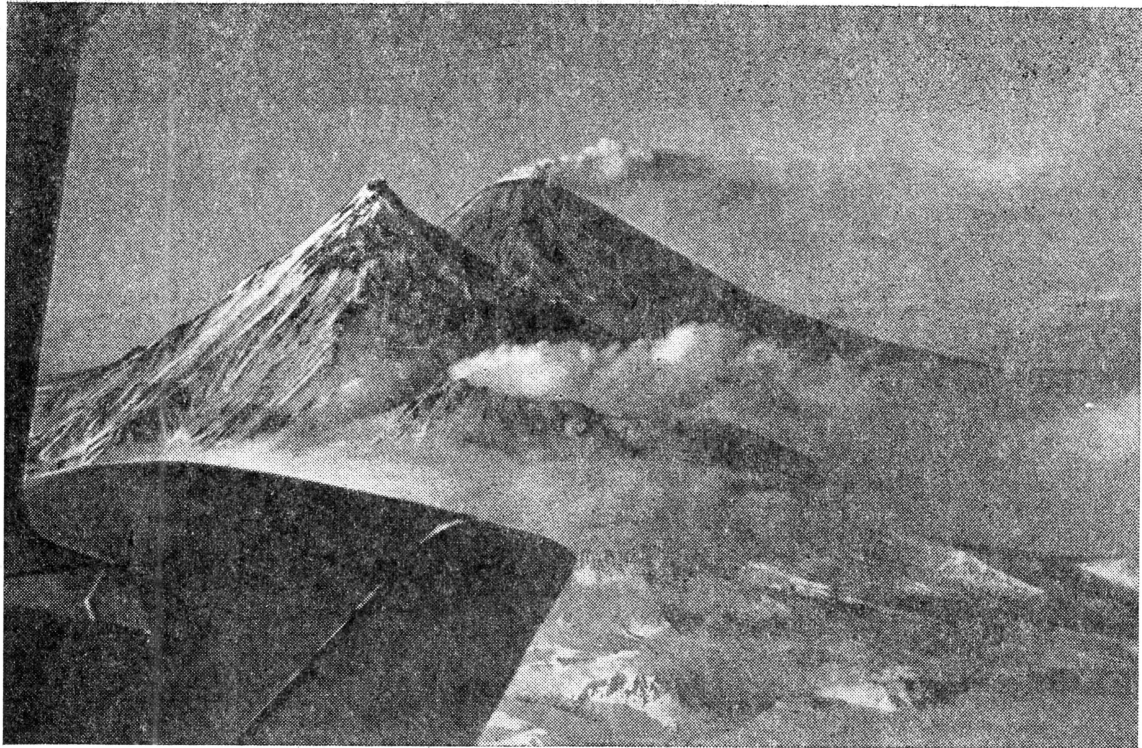
Один из самых красивых уголков Камчатки — Долина гейзеров. Туристы сюда приезжают со всех концов страны. Пульсирующие фонтаны, огромные бассейны, наполненные кипятком, и ручьи, не замерзающие даже в самые лютые морозы, — такой предстает перед глазами туристов третий в мире гейзерный заповедник.

Но горячие реки можно встретить не только в Долине гейзеров. Во многих местах Камчатки геологи обнаружили целые подземные озера горячей воды. Из скважин эта вода бьет точно такими же фонтанами, как и гейзеры. Эти искусственные «гейзеры» заключили в трубы и подвели к турбинам. Так возникли на Камчатке две геотермальные электростанции — Паужетская и Паратунская. Электричество, вырабатывается теплом вулканов.

Наиболее известным и самым высоким на Камчатке вулканом является Ключевская сопка. Окруженная со всех сторон потухшими и молчащими до поры до времени вулканами, Ключевская сопка всегда окутана облаками газов и пара. И трудно поверить, глядя на эти изрезанные лавовыми потоками и ледниками, покрытые вечными снегами, остроконечные вулканы, что у их подножья, на удобренной пеплом камчатской земле буйно цветет тайга.

В камчатских лесах можно встретить редчайшие на земле травы и кустарники, именно здесь, на этом обетованном уголке нашей планеты сохранилась уникальная роща пихты грациозной, которую уже двадцать лет бесшумно охраняет лесник Петр Тимофеевич Юшков.

с широкими окнами, покрашенный в веселые розово-кремовые тона.

Внутри еще заканчивался монтаж.

Сердце станции — котел, наполненный фреоном. Его пронизывают трубки. По водоводу термальная вода попадает в котел, проходит по трубкам, а трубки обволакивает фреон. От нагревания он превращается в пар, возникает давление в несколько атмосфер, пар подается на турбиночку («турбиночка», так сказал Воропаев) и... пошла крутиться машинка. После турбины фреон попадает в охладитель, возвращается в жидкое состояние и — олять в работу!

Значит, работает не пар-вода, как мы привыкли, а пар-фреон; вода же выполняет служебно-вспомогательную (хотя и незаменимую) функцию. Вот в чем принципиальное отличие Паратунской геотЭС от «старушки» — Паужетки, Па-2 от Па-1. Там иная конструкция, без фреона, более по старинке, как говорится, без затей; решено в классических принципах.

Утечки фреона нет — машина должна действовать «вечно». И если вечной будет термальная вода, то... Получается *perpetuum mobile* — вечный двигатель!

«Вечный двигатель»... Чтоб оценить все это в должной мере, надо вспомнить, что ученые уже давно пророчат истощение энергетических ресурсов — нефти, угля, газа, горючих сланцев, торфа. Не беспредельны и гидроэнергетические ресурсы. Между тем, потребность в энергии растет год от года, без нее невозможны развитие промышленности, прогресс.

На очереди — энергия недр. Таковы научные прогнозы. И, стало быть, мы присутствуем при рождении чего-то очень, очень важного, все значение которого сейчас просто даже еще и не осмыслить полностью!

А рождалось это новое не так просто. Материалы таскали тракторами на листах, на повозках. Таскали через речки, через протоки. Тракторы тонули. Потом пурга две недели. Откапывались. А откапались — олять пурга. Зимой снег в этих местах — выше половины окон геотЭС. Иногда по три дня сюда невозможно пробиться. А то две недели идет дождь. Опять не пройдет. Но, что красиво — то красиво! Зимой на Паратунке месяцами ясно. Горы в кедровом стланнике, вдали — сопка Тоски и Печали. Так прозвали эту сопку первые паратунцы. Оттуда с Тоски и Печали видно шесть вулканов, а в хорошую погоду и Авачинскую бухту...

Москвичеву мне удалось поймать в Петропавловске. Она в постоянной беготне и разъездах, мотается туда, сюда; в ее руках все нити управления паратунским строительством, ну, и хлопот-забот, разумеется, хватает. А тут, на Елизовском, у них штаб-квартира, тут и живут, и работают. Живут, конечно, по-походному. Воропаев дал мне телефон. И сперва я позвонил. Мне ответил низкий, уверенный и твердый, почти мужской голос: «Я Москвичева... Приезжайте, буду ждать». И вот она сама, Валерия Николаевна...

Она предельно деловита, энергична, держится уверенно, властно.

Москвичева — начальник экспедиции, главный руководитель работ по налаживанию и пуску Паратунской геотЭС. Кроме всего прочего, Валерия Николаевна — ученый секретарь научно-технического совета Сибирского отделения по комплексному использованию геотермальных источников.

— История первых советских геотЭС, — рассказывает она, — выглядит следующим образом.

Паужетка — геотЭС № 1 — детище Министерства энергетики и электрификации. Строили Паужетку 11 лет. В наше время все устаревает быстро, не избегла общей участи и Паужетка. А кроме того, тот, кто проектировал ее, видимо, еще находился в плену отживающих концепций. (Отсюда и «каменный век»).

Паратунку начали проектировать в 1964 году. А в канун 50-летия Советской власти она уже готовилась к пуску. Сказалось, что все было сосредоточено в одних руках: «наука», проектирование, разведка, строительство, все!

Паратунское месторождение большое. Разведаны запасы, которых хватит и для теплиц, и для отопления Петропавловска, и для выработки электроэнергии. В паратунской воде нет кальция, значит скважины зарастать не будут. Но много мышьяка. Очищать? Министерство здравоохранения возражает против ввода паратунской воды в город. Разработать способ очистки взялся Уральский политехнический институт имени С. М. Кирова.

На Паужетке воду от пара отделяют сепараторы; пар используют, воду сбрасывают. Выбрасывают такое количество тепла, которого хватило бы обогреть сто тысяч квадратных метров земли, чтоб снимать с них 1500—2000 тонн овощей в год. На Паратунке из котлов вода температуры примерно 50—55 градусов уходит на парниково-тепличный комбинат. Подогрев почвы. И плюс — любые бассейны! Вот так бы использовать все блага природы!

На Паужетке говорили: что-то не очень чувствуется, что она экспериментальная. На Паратунке, чего ни коснись, кругом эксперимент, эксперимент....

Ну, а теперь о самом главном.

Температура паратунской подземной воды 84—90 градусов. («Только парок»). Что делать? Подогревать? Так родился замысел фреоновой геотЭС — «вечной» ГЭС.

Вообще-то фреон известен давно. Он трудится в миллионах квартир: на нем работают холодильники и разные другие холодильные устройства. Замечательным свойством его является то, что он кипит уже при 30 градусах. А при температуре в 70—100 градусов Цельсия уже дает давление пара 20—30 атмосфер. А что еще нужно для турбины!

Но есть у фреона и опасное свойство: он летуч. Нужна строжайшая герметизация, чтоб он «не убежал».

Котлы для фреона поставил Уралхиммаш. На Шатуре надо было доказать работоспособность цикла системы, предложенной новосибирскими инженерами и всеми, кто трудился над созданием фреоновой геотЭС.

Трудная задача возникла — как перевезти фреон?

Обычно возят в маленьких баллончиках. А тут надо сразу тридцать тонн. Решили — в больших емкостях. Пошли за консультацией в морфлот. Там говорят: перевозили однажды на Кубу, — и «все, случаев больше не было. Да видите, как все возят... А как возят все? — Никто не знает.

— В конце концов, — продолжала рассказ Валерия Николаевна, — договорились с морфлотом: перевезут на теплоходе на верхней палубе.

А мы должны обеспечить непрерывный контроль утечки фреона.

Поехали два наших механика, Комов и Евстигнеев. Впервые в жизни плыли паромом, попали в шторм, все обледенело — ведь дело было в январе.

Начальник порта кричал: «Уберите свой груз, он еще взорвется!»

А потом еще ГАИ... Опять осложнение: груз негабаритный... Перевозили ночью. Милиция сопровождала до девятого километра... А потом плюнула: ну вас, везите сами!

Доехали до речки Быстрой, мост пропускает пять тонн, а груз наш двенадцать, и тридцать тонн — котлы... Тут надо сказать спасибо Анатолию Ивановичу Быкову, заместителю председателя облисполкома. Он договорился, прислал солдат, навели переправу на реке. А река-то не замерзающая.

— Все? Я ответила на все ваши вопросы? Больше вас ничего не интересует? — обратилась ко мне Валерия Николаевна и тут же решительно тряхнула головой: — Нет, еще нет! — И, теперь уже без всяких понуждений и просьб, продолжала развивать свои мысли-мечты, свои убеждения.

...В перспективе: поставить фреоновые турбины на «хвосты» мощных тепловых электростанций. Это уже вне связи с геотермикой, хотя геотермика решает и эту задачу... Не понимаете, что это значит? Они же сбрасывают воду с температурой в 120 градусов. Представляете, сколько зря пропадает тепла! Увеличение на двадцать процентов. Эту задачу тоже будет решать Паратунка.

...Еще одна проблема — с помощью тепла вырабатывать холод. Такие машины уже есть. Важно для Средней Азии, там, где очень жарко. Бромисто-литиевые машины. По трубам пускать холод и тем понижать температуру окружающего воздуха.

...Уже строятся парниково-тепличные комбинаты: на Паратунке, в Тарнаире — в Дагестанской АССР, Покровский — в Казахстане. Скоро, очевидно, начнет разрабатываться Черкашинское месторождение.

...А теплоснабжение Махач-Калы? Уже решенный вопрос!

Но, конечно, богаче всех подземным теплом Камчатка. Уже разведаны Больше-Баннные источники. Была испокон веку естественная банька, не надо ни топить, ни воду носить, — приходи, мойся, все готовое. Теперь Больше-Баннные дадут жизнь еще одной геотЭС, самой мощной: 25 000 киловатт. Изыскания там развернулись в более быстром темпе. Все расчеты за институтом теплофизики Сибирского отделения Академии наук. Он же — консультант, а «хозяин» — Министерство энергетики и электрификации СССР.

Каков проект? Снова — фреон. Срок — 1969—1970 гг. Но геологи еще не подсчитали за-

пасы. Это может задержать. Но может и не задержать, если взяться крепко. Подземное тепло — новое полезное ископаемое. Запасы его еще не выявлены. Не будет особого греха, если начать строительство Больше-Банной геотЭС, не ожидая формального утверждения запасов. Никто не знает толком, как их утверждать. Больше-Баннные — напрямую от Паратунки — 45 километров, но — перевал, пока не пробьют дорогу прямо, объезд больше ста километров.

Больше-Баннные — это и новый подъем овощеводства. Огурцами, помидорами, укропом, петрушкой теперь уже никого не удивишь. Может, выращивать и бананы, как в Исландии или Новой Зеландии? Право, в этом нет ничего необычного.

Совершенно очевидно, что Долина гейзеров не будет затронута освоением термальных богатств полуострова, она — сфера любительской экзотики и прекрасного. Но сколько есть еще мест, где жар Земли сам просится в руки!

В начале 1968 года на Камчатке было создано управление по использованию глубинного тепла Земли. По данным этого управления, уже в 1968 году на Камчатке и островах Курильской гряды можно было добывать до полутора миллионов кубометров горячей воды в сутки.

Уже сейчас подсчитано, что бассейны Предкавказья, Прикаспийской низменности и Западно-Сибирской равнины занимают площадь около двух миллионов квадратных километров. Тепло этих бассейнов можно отопить более шестидесяти городов.

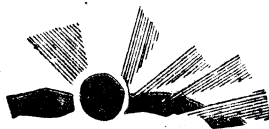
Уже после возвращения с Камчатки я получил письмо от Валерии Николаевны Москвичевой: «Не писала сразу по двум причинам — готовили к пуску станцию. Пустили 4 ноября поздно вечером, а до этого события не знали, когда день, а когда ночь. Затем я спала дней пять, вторая причина. Дней через десять улечу в Новосибирск...»

Итак, первая фреоновая «пошла», уверенность не подвела инженера Воропаева. «Вечный двигатель» заработал. Он стал свершившимся фактом.

Однако я не могу отделаться от чувства некоторого разочарования и огорчения: все-таки медленно, очень медленно все продвигается! Такая гигантская проблема — рождение новой энергии! Эксперимент? Да, интересный. А практическая отдача пока ничтожна.

...Бежит время. А перед моим взором по-прежнему далекий и романтический советский край, омываемый с трех сторон морями. В памяти синие ягоды тундры, крики кайр на океанском базаре, лежбища великанов-моржей, горные хребты, доступные разве что лишь птицам, и неумолчный шум океанского прибоя...

Камчатка — Свердловск 1967—1968

ПАМЯТЬ МОЯ — СОЛДАТЫ...

Виктор СТАРИКОВ

Рисунки В. Цигалы

Украина, Украина...

Украина вокруг меня.

Казалось, что воздух за Днепром иной, чем в России. Более ласковый, насыщенный теплотой ее благодатной земли, настоящий прелью ранней весны. Украина встретила нас теплым февральским солнцем. Земля, словно от радости освобождения, спешила сбросить снег и лежала жирно-черная, с простынями ярких шелковисто-зеленых озимей.

Через широкий Днепр по временной деревянной переправе днем и ночью двигались наши войска, уходившие дальше на запад. Мы жили ожиданиями скорых новых боев. Прикидывали, когда и где наши войска будут наступать, как далеко еще отбросят на запад врага, на какие выйдут рубежи.

Войска растекались по дорогам Украины. Женщины и здесь по-матерински встречали солдат, пришедших дальними путями из России. Для ночующих они рассыпали по глиняному полу вдосталь соломы, за ночь, пока бойцы, утомленные дневным переходом, сладко храпели, успевали выстирать портянки, зашить обмундирование, шинели. Утром солдаты накручивали на ноги сухие портянки и трогались дальше.

Наша редакция расположилась недалеко от Киева в двух уютных дачах Святошина, среди сосен, рассеченных длинными просеками улиц. Ветер раскачивал вершины синеющих сосен, и они приветливо гудели по ночам. В дачных садах и

прямо на обочинах улиц голубели на длинных ножках крупные подснежники.

Мы побывали в Киеве несколько раз. На уцелевших домах виднелись вывески магазинов, выписанные готическим немецким шрифтом. Тот же шрифт виднелся и на дощечках с названиями улиц. На пустырях можно было увидеть исковерканное немецкое оружие, погнутые стальные каски. Касок было много. Слово кто-то сгребал их в кучи. Еще не убрали с улиц подбитые танки, пушки, остовы сгоревших грузовиков и легковых машин.

В Киеве кое-где продолжали действовать частные магазины, пивные, рестораны. За сумасшедшие деньги там можно было выпить свекольной самогонки, кислотатого пива, съесть шницель. Гудел обширный базар с обилием странных для нас вещей — иконок, ладанок, медных крестиков, поминальных книжек, молитвенников и множеством всякой житейской рухляди.

Город только-только приходил в себя после долгих страшных дней немецкой оккупации и тяжелых боев за освобождение его. Однако все кипучее и энергичнее разворачивалась наша жизнь. Уже выходили на русском и украинском языках республиканские газеты. В театре мы посмотрели спектакль «Шельменко-денщик».

Уральцы-добровольцы получили с уральских заводов новые грозные «тридцатьчетверки» и готовились к боям за Днепром. Танкистов порадовало, что на этих «тридцатьчетверках» стояли более мощные пушки — 85-миллиметровые, вместо прежних 76-миллиметровых. Снаряды новых пушек легче пробивали броню немецких танков.

Наши войска, начиная с тяжелых июльских боев 1943 года на Орловско-Курской дуге, только наступали. Все энергичнее, все с большими потерями для противника мы изгоняли немцев с нашей земли. Берлин был все ближе!

В дневнике за 23 февраля 1944 года у меня записано:

«Завтра утром покидаем полюбившееся нам Святошино и двигаемся на Шепетовку — район горячих боев».

28 февраля:

«Выехали 25 февраля. Чудесная дорога — Житомир, Новоград-Волынский, Корец. Живу в Кривени. Это уже Западная Украина. Проехал огромное расстояние. Реально ощущаешь, как далеко ушла на запад Красная Армия. Днепр теперь в глубоком тылу».

Сегодня днем побывал в Остроге — красивые каменные особняки, чистенький уютный город в садочках».

5 марта:

«Опять мы в пути... В сводке пишут: «Дороги непроходимы для всех видов транспорта». А мы все же движемся. Местность тут пересеченная, всхолмленная, с небольшими рощами. В низинах — болота. Пятнадцать километров с колонной грузовых машин пробивались весь день. Все — грузовые машины, легкие и тяжелые, даже танки и самоходки, орудия на гусеничном ходу — застревает в глубокой грязи, жирной и вязкой, словно клей. Километра два тряслись по шпалам разрушенной немцами железной дороги, но и на ней застревали дважды».

Нашу колонну грузовиков нагоняют командующий корпусом генерал Белов и член Военного Совета генерал Гуляев. Оба накаленные, нервничающие. На всех дорогах — «пробки». Идет активное наступление, корпус втягивается в прорыв, а тылы неимоверно отстают, растянулись, не обеспечивают снабжением наступающих».

Немцы отходят. Танкисты громят их на всех направлениях.

Ночуем в сарае на истоптанной соломе. На ужин — честно поделенные между всеми ржаные сухари».

«ВОЙСКА 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА ПРОДОЛЖАЛИ УСПЕШНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро 6 марта. — НАШИ ТАНКИСТЫ И ПЕХОТИНЦЫ

В РЕЗУЛЬТАТЕ СРЕМИТЕЛЬНЫХ УДАРОВ ОВЛАДЕЛИ РАЙОННЫМИ ЦЕНТРАМИ ТЕРНОПОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ — ГОРОДОМ И ВАЖНЫМ УЗЛОМ ШОССЕЙНЫХ ДОРОГ ЗБАРАЖ, ВИШНЕВЕЦК, ЛАНОВЦЫ, НОВОЕ СЕЛО, РАЙОННЫМИ ЦЕНТРАМИ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ФРИДРИХОВКА И ГРИЦЕВ».

Фридриховка

Два солдата с автоматами выскочили на асфальтированную дорогу, проходившую в глубокой выемке, и отчаянно замахали руками, приказывая остановиться.

Наш водитель притормозил машину.

— Что такое?

— Куда претесь? Хотите к немцам попать?

— Да ведь наша Фридриховка.

— Наша, наша... Только немцы в нее не пускают.

Надо разобраться в обстановке.

Четвертая танковая армия действует в оперативной глубине противника. Она громит его гарнизоны в селах и городах, узлы сопротивления, перерезает важнейшие коммуникационные пути, линии железных дорог, громит штабы, дробит на части немецкие соединения. Противник не знает, где и какой силы обрушится на него стальной удар. Все рушится и распадается. Части противника разобщены и лишены единого управления. Случается, что наши танкисты и сами неожиданно напарываются на немецкие части, отходящие под напором основных сил фронта, и на те, что спешат из глубины на помощь своим, спешно подтягиваясь для отражения наступления. Возникают большие и малые «котлы», в которые попадают части противника и наши подразделения. С той только разницей, что мы этих «котлов» не боимся, сознательно лезем в них, уверенные в своем преимуществе.

Не в таком ли «котле» и Фридриховка, захваченная уральскими танкистами?

В километре от шоссе в трех домиках разместились штабы нескольких частей. Там-то нам и рассказали, что сейчас происходит в Фридриховке.

Она была захвачена с ходу после короткого и отчаянного боя. Уральские танкисты действовали самостоятельно в отрыве от пехоты и теперь оказались зажа-

тыми крупными бронированными силами противника. Там идет трудный бой. Фридриховка взята немцами в плотное кольцо. Тяжело нашим ребятам.

Да, мы действительно могли с ходу угодить в неласковые объятия немцев.

Можно ли вернуться нам? Нет! Сзади немцы в нескольких местах перерезали шоссейные дороги. Разумнее дожидаться, пока прояснится обстановка. Тогда с этими штабами и передислоцироваться в Фридриховку.

Толковый совет.

Ночевали мы в одном из домов маленького хутора. Спали тесно, вповалку, на полу. Лежали так плотно, что повернуться с боку на бок не было возможности. И всю ночь прислушивались к тому, что происходит за стенами хаты.

В середине ночи ввалились штабисты еще одной артиллерийской части. Эти были из резерва главного командования. Возник горячий спор. Прибывшие настаивали на своих правах на этот дом, ибо тем, кто ранее расположился тут на ночлег, полагалось сейчас находиться в Фридриховке. Но скоро офицеры разобрались, примирились, и на полу как-то сумели разместиться еще шестеро.

...Всю ночь со стороны Фридриховки доносилась орудийная стрельба: бой продолжался.

А рано утром оттуда появился лейтенант, разыскивающий свои отставшие тылы. Он-то и сообщил, что бои там закончены и дорога в поселок свободна от немцев.

Часа через два мы со штабниками въехали в Фридриховку.

На белом снегу особенно зловещи все черные следы войны.

У самого въезда в поселок, возле могучих столетних ветел стояли рядышком два «тигра», с обгоревшей краской на толстых стальных бортах, с густыми разводами ржавчины. Тут же лежали и мертвые полуобугленные трупы немецких танкистов. Смердный дым тянулся над всей округой. На улицах и в садах виднелись немецкие и наши разбитые и сожженные машины. Многие дома разрушены. Заснеженные тротуары засыпаны щебнем. В центре поселка еще один подбитый «тигр», расстеливший широкую и длинную гребенчатую гусеницу.

Всюду трупы солдат, лошадей...

Обычный вид поселка, где только недавно прошел бой.

Командира саперной роты старшего лейтенанта Толмачева я увидел во дворе дома. Он сидел на приступке черной лестницы и отдавал распоряжения старшине. На улице стояли ротные грузовики, нагруженные саперным имуществом. Саперы покидали Фридриховку.

Чисто выбритое лицо Толмачева розовело. Одет он был с особой тщательностью, словно собирался на доклад к генералу. Не поверить, что всего три часа назад старший лейтенант Толмачев вышел из боя, если бы не запавшие глаза, да чернота усталости под ними. Голос его звучал хрипло и надорванно, как у человека, долго и надрывно кричавшего.

Он все похлопывал нервной тонкой рукой по планшетке, словно отбивая ритм своего торопливого рассказа.

— Приказали — к утру навести для автоматчиков штурмовой мостик. Для броска на Фридриховку. А берега — неудобные, топкие. Прикинули — триста метров. Легко ли? А у немцев на правом берегу два дота, пушки. На высоте — станковые пулеметы. Сила! Бьет прямой наводкой. Все ему видно хорошо. Мы сдуру сунулись к берегу и тут же отошли. Сразу троих ранеными потеряли. Огонь такой плотности, что ничего не сделаешь.

А приказ, однако, выполнять надо.

Вечером сержант Кошелков и еще трое — Левчук, Сафин и Агранович — перебрались через реку и доложили, что противник ведет себя спокойно. Мы этих разведчиков там и оставили, а сами — за работу. Разломали все деревянные заборы, из этих досок, бревен и наводили штурмовой мостик. Всю ночь ребята из воды не выходили. В подвале домика печку наладили. Чуток погреются у нее ребята, и опять в речку.

Успели к сроку.

Немцы даже не чухнулись, что мы у них под носом навели переправу.

Утром по ней автоматчики и рванулись в Фридриховку. А с другой стороны — от шоссе — танки двинули. Немцы не ждали такой силы. Так мы и ворвались туда. Одним ударом их вышибли. И без особых потерь... У меня только те, в самом начале, трое раненых... Все потом началось. Навалилась их танковая часть. И пошло... Зажали они нас крепко. За всю ночь ни минуты даже вздремнуть не дали...

Как вкусно пахнет сырой мартовский снег! Легкий, крупный, он начал падать

РАНЕНЫЙ «ГОЛОСУЕТ»

часов с десяти утра и все падал, падал, покрывая пушистой белизной трупы, все черные ожоги и болячки земли.

Деревья стояли нарядные, опущенные белым, ветки роняли тяжелые капли. Фридриховка похорошела. Солдаты, еще ночью воевавшие, обрадовались снегу, словно дети, начали игру в снежки.

Возле маленького универсального магазина, с разбитыми зеркальными стеклами, растоптанными тряпками и картонными коробками в витрине, я увидел старшего лейтенанта Леню Шершеня — командира батареи самоходок. Он наблюдал за игрой своих солдат. Я обрадовался тому, что опять вижу его. Жив человек! Стоит и улыбается. Видно, что ему самому хочется скатать снежок и запустить его метко в кого-нибудь. Правая пола куртки у Лени обгорела, во всю правую половину лица багровеет синяк, ссадина на скуле залита щедро йодом.

— Что с тобой? — спросил я.

— Воевали... — Леня беспечно улыбается.

Видно, что он тоже рад нашей неожиданной встрече.

В Брянских лесах, когда уральцы вышли из боев, я три дня прожил у него на батарее. Тогда стояла тихая поздняя осень, великолепная сухая осень средней полосы России. Бронзово горела на дубах листва, в лесу пахло крепким настоем вянущей зелени. Я хорошо познакомился с Ленью Шершенем и с его такими же молодыми, как он сам, офицерами, со всеми самоходчиками. Маленький коллектив, прошедший первые боевые испытания, жил единой дружной семьей. Удивительно быстро молодые ребята выросли в толковых командиров.

— Потопали к нам, — предложил Шершень. — Ну, Фридриховка нам запомнится! Погоняли нас тут немцы.

— Потери имеешь?

— Обошлось. И машины целы... А немцам накостиляли. Набили тут зверья — «тигров» и «пантер». Видел? Железного лома одним составом не вывезти.

На просторном дворе самоходчики возились с машиной, меняли поврежденные траки, проверяли работу двигателя.

Я увидел офицеров, с которыми по-

знакомился еще на Брянщине, лейтенантов Николая Павленко, Степана Родионова, Михаила Кученкова, Аркадия Веселова.

Да, Фридриховку захватили уральцы с ходу. В оперативной сводке правильно указывалось, что этот районный центр освобожден танкистами. Но отстаивать ее пришлось в трудных боях несколько дней. Немецкие танковые полки оседлали дороги, заперев выходы нашим танкистам. У немцев были только тяжелые танки — «тигры» и «пантеры» против «тридцатьчетверок» и самоходок. Танки против наших танков на улицах поселка.

И уральцы приняли этот бой.

Лейтенант Веселов рассказывал, что они с двумя самоходками стояли в саду, как вдруг метрах в ста перед ними упала стена сарая и из обломков и пыли вылезла «пантера». Пушка ее смотрела в упор на уральцев. Наводчик Филимонов кинулся к прицелу. Но немцы своим выстрелом опередили его и подбили у самоходки два катка. Выручил не растерявшийся водитель Салманов. Машина еще могла двигаться, и водитель развернул ее, уходя от прицельного второго выстрела. Филимонов послал подряд три снаряда в лоб «пантере», прошив первым же насквозь башню. Этот зверь остался на месте. Хладнокровие и быстрота помогли ребятам выйти из неожиданного поединка победителями.

Леня Шершень находился в другой части большого сада. Сквозь деревья он увидел на дороге «пантеру». Немцы заметили самоходку и начали разворачивать башню. Однако экипаж Лени Шершеня опередил немецких танкистов. Первым снарядом они угодили «пантере» в борт, и она сразу задымила.

Было и так: неожиданно вдали на шоссе показались «тигры». Семь машин! Они двигались цепочкой. Танкисты, сменив позицию, укрывшись, приготовились к встрече.

Когда расстояние между ними сократилось метров до трехсот, они открыли огонь по головной машине и подбили ее. Взялись было и за вторую, но немцы поспешно оттянулись.

В этот первый день боев лейтенант Родионов тоже сумел подбить «тигра». Сжег «пантеру» лейтенант Николай Павленко.

Немецкие танки, имея броневое и численное преимущество, более сильные

пушки, ползали по улицам Фридриховки в поисках уральских танков. Самоходчики искали укрытий, все время маневрируя, чтобы не попасть под огонь немецких машин, и били по ним только с близких дистанций, порой сокращая их до двухсот-трехсот метров, чтобы наверняка сокрушить броню. С такого расстояния новая 85-миллиметровая пушка прошивала крупноповскую сталь.

Несколько раз Николай Павленко попадал под огонь немецких танков, но ребята быстро исправляли все повреждения и опять кидались в бой. В последний день «тигр» сумел двумя выстрелами поджечь их самоходку. Из чадившей машины наводчик Милегов продолжал стрельбу, забыв, что могут взорваться снаряды. Однако его товарищи сумели сбить пламя, спасти Милегова и машину.

«Тигры» и «пантеры» свободно гуляли по улицам уютной, с высокими тополями, Фридриховки. Они держали под контролем центральную улицу, подступы к вокзалу, главные перекрестки. Тяжелые снаряды и болванки легко прошивали стены домов, магазинов.

В трудном положении оказался штаб свердловской танковой бригады, зажатый со всех сторон. Он засел в глубоком подвале углового дома, лишь несколько радистов и автоматчиков находились на поверхности среди разрушенных стен дома.

Однако прорваться дальше этого дома немецким танкистам не давал командир «тридцатьчетверки» лейтенант Григорий Чесак. Он нашел такую удобную позицию, что не замечаемый немцами мог появляться то на одном участке, то на другом. Отлично управлял машиной его механик-водитель старший сержант Овчинников. Да и остальные ребята — радист старший сержант Бухалов, башнер старший сержант Курбатов — в смелости не уступали своему командиру.

Гриша так рассказывал о боевых действиях в Фридриховке:

— Первый день тут у нас был спокойным. Спокойно прошла и ночь. А утром, только сели мы завтракать, вдруг на улице автоматная и пулеметная стрельба. В окно увидели, как «тридцатьчетверка», что стояла возле дома, загорелась.

Мы выскочили из дома. Только я втиснулся в башню, как по ней, срикошетив, ударила болванка. Овчинников стал выводить машину, и тут нас немец вторым сна-

рядом угостил. Но хорошо, что снаряд угодил ниже, у нас в танке только кусок брони отбило.

Слышу крик:

— Танки идут!..

Я всмотрелся: ползет по шоссе девятка тяжелых танков.

Подготовил подкалиберные, отодвинулся в укрытие и жду. Выполз головной «тигр», и я по нему сразу ударил, перешиб гусеницу. А расстояние между нами — не больше восьмидесяти метров. «Тигр» остановился и разворачивает в мою сторону пушку. Я — по пушке. И перебил ее первым снарядом. Потом — в шаровую установку пулемета. В моторную часть. Он и задымил. А сам — в сторону. И тут немцы открыли по нам огонь. Начисто снесли угол дома, за которым я прятался.

Второй «тигр» показался. Остановился рядом с подбитым, выпустил несколько снарядов в упор по дому и пошел себе неторопливо дальше. Только он дошел до перекрестка, я начал по нему стрельбу. Но в дыму ничего не вижу: попал — не попал?

Немецкие танкисты заметили, где наша позиция — и ударили. Дом в крошки разбивают. И в машину несколько попаданий: разбили ленивец и гусеницу.

Все же мы сумели уползти.

Подошли еще три «тигра». И со злости — бьют по дому. От него уж только гряда щебенки.

А мы еще дальше уползли, вышли из зоны огня. Выскочили машину осмотреть: гусеница еле держится, ленивец треснул. Тут к нам ребята подоспели. Взялись мы срочно приводить в порядок машину.

А на улице стоят три подбитых «тигра». Немцы к своим на помощь поспешили. Окружили подбитые машины, а в нашу сторону пушки развернули. Мы выждали немного, потом незаметно подошли к разбитому дому и через пролом сделали по немцам четыре выстрела, да осколочными по автоматчикам.

То выскочим, то скроемся. Так немцы и не смогли оттянуть свои подбитые машины, и те сгорели до конца.

Ночью немцы зашли с другой стороны. Действовали так: встанут ракету, пройдут метров десять и встанут. Опять ракету пускают... Кругом шум, трескотня... Трудно определить, где наши, где фрицы. Было так, что я выехал на улицу и остановился. Вдруг ракета, и впереди, метрах в

пятидесяти, два немецких танка и пушки прямо нам в лоб наведены. Мы сразу ходу в сторону. Еле успели от огня уйти.

Начали «тигры» охоту за нашими «тридцатьчетверками». По четыре-пять машин на одну нашу. Я заметил такую группу, пропустил три машины, а по четвертой ударил. Она остановилась. Надо бы еще снаряды послать, а у нас пушку заклинило. Пришлось сматываться. Но исправили мы пушку быстро. И опять к шоссе. Трижды выстрелили и еще одну машину зажгли.

А свою машину вот как потеряли.

Мы ушли в укрытие. Рядом стояла другая «тридцатьчетверка». Ей болванкой сорвало башню. И надо же! Эта башня ударила по нашей, заклинила ее и свернула нам пушку. Мы уже через нижний люк выбирались...

Гриша Чесак сидел передо мною в потемневшей от копоти гимнастерке, пахнущий дымом, веселый и беспечный в эти минуты. Таким он и нарисован художником Виктором Цигалем. Тут же, в комнате, были и остальные члены его экипажа. И радостно было сидеть с ними, слушать их рассказы. Выдержали жестокие бои и все остались живы и невредимы.

Высокий, огненно-рыжий, веселый Гриша Чесак, получивший за бои в Фридриховке звание Героя Советского Союза, отличившийся позже и во многих других боях, говорил своим ребятам:

— Я хочу прожить громко. Пусть у меня кости трещат, но и немцу будет лихо. Мы в школе в шутку никогда не дрались, только до крови. Я драк не боюсь. Дома обещал, что на войне не погибну и героем вернусь.

Он, как приказал себе, воевал геройски.

Недавно я узнал, что Герой Советского Союза Гриша Чесак и сейчас продолжает служить в танковых войсках, в звании майора, командует танковым батальоном.

В центре Фридриховки в братской могиле спят вечным сном уральцы-добровольцы, погибшие в весенних боях 1944 года на Украине.

— Я в Фридриховку с первыми танками въехал, — рассказывал мне лейтенант медицинской службы Ю. Н. Новиков. — Надеялись мы, что тут немцы могли оставить склады с медикаментами. Верно, нашелся один склад, и я принял меры, чтобы его не тронули.

Вдруг в середине дня поднялась стрельба. Пушки рядом бьют. И крики на улице:

— Танки!.. Танки!..

И начались бои с немецкими танками.

У нас раненые появились. Я тут главным медиком оказался. А помощников у меня — никого. Все машины медсанбата застряли где-то в грязи: никак мы за танкистами не могли угнаться... А раненых все больше и больше. Стрельба идет со всех сторон. Крепко жмут немцы. Появились и тяжелораненые.

Что мне делать?

Тут подходит ко мне пожилой человек и называет себя. Говорит, что он сам врач, и еще двое его коллег — врачи, есть и опытная медсестра. Они готовы помочь нам в уходе за ранеными. Ох, как обрадовался! Вот их имена, запиши: врачи Петр Николаевич Абрамов, Борис Васильевич Краюхин, Петр Григорьевич Рудаков, медсестра Екатерина Яковлевна Барбелюк.

Мы выбрали с врачами получше дом и поместили в нем тяжелораненых. Таких набралось двадцать два человека.

А я занялся другими.

Но про этот госпиталь не забывал. Беспокоился, как там, все ли в порядке? Я же не знаю этих людей. А они под немцем жили. Несколько раз наведывался туда, проверял. Видел, что все там пока в порядке. Врачи опытные, уход за нашими людьми наладился, кормят их хорошо. Словом, порядок!

Вечером девятого марта обстановка стала особенно тревожной. «Тигры» — кругом обложили. Видимо, немцы решили, что пора с нами кончать. Бои по всей Фридриховке. Немецкие автоматчики стали тревожить. На крыльцо страшно выходить — могут обстрелять.

Кто-то говорит, что немцы прочно заняли ту окраину, где я раненых разместил. Что же сейчас с ними? От тревоги места себе найти не могу. Попытался днем туда пробраться, но там и вправду немцы — не пройти.

Пошел ночью, взял двух автоматчиков. Добрались до дома благополучно. Но там — никого. Значит, погибли наши ребята от немцев. А мы, когда отходили, напоролась на немецких автоматчиков, но сумели благополучно выйти к своим.

Как только в Фридриховке стихли бои, я сразу же опять туда. И тут бегут ко мне жители: живы наши танкисты.

Оказывается, фридриховцы, когда

увидели, что немцы нас одолевают, спрятали раненых по домам. Не побоялись! Так я нашел капитана Ильичева, командира батареи Юхтина, солдат Кривоноса, Гайдукова, Лобачева... Всех, всех двадцать два человека... Местные жители спасли им жизнь. Врачи их не покидали.

Кажется, этот подвиг врачей и жителей Фридриховки в нашей газете остался неотмеченным.

В одной части Фридриховки местные врачи и жители, рискуя жизнью, спасали от немцев советских воинов, а в другой части Фридриховки разыгралась мрачная трагедия.

О ней мне тогда рассказал санитар Дмитрий Самойлов. Это был физически сильный человек, по профессии сварщик. В танковый корпус он пришел с Уралмашзавода.

— Раненого лейтенанта Севастьянова я нес на спине метров двести пятьдесят, — рассказывал он. — Трудно было — земля вязкая, ноги разъезжаются, да и стрельба кругом. Лейтенант потерял сознание, только все стонал. Тяжело стонал... Я положил его за сараем и опять пошел к линии обороны. Там еще остались раненые. Потасил заряжающего Нюхалова. Его ранило в руку и ногу. Пока таскал, он все просил:

— Положи, других спасай... Я отстреляюсь, одна рука еще действует.

За сараем я наскоро перевязал Нюхалова, и он сразу задремал. Сходил еще раз — притащил заряжающего Огородникова. Тут еще лежали Бороденко, Пирожников, Брюхалов. Все из одного батальона. Плохо ребятам, но крепятся, кто может.

Смотрю — близко немецкие автоматчики замелькали. А у меня никакого оружия, нечем отстреляться. Они все ближе... Винтовка валялась. Я двух автоматчиков срезал, а их десятка два.

Стал отходить, думал, что, может, наших встречу, отобьемся. А самому стрелять нечем.

В этом месте рассказа Самойлов замолчал.

— Своими глазами видел, — сказал он глухо, — как немцы наших добивали. В голову. Каждого...

Всех добились...

Утром мы их хоронили. Я смотрел на своих мертвых ребят и думал: «Не уходить бы мне... Не простят мне мертвые... Должен лежать рядом...»

Дмитрий Самойлов сидел подавленный, с потемневшим лицом. Нет, не простит он немцам их преступления. Кровь в его сердце запеклась.

Да, немцы доби-вали наших раненых. Не колеблясь.

Я свидетельствую, что не знаю ни одного случая, чтобы наши солдаты доби-вали раненых немцев. Раненый враг для советского воина переставал быть врагом.

Я свидетельствую, что наши солдаты не расстреливали мирных немецких жителей. Они не повесили ни одной немецкой женщины. А немцы наших мирных жителей расстреливали и вешали. Вешали они и женщин.

Заряжающ е г о Мавринова подобрали мертвого в саду. На лбу у него тем-нело пулевое пятно.

В дневном бою заряжающий Мавринов струсил. Выско-чил через открытую башню и исчез в кустах. Михалев, радист, кинулся к пушке, нажал спуск — нет выстрела. Снова зарядил — опять нет вы-стрела. Открыл затвор — в орудии пустая гильза торчит, заклинило ее. А немец рядом, наседает. Пока Михалев возился с пушкой, немец и ударил сбоку по танку сразу двумя снарядами. Двоих убило на-повал. Машина загорелась. Михалев едва успел выскочить.

Михалев сидит в доме, черный, ни с кем не разговаривает. Уставился в одну точку. Точно его пришибло.

— Чего смурной? — спрашивают его товарищи.

Он покосился на них.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГРИГОРИЙ ЧЕСАК

— Рассчитаюсь с ним...

— С кем? — спрашивают его ребята. Молчит.

Позже его товарищи рассказали мне следующее. Кто-то дал Михалеву немецкую флягу со спиртом. Михалев крепко выпил. И встретил за домом заряжающе-го Мавринова, того, что сбежал из маши-ны. И якобы сказал Мавринову:

— Бросил машину! Товарищей предал! Из-за тебя они погибли!

Вынул пистолет и застрелил Маври-нова.

Ребята заспорили: правда это или нет? Имел право Михалев на такой самосуд? 25

Одни утверждали, что на это трибунал есть. Он должен судить за дезертирство. Другие возражали: трибунал в таких делах после боя разбирается. А в бою все могут быть сами судьями.

Один даже так выразился:

— Молодец радист! Я тоже, не задумываясь, в труса пустил бы пулю. Он же в смерти товарищей виноват. Свою шкуру спасал. И машину погубил...

А проверить достоверность рассказа не удалось. В вечернем бою радист Михаил погиб.

В пути

Гнилой март. Весь месяц почти каждый день снег и снег.

Он все круче замешивает грязь. А танкисты, проклиная погоду, продолжают наступать по всей Украине, пробиваясь раскисшими дорогами, все туже затягивают петлю вокруг немецких частей. Одно хорошо — мы почти не видим вражескую авиацию. Погода такая, что самолеты не поднимаются в воздух.

«ВОЙСКА 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, — сообщалось в сводке Советского Информбюро, — РАЗВИВАЯ НАСТУПЛЕНИЕ, ВЧЕРА, 26 МАРТА, В РЕЗУЛЬТАТЕ СТРЕМИТЕЛЬНОГО УДАРА ТАНКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ И ПЕХОТЫ, ОВЛАДЕЛИ ОБЛАСТНЫМ ЦЕНТРОМ УКРАИНЫ ГОРОДОМ КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК — СИЛЬНЫМ ОПОРНЫМ ПУНКТОМ ОБОРОНЫ НЕМЦЕВ НА ДНЕСТРЕ».

О вечере в Оринино у меня нет ни строчки в записной книжке. Пишу только по воспоминаниям.

С танкистами на броне, на попутных грузовых машинах, далеким кружным путем из Гусятина через красивые небольшие городки Чертков и Скала мы с молодым офицером связи — старшим лейтенантом, застревая в дорожных «пробках», весь день торопились в освобожденный накануне Каменец-Подольск.

Вечер настиг нас в большом селе Оринино, забитом штабами и вторыми эшелонами частей и подразделений, наступающих на этом участке фронта. Все улицы запружены грузовыми машинами, штабными автобусами, мощными тягачами с артиллерийскими орудиями. Сплошная каша!

Мой попутчик отправился выяснять об-

становку и возможности добраться еще сегодня до Каменец-Подольска.

Он скоро вернулся, чем-то явно довольный.

— Ночуем здесь, — сказал он. — Утром двинемся дальше.

— Стоит ли задерживаться? — возразил я. — Ведь осталось каких-то пятнадцать километров.

— Рекомендуют до утра не трогаться, — сказал он. — Замечены кочующие немцы. Можно запросто угодить к ним. Лучше тут задержаться. Идемте, идемте, у меня тут нашлись хорошие знакомые. А, впрочем, как хотите. Я остаюсь.

Мне хотелось быстрее попасть в крупный областной город Украины. Каждый журналист знает, что его главная задача — возможно скорее передать оперативную информацию в газету. То, что читатель может прочитать сегодня в газете, должно быть доставлено в редакцию своевременно. В этом смысл нашего труда. От меня ждут материалов об освобождении Каменец-Подольска, а я теряю время в Оринино. С неохотой я зашагал за попутчиком.

Мы оказались в медсанбате одной из бригад 4-й танковой армии. И тут я еще раз свирепо подосадовал на себя за то, что так легко согласился на ночевку в Оринино, не сделал попытки самостоятельно добраться до города.

Да, моего попутчика в этом медсанбате знали все — от санитарок и санитаров до майора — начальника госпиталя. Но среди всех особенно хорошо знала старшего лейтенанта бойкая черноглазая медсестра. Она даже и не скрывала от всех своей радости от неожиданной встречи на военном перепутье.

На своего попутчика я не мог сердиться. Дело молодое, и на войне люди остаются людьми. Да и сами отношения свидетельствовали, что они давние и не случайные, всем отлично известные и понятные. Им даже покровительствовали. Все извинительно... Но какого же я-то сваял дурака! Да и мой попутчик хорош — мог мне сказать все прямо и честно. Не выдумывать иных причин.

Но дело было сделано и мы со старшим лейтенантом начали приводить себя в порядок после длинного пути: умывались, брились, подшивали чистые подворотнички к гимнастеркам. А в медсанбате, занявшем просторный городского типа дом, происходило непонятное волнение.

Оно стало ясным несколько позже.

Ведущему хирургу в этот день исполнилось пятьдесят лет. Это событие, благо позволяла обстановка, решили отметить праздничным ужином всего личного состава.

Длинный стол был богат не закусками, а улыбками и радостным оживлением. Выставлены были все личные продукты армейского пайка. Женщины сумели состряпать какие-то пирожки. Стояло несколько бутылок разведенного спирта. Для слабого пола, для иллюзии, его чем-то ярко подкрасили.

Виновнику праздничного ужина пришлось выслушать немало сердечных поздравлений и шуточных тостов. Звенели стаканы, звучали песни, начались танцы. Веселье было тем полнокровнее, что оно удавалось редко, и все помнили, что сегодняшний вечер — это только краткая передышка среди тяжелых военных будней.

Мы выпили и за наши военные успехи, и за последнюю победу танкистов — освобождение от гитлеровцев Каменец-Подольска.

— А в Берлин мы придем! — сказал кто-то.

Напротив меня сидели молодые врачи — он и она. Оба были так заняты собой, что временами переставали замечать соседей, выключались из общего праздника. Мне запомнилась она — с высокой короной черных волос и безудержным сиянием счастливых глаз. За весь вечер они не расстались и на минуту, и все словно оберегали их молодое чувство.

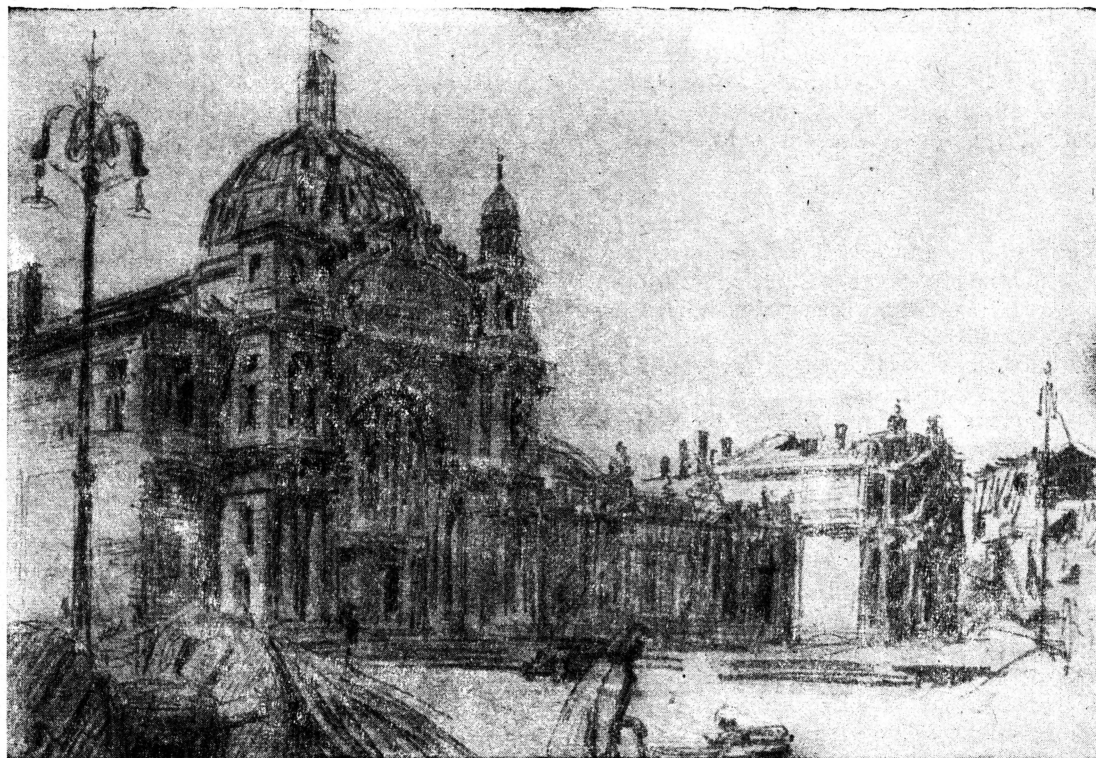
Мой спутник сказал о них:

— Муж и жена. Здесь познакомились, здесь и поженились. Она готовится быть матерью. Послезавтра, как только дороги станут свободными от немцев, домой выезжает. Демобилизуют ее. Война для нее закончилась.

На рассвете мы со старшим лейтенантом поехали в Каменец-Подольск.

В осаде

Я попал в Каменец-Подольск утром на броне «тридцатьчетверки» через красивый Турецкий мост, минуя старинную кре-

ЛЬВОВ. ГЛАВНЫЙ ВОКЗАЛ

пость. Самое первое сильное впечатление произвел не сам город, где на высокой башне ратуши полоскалось на легком ветру красное знамя освобождения, а необычный вид непроходимых улиц центра.

Все они были забиты немецкими машинами, как река бревнами при весеннем молевом сплаве леса. Во всю длину улиц. В несколько рядов. В иных местах не было никакого прохода и для того, чтобы с одной стороны улицы попасть на другую, приходилось или пробираться, согнувшись, под машинами, или лезть через них. Здесь были самые различные машины: огромные многотонные грузовики с литой резиной на колесах, юркие гусеничные вездеходы, штабные комфортабельные походные • радиостанции, автобусы, ремонтные летучки, почтовые, легковые, от маленьких и скромных опель-кадетов до представительных генеральских опель-адмиралов, продуктовые фургоны, вещевые... Более пяти тысяч автомашин. Все целенькие. В них было все — от ящиков с орденами и портативными пишущими машинками в заводской упаковке до мешков с солдатскими письмами и ящиков с офицерскими пистолетами.

Уральцы, зайдя глубоко в тыл противника, перерезав пути отхода гитлеровцев, овладели Каменец-Подольском и открыли здесь тылы немецких армий, откатывавшихся под натиском частей 1-го Украинского фронта от Проскурова к переправам на Днестре.

Редакцию «Добровольца» я нашел в трехэтажном кирпичном доме городской типографии над обрывом. Газетчики ходили ошалевшие от вида множества наборных касс, всякого типографского имущества, линотипов, печатных машин, запасов печатной бумаги. Всему этому они стали неожиданными хозяевами.

Выпустив очередной номер газеты — не маленький обычный листочек, а большой газетный лист, они готовили такой же большой газетный лист для освобожденного Каменец-Подольска. Это был их подарок жителям города, которые давно не видели советских газет.

Первый областной город, освобожденный уральскими танкистами, уральскими добровольцами!

Весь день я провел на ногах, ходил по улицам, продолжая изумляться количеству захваченных богатых трофеев, и записывал, записывал рассказы участников боев. Я встретил тут и тех, что недавно

приняли участие в трудных боях с «тиграми» и «пантерами» в Фридриховке, танкистов В. Маркова, Н. Вертелецкого, Д. Абрамова, Г. Чесака. Они после тех боев и сами выглядели настоящими тиграми, бесстрашными, сознающими свою силу.

Вечером в редакции «Добровольца» я приводил в порядок свои записи. А ранним утром, взглянув в последний раз на улицы, забитые трофейными машинами, где уже суетливо хозяйничали неприступные работники интендантской службы, выставившие суровые караулы, двинулся в обратный далекий путь в поисках своей армейской газеты «За честь Родины».

На Турецком мосту мне удалось устроиться на попутной грузовой машине. Я забрался в кузов, где кроме меня сидели еще два офицера, и сел, привалившись спиной к стенке кабины.

Мы не проехали и пяти километров, еще виделись белые дома города и особенно хорошо сурово-строгая крепость, как машина резко затормозила. Послышались возбужденные голоса.

— Немцы! — крикнул кто-то. — Быстрее из машины...

Нас, словно взрывом, вмиг выбросило из кузова.

Дорога в этом месте полого шла на подъем. На гребне ее на фоне серого неба, не далее, как в километре, развертывался «тигр». Мы даже увидели, что его пушка уже приспущкалась, выискивая верную цель.

Выстрел из «тигра» раздался в тот момент, когда лихой шофер хладнокровно и резко крутанул машину вправо, срываясь с шоссейного полотна на пашню, и погнал ее по полю вниз к реке. Над шоссе с опозданием в секунду просвистела болванка, пущенная «тигром».

Все произошло очень быстро.

Мы ползли по пашне к солдатам, сидевшим в окопчике, торопясь убраться поскорее от шоссе и оказаться вне зоны пулеметного огня немецкого танка.

Солдаты устанавливали на сошки пулемет.

— Откуда тут немцы? — удивился один из офицеров.

— Не доложили еще, — иронически сказал ближний солдат. — Взяли и появились, — и добавил крепкое словцо.

Значит, мне сейчас не пробиться вперед, надо возвращаться.

Я двинулся в обратный путь к Камен-

нец-Подольску, понимая, что появление тут «тигра» не случайное.

Часа через три я опять очутился в кирпичном здании типографии, где размещалась редакция. Встретили меня сочувственно.

— Не нашел попутных машин? — спросили меня.

— Ребята, — сказал я, — немцы вышли на шоссе!

Это подтвердили разрывы артиллерийских снарядов на улицах города. Один снаряд, кстати, словно для убедительности, разорвался на площади перед зданием типографии. Немцы били и по ратуше, видной из окна, на которой развевалось красное знамя. Несколькими выстрелами им удалось попасть в башню, и знамя рухнуло. Однако вскоре оно опять заплескалось над городом.

Обстановка стремительно ухудшилась. Снаряды все чаще ложились на улицах, сейчас совершенно опустевших. На город наступали значительные немецкие части из числа тех, что отходили от Проскурова. Они рвались в город, который стал перед ними заслоном на путях отхода через переправы на Днестре.

Ночью мы отдыхали в подвале типографии, прислушиваясь к гулу артиллерийской стрельбы.

С нами был поэт Михаил Львов. Он недавно приехал в гости к танкистам челябинской бригады с подарками трудящихся столицы Южного Урала, которые не забывали своих добровольцев. Львов, по сравнению с нами, занимал независимое положение, мог в любое время приехать на фронт и в любой день вернуться в Челябинск. Запросто он заходил к генералам и старшим начальникам, которые для нас оставались недостижимыми. Выглядел он полувоенным и полустатским: в воинской форме, но без погон, вооруженный трофейным пистолетом, подаренным танкистами.

На него мы смотрели, как на гостя из того далекого мира, куда не доходит гром войны. Там мирная жизнь, и смерть не ходит по пятам за каждым. Мы забыли о самых простых радостях. Без нас росли дети. Все заботы о жизни лежали на плечах наших жен, которым мы ничем не могли помочь, лишь ободряли в своих письмах.

Поэт одним своим появлением с Урала напоминал нам, что есть и иная жизнь...

Парень он был добрый, и мы радовались каждому его приезду к нам.

В эту первую ночь в подвале типографии, когда уральцы оказались в осаде, Михаил Львов читал нам свои новые стихи, написанные в дни боев на Украине.

Муза может говорить и тогда, когда говорят пушки.

— Полковник, помните Скалат,
Где «тигр» с обугленной кожей
И танк уральский, в пепле тоже,
Лоб в лоб уткнулись и стоят?
Полковник, помните — по трактам
Тогда и нас водил сквозь смерть
Такой же танковый характер —
Или прорваться, или сгореть.

Мы помнили недавно взятый уральцами красивый городок Скалат, помнили и гребень, где стояли друг против друга две сгоревшие машины — «тигр» и «тридцатьчетверка». Нам нравилось и выражение «танковый характер», которое часто употреблялось уральцами. Нам нравились стихи Михаила Львова о мужестве солдат.

Он продолжал читать под продолжающимся артиллерийским обстрелом, рядом шумела печатная машина, откладывая лист за листом свежий номер газеты.

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но раньше должен на нее подняться.
И высота была взята.
И знают уцелевшие солдаты:
У каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею смертью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

Поздно ночью, освеженные стихами, мы поднялись из подвала и вышли на улицу. Даже в темноте заметно чернела тяжелая громада Турецкой крепости. Всюду сверкали вспышки огня. Мы были в осаде, кругом кипел бой.

Днем я добрался до оборонительного рубежа.

Местность здесь была открытая и хорошо просматривалась в стереотрубу. Отходящие гитлеровские части двигались, словно не замечая Каменец-Подольска, своим путем. Войсковые колонны сворачивали влево с шоссе и окунались в бездорожье. Часть за частью, самые различные рода войск. То и дело там возникали «пробки».

Танкисты молча смотрели, как безнаказанно уходят немцы. Танкисты были бессильны помешать их отходу. Танки стояли без горючего, на каждой машине имелось не более трех-пяти снарядов, которые берегли на самый крайний случай.

До утра танкисты отразили несколько атак. Немцы полагали, что смогут сразу овладеть городом. Но не вышло. Сейчас танкисты ожидали новую атаку и готовились к ней.

Комбат майор Никонов, в серой барашковой шапке, в черном, наверное трофейном, кожане, с левой рукой на перевязи, быстро рисовал схему обороны. Возле него стоял командир роты лейтенант Володя Марков, стройный, с большими девичьими глазами.

— Понял, как расставить пулеметы? — сказал ему Никонов, протягивая схему. — Берегите патроны, подпускайте противника поближе.

Он отпустил Маркова и повернулся ко мне злым лицом.

— В пехоту перешли, — сказал он. — Боимся даже разок выстрелить. Пулеметы с машин снимали. Вот так и держим оборону. Но не пустим немцев в город...

По всему широкому полю виднелись окопавшиеся наши солдаты. Жидкая цепочка, которую немцы могли легко разорвать.

Мы лежали рядом с Никоновым на земле, покрытой пятнами бурого снега, и ждали немецкой атаки. И вот началось...

После короткой артиллерийской подготовки в атаку поднялась цепь немцев. Солдаты тяжело побежали по открытому полю, строча из автоматов, прижатых к животам. Серые фигурки то падали, то вновь вскакивали и все приближались к нашей выдвинутой линии обороны.

Слева от нас у крайней мазанки стояла 76-миллиметровая пушка, почти прижавшаяся к стене. Она начала гулкую стрельбу по противнику. От разрывов домик вздрагивал всеми стенами. С крыши, стеклянно звеня, начала сыпаться на землю черепица.

Я почему-то не мог отвести глаз от этой крыши, следя, как все меньше остается на ней черепицы. Вот опять грохнула пушка и снова, звеня, летят с крыши красные кусочки.

— Смотри! — подтолкнул меня Никонов.

Приближаются немцы, наши поднимаются на всем поле им навстречу. С флан-

гов по гитлеровцам ударили пулеметы. Заминка, и вот уже немцы поворачивают, бегут назад. Атака противника захлебнулась.

Пушка все еще продолжала стрелять, но не слышно стеклянного звона. Я посмотрел на дом. На крыше — ни одной черепицы, только деревянные перекрытия, словно ребра истлевшего коня.

В этом ночном бою восемнадцатилетний автоматчик Костя Верховых связкой гранат подбил «тигра». В единоборстве с тяжелым немецким танком он вышел победителем.

— Подумайте только, — сказал восхищенно командир свердловской танковой бригады полковник Жуков, — парня от земли не видать, а такого зверя сумел уложить!

Даже его, знавшего всякое, поразил этот подвиг.

— Каков! Ведь он один сорвал наступление немцев на этом участке. Один!

Костю Верховых я знал. Он пришел к нам с пополнением еще в Брянских лесах. Это были парни 1925 года рождения. Мальчишки! Слабосильные, худые после скудного тылового питания. К ним относились отечески, даже «сынками» звали.

Полковнику Жукову Костя Верховых запомнился с того самого дня, когда он, услыша во дворе пронзительный детский крик и злобный лай собаки, выскочил на крыльцо и увидел маленького бойца. Прижавшись спиной к забору, солдат отбивался от хрипевшего злобного пса.

— Вон как шинель порвала, — сказал солдат обиженным детским голосом, когда хозяева отогнали собаку. — Вам пакет, — добавил он, вручая полковнику донесение своего комбата.

Распечатывая пакет, сдерживая улыбку, полковник строго спросил:

— Как тебя зовут?

— Константин Николаевич Верховых.

— Откуда ты к нам попал?

— Доброволец я, курганский.

— Стрелять из автомата научился?

— Умею, — ответил Верховых, обиженно хмуря узкие мальчишеские брови. — Я пулемет знаю и гранату.

— Значит, готов немцев бить?

Верховых, посмотрев в сторону все еще не успокоившегося пса, переступил с ноги на ногу и ничего не сказал. Видимо, в батальоне часто шутили над его маленьким ростом, и он, уловив в голосе пол-

ковника те же знакомые нотки, еще больше нахмурился и опустил глаза.

В те дни уральцы стояли в украинском селе, готовясь к боям. С утра автоматчики уходили в степь на боевые занятия. Полковник, запомнивший Костю Верховых, часто встречал его в поле и невольно наблюдал за ним. Все, что Верховых поручали, он исполнял с особым старанием, какое бывает у подростков, увлеченных новым и интересным делом. Он хотел быть хорошим солдатом.

— Как дела, сынок? — не удержался однажды полковник.

— Хорошо! — готовно ответил Верховых и по его цветущему веснушками лицу расплылась широкая довольная улыбка. Было видно, что дела у него идут, действительно, хорошо.

В марте уральцы вступили в бой. Танкисты, преследуя гитлеровцев, с ходу ворвались в Фридриховку и овладели ею. Я об этом уже рассказывал. Полковник Жуков вечером приехал в поселок, где еще слышалась стрельба автоматчиков, засевших в отдельных домах. Он слезал с машины, когда увидел бегущего к нему маленького автоматчика в замызанной шинели, с грязным лицом.

Боец подбежал к машине и остановился, вытянувшись, держа у пилотки руку, тяжело дыша. Только теперь полковник узнал Верховых.

— Товарищ полковник, я сегодня девять немцев убил, — доложил он.

ГВАРДИИ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ
ВЛАДИМИР ЗИНЧЕНКО

— Молодец, сынок! — похвалил полковник. — Иди и сражайся так же.

Верховых круто повернулся и побежал в сторону домов, где слышалась особенно сильная стрельба.

То были для Кости Верховых первые бои, он только обстреливался. Но как! По-мальчишески. Война для него была словно игрой. Он, похоже, даже не понимал толком, что такое смерть. Что и сам может однажды исчезнуть из этого мира.

Семь дней и ночей отбивались в Фридриховке уральские танкисты.

Одна крохотная горстка наших автоматчиков сидела возле МТС. У солдат кончились патроны, не осталось и гранат. Но у всех появились немецкие автоматы и трофейные гранаты на длинных деревянных ручках. Пополнять запасы трофейных патронов и гранат солдаты уходили по очереди на вокзал в Фридриховку. Там на путях стояли эшелоны с немецкими боеприпасами.

Эти автоматчики не пропускали в Фридриховку немцев со стороны МТС. Если тяжелым танкам и удавалось пройти сквозь хрупкий заслон, то уж немецким автоматчикам тут прохода не было. Они решительно отсекались от танков. Бои тут шли почти непрерывные. В один из дней автоматчики выдержали шесть сильных немецких попыток прорыва.

Полковник Жуков расположил свой штаб в центре Фридриховки в глубоком подвале каменного дома. О беспримерной стойкости этой группы автоматчиков ему доложили в тот момент, когда он слышал сбивчивое объяснение танкиста, проявившего нерешительность в бою и покинувшего свою машину, когда в ней кончилось горючее.

— Известно, кто в этой группе? — спросил полковник.

— Сержант Ибрагимов, бойцы Ковалев, Верховых...

— Верховых? Сынок? — удивился полковник. — Вы знаете Костю Верховых? — спросил он, мрачно разглядывая рослого танкиста. — Это почти мальчик. Вот у кого вам, опытному офицеру, надо учиться мужеству и храбрости. Идите! — резко приказал он. — И искупайте в боях свою вину.

К исходу седьмого дня боев в Фридриховке на помощь уральским танкистам подошли наши крупные пехотные части и разорвали кольцо окружения.

Костю Верховых полковник увидел на улице. Автоматчики усаживались на броню танка, и два солдата помогали маленькому Верховых взобраться на машину. Костя увидел полковника, но почему-то отвернулся.

— Боец Верховых! — позвал его полковник.

Верховых неловко спрыгнул с машины и подошел к полковнику. Вид у него был подавленный.

— Что с тобой? — спросил Жуков.

— Немцы Чибирева убили, — тихо до-

ложил Верховых, и на его маленьком лице, покрытом детским пушком, появилось суровое незнакомое выражение. Он переживал большое горе — потерю близкого товарища. Теперь он близко увидел смерть.

— Надо отомстить за товарища, — сказал полковник.

— Отомщу, — ответил Верховых, поднимая лицо, и в чистых его глазах блеснули слезинки.

Бойцы, которые в те дни были рядом с Верховых, рассказывали, что он вел себя всех храбрее. Ближе всех лежал он к шоссе, и товарищи уступали ему гранаты, которые он умело и ловко швырял в немцев. Так же без промаха, не растерявшись, швырнул он гранату в ровик, где среди кустов сумели сосредоточиться немецкие автоматчики. А они представляли большую опасность: могли ударить с тыла, и тогда погибла бы вся эта группа.

У Кости выработался свой прием боя. Он выползал из траншеи поближе к немцам и, чуть приподнявшись, маленький, юркий, швырял гранаты и быстро отползал в укрытие. Он даже научился так бросать трофейную гранату, чтобы, упав среди гитлеровцев, она взрывалась немедленно.

— А ведь шутили — маленький, как воевать будет? Испугается, когда немца увидит... — говорили о Верховых.

В ту ночь в Каменец-Подольске Костя Верховых лежал в ровике и услышал знакомый ему воющий гул мотора «тигра». Верховых находился от немецкого танка не больше, чем в пятнадцати метрах, видел, как отрываются золотистые, красивые в темноте ночи нити трассирующих пулеметных пуль, и слышал тяжелый свист снарядов, раздирающих воздух.

И вдруг, безотчетно, сам хорошенько не зная, на что решается, Верховых быстро пополз по борозде к танку. Он приблизился к нему вплотную, положил возле самой гусеницы связку гранат и еще быстрее пополз назад к своему ровику.

«Тигр» двинулся, когда Верховых уже сползал в свое укрытие. Он услышал, как, набирая обороты, завыл мотор, звякнули гусеницы. Потом что-то оглушительно грохнуло, воздушной волной Верховых приподняло и с силой ударило о землю. Как наши солдаты расстреливали танкистов, пытавшихся в темноте скрыться с подбитой машины, как взяли в плен водителя «тигра», он не видел и не слышал.

КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК, РАТУША

Забегая в рассказе вперед.

Дней десять спустя после бсев в Каменец-Подольске я был свидетелем вручения полковником Жуковым наград отличившимся офицерам и солдатам. Левофланговым стоял низенький Костя Верховых.

Нарушая обычную форму поздравления с наградой, полковник, вручая Косте Верховых орден Красной Звезды, растроганно улыбнулся и спросил:

— Сколько же, сынок, на твоём счету немцев?

— Двадцать солдат, два офицера и танк,— строго ответил Костя Верховых.

Все стоявшие в строю заулыбались. Маленький и храбрый солдат!

«В БОЯХ ЗА КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК,— сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро 28 марта,— **НАШИ ВОЙСКА РАЗГРОМИЛИ ШТАБ 16-ой НЕМЕЦКОЙ ТАНКОВОЙ ДИВИЗИИ И ВЗЯЛИ В ПЛЕН 2 000 СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ ПРОТИВНИКА, ЗАХВАЧЕНО У НЕМЦЕВ 50 ОРУДИЙ, ОКОЛО 4 000 АВТОМАШИН, 250 МОТОЦИКЛОВ, 10 СКЛАДОВ С ВОЕННЫМ ИМУЩЕСТВОМ И МНОГО ДРУГИХ ТРОФЕЕВ».**

А мы были в осаде.

Вот несколько дневниковых записей тех дней.

«...С каждым получасом обстановка все более ухудшается. Я видел, как поспешно собирались танковые десанты и уходили в бой. Противник вплотную подошел к городу и обстреливает его из орудий. Из окна школы видно шоссе с крутым поворотом. Заметны перебежки немецких автоматчиков, видны два орудия, ведущие стрельбу по городу.

Немцы прорвались к Турецкому мосту. «Катюши» били по ним прямой наводкой.

Из рабочих типографии создали вооруженный отряд в составе двадцати человек. Они несут службу охраны и выпускают газету для горожан «Красный кордон».

Ночью не спали. Отражали одну атаку за другой.

Стихло только под утро, тогда и забылись коротким сном».

«...Сейчас идет артиллерийская стрельба. У нас в типографии звенят стекла в окнах. Слышен гул самолетов и разрывы авиабомб.

Город обтекают немецкие отходящие части. Рассказывают, что уже прошли 6 пехотных и 2 танковых дивизии. Колонны проходят так близко, что их видно невооруженным глазом. Каждую ночь горят соседние деревни.

На что мы можем рассчитывать? Связи с армией никак не могут установить. Ходят слухи, что Скалат занят немцами. Где-то рядом наступают наши части, но мы о них ничего не знаем. Пробриться в Каменец-Подольск дано задание комбату пермской бригады Денисову. Он от нас в сорока километрах. Как пройдет?

В течение дня немцы несколько раз начинали артобстрел. В ратушу попало три снаряда.

Опять появились немецкие самолеты, обстреливали из пулеметов. На улице раздался крик:

— Парашют!.. Парашютисты!..

Мы схватили винтовки и выскочили на улицу.

Спустя час этих немецких парашютистов провели мимо нашего дома в штаб».

«...Самые напряженные бои проходят в районе Турецкого моста. Вчера «тигры» вышли на возвышенность. Они получили возможность простреливать всю местность. «Тигры» спустились к переправе, но дальше не пошли, видимо разведали, что все тут густо заминировано.

Этот участок обороняет челябинская танковая бригада. На остатки нашего батальона в 75 человек наступало более 400 немцев с семью танками. Батальоном командовал капитан Приходько. Автоматчики держались стойко и храбро. Они выдержали трехчасовой бой и сумели, понеся небольшие потери, выйти из-под огня и занять новый рубеж обороны».

У нас шла особенно напряженная ночь. Ждали решительной атаки немцев. Казалось, что все ресурсы обороны исчерпаны. У танкистов кончались последние снаряды. К обороне привлекли мужское население города. Но смогут ли сдержать натиск необученные люди, вооруженные разномастным трофейным оружием? Они вообще-то держали оружие в руках впервые.

Из штабных офицеров сформировали сводную роту резерва. Ее должны были бросить на тот участок, где немцам удастся прорваться к городу. В нее включили и всех нас, журналистов.

У дома, где разместились штаб корпуса, надрывно гудел движок походной автобусной радиостанции. Радисты пытались соединиться со штабом армии, выяснить обстановку на нашем участке. Позже мы узнали, что и сам штаб четвертой танковой армии в эту ночь переживал такие же трудные часы. На него в Оринино обрушились превосходящие силы противника. Защищался каждый дом. В последнюю контратаку против гитлеровцев вступили рота автоматчиков личной охраны командующего армией и все штабные офицеры...

В одной из комнат штаба допрашивали немецкого оберлейтенанта, только что захваченного разведчиками-танкистами.

На столе лежали ордена немецкого офицера, его личные документы, семейные фотографии, деньги, расческа и всякие другие мелкие вещи.

Он стоял навтыжку перед нашими офицерами, по-военному кратко отвечал на все вопросы. Костистое породистое лицо, холодные равнодушные глаза. Ровный сломленный голос. Его часть отступала пятью сутками по бездорожью, неотрывно преследуемая советскими частями. Большую часть орудий они уже бросили, управление потеряно. К переправам движутся отдельные, никем не управляемые, небоеспособные подразделения. Все больше отстает солдат, и, вероятно,— попадает в плен. А тут еще на пути отступления Каменец-Подольск,

ГВАРДИИ КАПИТАН ФЕДОР ГУБИН

оказавшийся в руках значительной группы советских войск. Они слышали, что советские танкисты прорвались глубоко в тыл, но не подозревали, что они уже тут, перекрыли дорогу к Днестру.

— Мы бежим,— сказал немец.— Все торопятся к переправам. Боятся попасть в плен... Как крысы бежим, кусаем друг друга и бежим...

Начинало светать. Пошел мягкий весенний снег. Наступила непонятная пугающая тишина. Даже винтовочная стрельба затихла.

Я пошел к редакции.

Но что это? Я невольно остановился.

Из-за угла вывернулась обыкновенная армейская пехотная повозка. Серый конь, с заляпанным грязью брюхом, неторопливо шагал, оставляя черные следы на нетронutom снегу. Шины колес наматывали снег. На повозке с увязанным имуществом сидел пожилой усатый солдат.

Повозка эта возглавляла длинный растянутый обоз. Лошади шли лениво, встряхивая мордами. Бренчала упряжь, громыхали ободья колес. Повозочные сидели сонные, равнодушные ко всему.

Дивное зрелище! Но откуда же они взялись?

— Солдат! — окликнул я повозочно-го. — Откуда вы?

— Та из Проскурова, — спокойно сообщил он и поинтересовался в свою очередь: — Шо это? Каменец?

— Каменец, Каменец... Много ли вас?

— Вся армия... Немец далеко?..

В город входила царица полей — наша пехота.

Так кончилась осада Каменец-Подольска.

Я возвращался через Оринино. Всюду следы боя — разбитые орудия, сожженные танки, разрушенные и сгоревшие дома.

Возле дома, где мы ночевали с лейтенантом у медиков, толпились солдаты.

Я вошел во двор.

У каменной стены сарая лежали расстрелянные. Мужчины и женщины. Среди них я узнал хирурга майора, юбилей которого мы встречали в тот вечер.

Увидел среди мертвых и других... Лежала и та девушка, ради которой задержался в Оринино лейтенант. И рядом были те два врача — муж и жена. Она еще собиралась ехать домой. Ждала ребенка...

«ВОЙСКА 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, — сообщалось в оперативной сводке за 30 марта, — РАЗВИВАЯ НАСТУПЛЕНИЕ, ФОРСИРОВАЛИ РЕКУ ПРУТ И ШТУРМОМ ОВЛАДЕЛИ ОБЛАСТНЫМ ГОРОДОМ УКРАИНЫ — ЧЕРНОВИЦЫ, ВАЖНЫМ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ СЕВЕРНОЙ БУКОВИНЫ И МОЩНЫМ ОПОРНЫМ ПУНКТОМ ОБОРОНЫ НЕМЦЕВ НА РЕКЕ ПРУТ, ПРИКРЫВАЮЩИМ ПОДСТУПЫ К ГРАНИЦАМ ВЕНГРИИ И РУМЫНИИ».

Земля в цвету

Мы почти не выходим из тяжелых боев.

Немцы, отброшенные на многих участках далеко от Днепра к границам нашей страны, зацепившись на подготовленных оборонительных рубежах, предпринимают против нас яростные атаки. Что это? Попытки прощупать силы Советской Армии? Наверное, не больше. Для активного наступления у противника возможностей явно нет. Отступая, немцы измотались больше, чем мы, наступая и преследуя их. В весенних боях на Украине мы показали явное свое преимущество.

Однако движение фронтовых соединений замедляется. Фронт постепенно останавливается. Идут бои силами роты, батальона, реже полка. Где-то наши солдаты закрепляют выгодные для нас высоты, где-то отжимают противника от водного рубежа, где-то захватывают важные узлы шоссейных дорог и узловые станции. В оперативных сводках эти сражения называются боями местного значения.

С затухающими боями кончаются и слякотные пасмурные дни.

И теперь вдруг сразу весна! Жаркое украинское солнце, ясные дни, южные таинственные ночи.

Однажды на марше мы с брони танков увидели полыхающее маками обширное поле. Разом смолкли разговоры. Солдаты сидели на броне и безмолвно смотрели на цветущую землю. Они привыкли видеть ее только как поле боя, высматривать высоты, которые надо одолеть, ложбинки и овраги, где можно укрыться от свинцового огня противника. Теперь заново они увидели ту землю, которая рождает жизнь. Солнце пробудило семена, и крохотные зародыши дали стебли, покрыли землю яркими цветами. Увидели мы и малахит пшеничных полей. На деревьях набухли почки, тугие от напора листочков, рвущихся к солнцу и свету.

С колдовской силой преобразался мир! Все кругом неузнаваемо менялось в течение суток.

Но работа солдат продолжалась и в эти затишные дни. Танкисты приводили в порядок боевые машины, выходили на офицерские и солдатские занятия, учились действовать в условиях пересеченной, болотистой и лесной местности, дотошно изучали карты тех районов, в которых возможно скоро им придется воевать.

Жду тебя

Я должен рассказать об этом письме, полученном с Урала.

В боях под Киевом сержанта Ворыгина, механика-водителя «тридцатьчетверки», парня из Нижнего Тагила, ранило в четвертый раз. В госпитале, после лечения, ему предложили для поправки двухнедельный отпуск, но он отказался от поездки домой. Его направили в Уральский добровольческий корпус.

Так Ворыгин оказался среди земляков в экипаже лейтенанта Владимира Улина. Они быстро, как бывает на фронте, сдружились. Ворыгин гордился тем, что он уралец, из города, где еще в петровские времена ставились первые русские металлургические заводы. В роду Ворыгиных все были металлургами, и сам он успел постоять с отцом у горна доменной печи. Собирался пойти в институт, но началась война. Его командир Владимир Улин родился и вырос в маленьком городке Касли на южном Урале. Городок этот

знаменит не меньше Нижнего Тагила. Славу ему принесли необыкновенные мастера чугунного художественного литья.

В бою за деревню Лясковце их «тридцатьчетверка» была подбита из засады «тигром». Погибли заряжающий и командир машины лейтенант Владимир Улин.

Ворыгин пришел в редакцию и сказал:

— Мне Володя перед последним боем завещал: если он погибнет, то я должен ответить на письмо, которое ему может из Каслей прийти. Вот оно и пришло... Посмотрите, может, его напечатать можно?

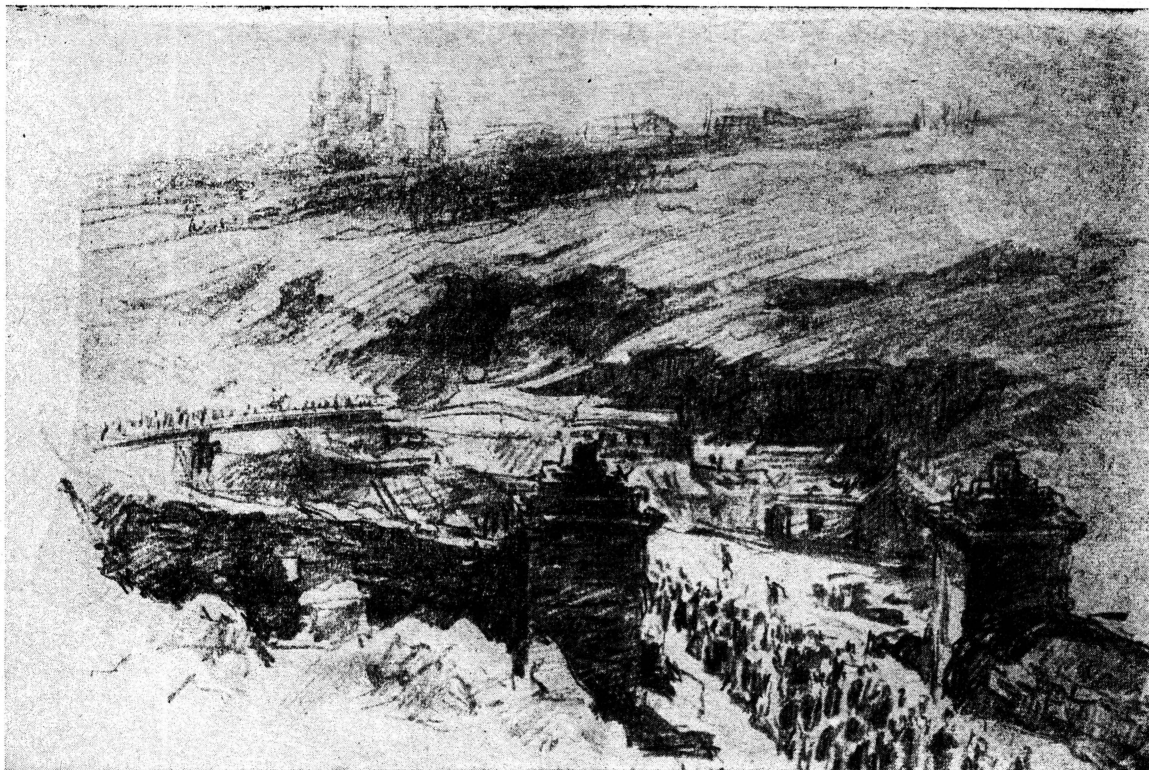
И он протянул конверт с письмом.

Вот что я прочитал:

«Добрый день, мой милый Володя!

Володенька, родной мой, что с тобой случилось? Почему от тебя нет писем? Мама тоже сильно беспокоится. Мне хоть и тяжело твое молчание, но маму успокаиваю тем, что почта плохо работает. Но сама этому не верю.

Сокол мой, я гоню дурные мысли. Наверное, ты очень занят. Милый, я не хочу от тебя многого. Пиши два слова, но чаще, и я буду знать, что ты жив и бьешь немцев, чтобы приблизить час нашей встречи.

ВЪЕЗД В КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСК

Как я жду тебя! Обниму, крепко поцелую, проведу рукой по лицу, чтобы снять твою усталость. Тогда мы, наконец, сможем сказать, что мы теперь всегда и до конца нашей жизни будем вместе. И любить друг друга будем так, как полюбили в первые дни. Даже еще сильнее, мой милый мальчик. А ведь скоро два года, как мы встретились, и год, как слились наши сердца.

Никто сейчас не знает, что у меня на душе, как страшно бывает мне. Я продолжаю работать. Вчера была в поле с пионерами, помогли сажать картошку. Дети рады, что предколхоза объявил им благодарность. Я тоже сажала, хотя мне и трудно нагибаться.

Дома увидела твой портрет, подумала, что тебе бывает еще труднее. Spина постепенно перестала ныть, и я только слышала усиленное биение своего малыша. Ему трудно было, а сейчас он просторно отдыхает вместе со мной.

Володик, милый, обо мне не беспокойся. Я с нетерпением жду малыша. Тебя прошу об одном: пиши мне чаще.

Крепко целую тебя твоя жена Шура».

Ворыгин молча ждал, когда я дочитаю письмо.

— В боях мы были, потому и не писал он Шура, — сказал Ворыгин. — А вспоминал ее часто... Рассказывал, что любил ее, а жениться не хотел, знал, что ему скоро опять в бои. Шура сама на женитьбе настояла. Не знал Володя, что у них сын или дочь будет... Надо ей написать, а я третий день хожу и не знаю, какими словами рассказать, что нет больше нашего Володи.

Простые слова письма молодой женщины. И сколько таких писем не успевало дойти до тех, кому они отправлены. Я закрываю глаза и хочу вспомнить лейтенанта Владимира Улина. Он был стройным, комбинезон хорошо сидел на нем, изпод танкистского шлема всегда выбивалась русая прядка, молодо сверкали глаза. Вот, кажется, все, что могу вспомнить. Его лицо у меня сливается с лицами многих других танкистов. Для молодой же, любившей его женщины это лицо было единственным среди многих и многих, она знала все оттенки его улыбок, все интонации голоса, ей была открыта вся глубина его души.

Расстреляно войной еще одно счастье.

38 Вражеская пуля ударила сразу в три сердца.

«ВОЙСКА 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро 18 июля, — ПЕРЕЙДЯ В НАСТУПЛЕНИЕ, ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МАССИРОВАННЫХ УДАРОВ АРТИЛЛЕРИИ И АВИАЦИИ ПРОРВАЛИ СИЛЬНУЮ, ГЛУБОКО ЭШЕЛОНИРОВАННУЮ ОБОРОНУ НЕМЦЕВ НА ЛЬВОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ЗА ТРИ ДНЯ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ БОЕВ ПРОДВИНУЛИСЬ В ГЛУБИНУ ДО 50 КИЛОМЕТРОВ, РАСШИРИВ ПРОРЫВ ДО 200 КИЛОМЕТРОВ ПО ФРОНТУ».

Пятый час бушует гроза. С ливнем, порывистыми ударами ветра. Она пришла под вечер, разом почернело небо и стало темно. Движение танков застопорилось. Разведка только-только подошла к берегам той самой речки, о которой предупредил полковник Жуков, — Гнилой липы, и начала, пока безуспешные, поиски переправы.

Машины стоят на дне глубокого лесистого оврага. Хлещет дождь, молнии раздирают черное небо. Со склонов бегут потоки воды, ручей бурлит по дну оврага.

В такую ночь нечего и думать о возможности форсировать Гнилую липу.

Майор Никонов и сам побывал у реки. Вернулся мрачный, коротко приказал:

— Пока отдыхайте... Но как начнет рассветать — форсируем...

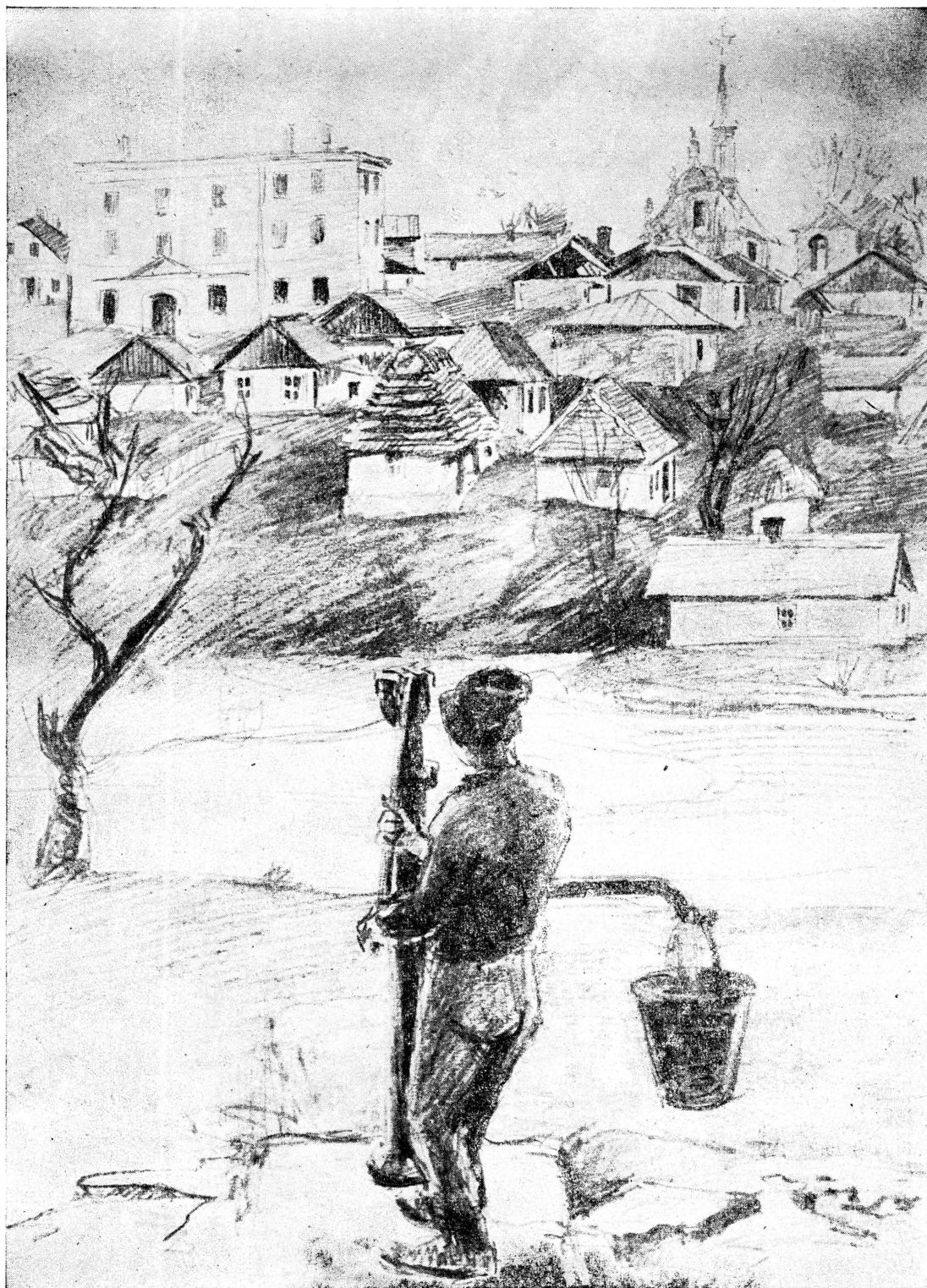
Батальонные танкисты не могут знать замыслов и оперативных расчетов старшего командования. Нас в эти дни поворачивают то вправо, то влево, меняют первоначально намеченный путь движения, порой возвращают даже назад. И всюду мы натываемся на противника, иногда неожиданно. Кажется, что мы кружим, как заблудившиеся, на одном месте. Но когда смотришь на карту, то видишь, — мы неотвратимо приближаемся ко Львову.

Он, словно магнит, тянет к себе батальоны и бригады Уральского танкового корпуса.

Майор Никонов сидит в палатке, освещенной единственной лампочкой от аккумулятора, на снаряжном ящике. На другом снаряжном ящике лежит карта, стоит котелок с кашей и кружка чая. Комбат топливо ужинает.

— Сон мне сегодня приснился, — говорит, лукаво улыбаясь, Никонов. — Доложили, что Переслегин убит... Выхожу из дома, а он вторым в строю стоит. Ох и устроил я разнос за такую трепотню. Навяу

В ГОРОДКЕ НА ТЕРНОПОЛЬЩИНЕ

так никогда не ругался, как во сне... Долго тебе жить, Переслегин,— обращается он к сидящему тут же лейтенанту и поднимает голову, прислушиваясь к дождю.— Как? Все еще шпарит? Надо же... А эти дурни танк в реке утопили,— сообщает он подробности разведки.— Теперь мучают-ся, вытаскивают...

Никонов отодвигает в сторону котелок с кашей, вглядывается в мрачного Переслегина.

— Пришел в себя? Будет тебе скоро другая машина. Дадим... А пока пойди к речке, помоги там ребятам машину вырвать.

Свою машину Переслегин потерял в утреннем бою. Немецкие артиллеристы с близкого расстояния расстреляли ее чуть ли не в упор. Танкисты, оглушенные, задыхающиеся от дыма, стали выбираться через верхний лаз. Переслегин помогал вылезти раненому радисту Гаркуше. На радисте горела шинель, но он никак не мог освободиться от нее. Пулеметной очередью немцы прошили Гаркушу, и он мешком рухнул на заряжающего Горнова, вроде уже мертвого. Погиб водитель — сгорел в танке.

Те, что были рядом, видели, как лейтенант Переслегин во весь рост шел по полю, не обращая внимания на сильную стрельбу, и плакал. Удивительно, что немцы не срезали его.

Переслегин даже поднял валявшийся автомат, подержал его в руках, отбросил и зашагал дальше.

Он вышел к разбитому каменному сараю, за которым стояли командир бригады полковник Жуков, командир батальона — майор Никонов и несколько других штабных офицеров.

— Все вас бросили, товарищ полковник,— бессмысленно сказал Жукову Переслегин, продолжая плакать.— Дайте мне автомат... Пойду стрелять...

Ему что-то ответили. Лейтенант ничего не слышал. Его увели в медсанбат.

Позже Переслегин мне рассказал, что на него тогда «затмение» нашло. Так потрясла гибель товарищей по экипажу, с которыми он прошел через многие бои еще с Орловщины.

— Знали Гаркушу? — спросил Переслегин.— Толстый такой. Делал все медленно, неторопливо. Здорово я порой сердился на него. А вот — привязался... В смерть его все еще никак не могу по-

А Горнов не был убит, как это показало в горячке боя Переслегину. Очнувшись ночью, раненный в плечо и голову, Горнов пополз по полю к деревне, но сбился в темноте и чуть не попал к немцам. Тогда он пополз в другую сторону и к утру выбрался к своим.

— Ладно, пусть с ребятами помокнет, может отойдет,— говорит о Переслегине майор Никонов. Он подзывает ординарца и приказывает: — Маркова ко мне, быстро!..

Через несколько минут в палатке появляется аккуратный, всегда подтянутый лейтенант Володя Марков. Вытирает платком мокрое лицо, снимает с плеч тяжелую от влаги плащ-накидку и кидает ее на пол.

— Садись,— приглашает его Никонов.— И смотри внимательнее на карту. В разведку пойдешь... Этих послал, да они теперь, наверное, не скоро машину вытаскают, да и новые обстоятельства появились. Сейчас соседи слева подсажали, что немцы вот тут сосредоточились,— показывает на карте майор Никонов.— Утром надо Гнилую липу форсировать. Ты пойдешь впереди. Возьмешь роту десантников... Надо заставить немцев огонь открыть. Понимаешь свою задачу? Разведать, какие у немца огневые силы, возможный рубеж обороны... Сейчас мы, как в ящике, да еще и мокром, ничего не видим и не слышим. Вяжывайся в бой энергично и держись, сколько можешь...

Никонов разговаривает с Марковым будничным тоном, словно речь идет не о трудном боевом задании, а о выполнении тактической задачи на полевых учениях. Никонов отлично понимает, что из этой разведки боем Марков может не вернуться. Знает это и Володя. Как он это принимает? Сознает силу опасности? Конечно!..

Есть настоящее мужество такого вот сознательного отношения — идти, глядя прямо в лицо смерти.

Это не минутное геройство, это — характер. Кто-то должен взять на себя самое трудное. Вот он и берет.

Володя Марков — любимец Никонова. Все в батальоне про это знают, все видят отношения комбата и командира роты. И все отдают должное такому чувству. Володю в батальоне любят. Он — надежный товарищ, добрый, отзывчивый. В бою не только храбр, но и рассудителен. Эти качества свойственны и другим хорошим

офицерам батальона, но у Маркова они выражены ярче. Он не раз показал себя в боях. Никонов, любя его, не однажды поручал самые трудные боевые задания, не уводил его от опасностей, как сделал бы другой, любящий по-отцовски, но слабый человек.

Сейчас Никонов опять поручает Володе самую трудную задачу.

Володя Марков выходит в гудящую дождем темную ночь.

Слышны раскаты грома. А работа войны продолжается.

Под утро я выхожу из палатки. Дождь почти стих, сереет, деревья, пропитанные влагой, низко опустили тяжелые ветви, кругом журчит вода. Вдали в небе играет тревожное зарево пожара.

...Хотя и топки были берега Гнилой липы, хоть и увязла «тридцатьчетверка», которую к утру все еще не смогли вытянуть из хляби, однако танкисты форсировали трудный водный рубеж и выскочили на противоположный берег.

Но тут новое препятствие. Метрах в тридцати — крутой, заросший травой и густым березовым подлеском откос. Крутизна почти сорок градусов. «Тридцатьчетверки» по техническому паспорту способны одолевать подъемы не выше тридцати градусов.

Досадно! Прошли вязкие берега, а тут — на тебе... Танкисты собрались толпой на берегу. Никонов держит с офицерами совет.

Лейтенант Спандарьян, маленький, чернобрый, энергичный, берется первым форсировать откос. Взяв разбег, на большой скорости его машина кидается на штурм высоты. Приминая березы, выдирая дерн, оставляя после себя на зеленом покрове две черные широкие полосы, тяжелая машина, по-кошачьи прижимаясь брюхом к земле, поднимается все выше и выше. Кажется, что вот-вот она, исчерпав силы, встанет, кувыркнется вниз. Чем ближе к гребню, тем медленнее ползет «тридцатьчетверка». Последние метры самые тяжелые. Натужно воя, машина выбрасывает темные выхлопные газы. Но вот последние усилия, и танк переваливается через гребень, исчезает.

Вздых облегчения вырывается у всех.

— Видели?! — поворачивается к танкистам сияющий Никонов. — Молодец Спандарьян! Доказал! По машинам!..

Еще две машины в решительном броске одолевают предательскую крутизну.

За ними ринулись и остальные. Одна за другой, выискивая нетронутые участки откоса, чтобы не сползти по мокрой глине.

Рассказ Володи Маркова о боевых событиях этого дня после форсирования Гнилой липы я записал позже.

— Противник нас никак не ожидал, — рассказывал Володя. — Суконина и Грязина я послал в разведку. Они свободно дошли до окраины села, а там вдруг наткнулись на пехоту. Не меньше двух рот. Но пехота нам не страшна! Мы с ходу ворвались в деревню и овладели ею. А примерно в половине седьмого утра у нас завязался серьезный бой. На шоссе появилось две колонны танков: в одной восемь машин, в другой шесть. Мы открыли стрельбу, но все же пришлось отойти. Силенок наших оказалось маловато. Однако Исаченко удалось все-таки подбить бронетранспортер и танк. Тут подоспели еще автоматчики нашей Унечской мотострелковой бригады, и мы решили атаковать противника. Врывались в село опять справа: очень подход там был удобный. Увидели на огородах немецкую пехоту, разогнали ее осколочными снарядами. Слева на шоссе показались два танка. Они заметили нас и стали поспешно оттягиваться. Но Иванов — молодец! — приколол обе машины. Вдруг видим — пехота прет. Густо... Эту атаку немцев мы отбили запросто. Где наши танкисты не поспевали, там автоматчики немца крошили. А вот часов около девяти начался у нас по-настоящему серьезный бой. Снова пехота пошла в наступление. А на шоссе вдруг сразу восемь «пантер» — три впереди, пять во второй колонне. Мой Исаченко стоит на бугре, увлекся стрельбой по пехоте и не видит, что «пантеры» надвигаются. И сам еще, дурак, высунул из башни, огонь корректирует.

— Уходи!.. — кричу ему. — «Пантеры»!..

Но он уж и сам увидел. Только скатился с высоты, как по ней немцы болванками. В клочья бы разнесли!

Оглянулся, а на шоссе с юга еще шесть танков ползут. Ага, вытянули все-таки на себя противника! Никонов будет доволен... Торопченко сделал четыре выстрела. Я корректировал его стрельбу. И такая досада — все снаряды мимо! Нервничал... Тут немцы ответили залпом. Но тоже промахнулись, не попали в Торопченко. Только дом, что справа стоял, развалили.

Они — второй залп. Одна болванка в

башню моей машины попала и застряла в ней. Зло меня взяло. Надо же! От нее дым валит: подожгли. Кричу своему водителю:

— Развертывайся!

Только он развернул машину, вторая болванка в борт угодила. Заглох мотор, встала машина, загорелась.

Немец насаждает... Рядом — машина Карнобаева. Я к нему. А у него машина не заводится. Возле же моей — фашистские автоматчики залегли, ведут огонь. Смотрю, и машина Карнобаева задымила. Но Залозный — водитель — все же завел мотор и, рискуя, развернулся бортом и быстрым ходом от немцев. Мотор, гадюка, то заглохнет, то опять заведётся. Немцы же бьют и бьют. В избы попадают, бревна во все стороны летят. Хаты запылали... Но мы все же ушли и успели пламя сбить. Спасли машину...

Тут и другие роты подошли... Пехота наша подтянулась... Я майору доложил обстановку. Ну, а чем кончилось — сами видели. Наколотили немца, потерял он тут свою технику...

Так начался этот день войны.

Третий день идут яростные бои возле села Ольшаницы. Оно — узел многих шоссе-ских дорог. В районе Броды войска 1-го Украинского фронта охватили широким кольцом немецкие дивизии и «перемалывают» их. А немцы, не попавшие в «котел», торопливо катятся ко Львову. Наши танкисты, ушедшие в глубокий прорыв, оказались на их пути.

Сражения возникают неожиданно. Немцы с ходу кидаются на наши подразделения. Порой соотношение сил бывает не в нашу пользу. Но тут решает моральное превосходство. Мы спокойнее... Немцы же бегут, спасаются.

Но дерутся они отчаянно. Атака следует за атакой... В бой вступают их новые части.

Такие, с невыгодным соотношением сил для нас, идут бои у Ольшаницы. Нам нельзя отойти, дожидаться подхода подкреплений. Отойти — значит открыть немцам путь на Львов.

Мы несем потери. Но немца держим. Возле медсанбата останавливается танк. Всю броню его заняли насмерть переязанные в бою раненые. Какой-то молодой майор лежит возле башни с окровавленным бинтом на голове.

— Справа восемнадцать «тигров»! —

кричит он хриплым голосом.— Всем стоять насмерть!..

На руках санитаров майор затихает и только облизывает сухие губы. У него ранение не только в голову, но и в живот.

Сегодня в наше село прорвалась значительная группа немецких автоматчиков. Их ловили по дворам все утро.

Проводят группы пленных. Они шагают грязные, оборванные, небритые. Попадаются и солдаты из так называемой добровольческой Галицийской дивизии. Нашли еще одного немецкого солдата, прятавшегося в свинарнике. Он маленький, как лилипут. У него круглое лицо, покрытое потом, испуганные оловянные глаза.

На высотке, занятой артиллеристами, в стереотрубу я смотрю на поле боя. Хорошо вижу, как по пшеничному полю перебегают немецкие солдаты. Пятеро заняты каким-то странным делом — копают землю, словно торопятся что-то найти в ней. Минируют что ли? В стороне, за обширным ярко желтеющим полем, горят два танка. Черный густой дым поднимается над ними. Наши или немецкие? Отчетливо видны вспышки орудий, стоящих на опушке леса. От деревни отделяются пять «тридцатьчетверок» и ложиной идут на сближение с тяжелыми немецкими танками, ползущими по шоссе.

Артиллеристы обнаружили немецкую батарею. Летят один за другим два пристрелочных снаряда, потом еще два. Майор — командир дивизиона — наблюдает за разрывами.

Он отрывается от стереотрубы и радостно кричит:

— Хорошо!.. Четыре снаряда на орудие! Огонь!..

В безоблачном душном небе появляются немецкие бомбардировщики. Их прикрывают юркие истребители. Сейчас начнется...

Пятерка наших истребителей сваливается на немцев. Завязывается воздушный бой. Воздух наполняется разногласным гудением. Бомбардировщики, не отбомбившись, исчезли. Сейчас идет встречный бой между истребителями. Мы видим, как разом, дымя, пикируют стремительно к земле два немецких самолета. Они все быстрее и быстрее несутся к земле, оставляя длинный черный хвост. На том месте, где они падают, взрывается пламя.

Но что это? Наш «ястребок» клюнул носом, попытался выправиться и закувыркался к земле. А за ним тянется черный

хвост... В воздухе сверкнул парашют. Значит, летчик успел выпрыгнуть. Однако не сет его прямо на село, где сидят немцы. Неужели попадет к ним? Летчик все ниже и ниже. Отчетливо видна его черная фигура на стропах под просторным куполом парашюта.

Его сносит за деревья. К немцам! Вот он скрылся за деревьями, и не понять, где приземлился — к своим, или сейчас его уже взяли враги? К пленным немцы сейчас беспощадны. Живыми не оставляют.

...Я увидел его вечером. Молодой, наверное двадцати лет нет, как многим нашим офицерам танкистам.

В воздухе — год. На гимнастерке — орден Красной Звезды. Лицо румяное, без загара, все в синяках и царапинах. Его, оглушенного, изрядно проволокло по кустарникам, пока наши солдаты, кинувшиеся на выручку, «гасили» парашют.

— Чуток к немцам не угодил, — рассказывал он. — Не мог разобраться, где они, а где свои.

— Мы это и на земле не всегда знаем, — с мрачным юмором сказал кто-то из танкистов. — Однажды было: расположились в деревне утром завтракать. А нам говорят — чего расселись? На той окраине немцы, и тоже завтракают.

— Сверху хорошо видно, — подтвердил летчик, — что никакого порядка на земле. Там, смотришь, немцы, там наши, потом опять немцы и опять наши. Все перемешалось. Потому иной раз и ошибки случаются. Бывает, что даже своих бомбим...

— И про это знаем, — усмехнулись танкисты. — Сами два раза в такую историю попадали.

— Далеко танкисты рванули, — продолжал летчик. — А Рыбалко дальше вашего ушел. Вы левее на Львов выходите, а он правее движется. И пока вы тут с немцем чикаетесь, рыбалковцы Львов обошли и там противника жмут.

Утром наскоро хоронили восемь солдат-автоматчиков. Трое торопливо копали общую могилу в сухой легкой земле. Уложили мертвых товарищей, уровняли могильный холм, дали салютный автоматный залп и заспешили на окраину села в свою роту. Там танкисты и артиллеристы с замаскированных огневых позиций отбивали немецкую атаку. Немцы все еще надеялись найти щель в наших боевых порядках и вырваться на Львовское шоссе.

Восемь солдат, лежащих рядом в мо-

гиле, пали далеко от Урала в бою за Украину в жаркое лето 1944 года. Сегодня уйдет еще восемь «похоронок» в далекие Оханск, Миасс, Ирбит и другие места. В восемь семей сразу, в одно утро, поступится горе.

...А днем, когда спало напряжение боя, в это село привели полсотню пленных. Они шли серединой улицы, серолицые, подымая легкую пыль, вялым шагом. Солдаты — конвоиры — посовещались и свернули колонну к церкви, огороженной высокой железной оградой. Словно в клетку посадили.

Обычно наши солдаты, порой даже в самые трудные минуты, не упускают возможности пошутить над обезвреженными фрицами, провести с ними короткую «политбеседку». «Гитлеру капут?» И немцы готовно подтверждают: «Капут...»

Эти прошли сквозь стену молчания и брезгливого недоумения.

Пленные — в добротных немецких мундирах. Но они — не немцы. Они говорят по-украински. На рукавах у всех вшиты овальные шевроны с изображением трезубца. Это были солдаты подлой, так называемой добровольческой дивизии СС «Галичина», собранной из парней Западной Украины. Эту дивизию наши солдаты разнесли в пух и прах под Бродами. Сюда докатились ее остатки.

Еще утром «добровольцы» держали в руках оружие, из которого стреляли по своим же, украинцам и русским, пришедшим освободить Украину от гитлеровских захватчиков. Может быть, те восемь парней, которых мы сегодня потеряли, приняли смерть от них.

Предательство своего народа — самое подлое. Это предательство своей земли. Как могли они принять из рук врага оружие и бить из него свой народ?

...Они сидят за железными прутьями ограды, словно в клетке. Молчат... Не решаются посмотреть на наших солдат. И наши солдаты проходят мимо, не задерживаясь, не вступая в разговоры. Они не могут победить гадливости.

Ночь... Мы лежим в шоссейном кювете. Рядом с нами офицеры противотанковой артиллерии. Молодая луна над краем горизонта. Близко идет ночной бой. Он то стихает, то снова нарастает... Взлетают осветительные ракеты...

Каким трудным путем прсбиваются танкисты к Львову! Почти не выходят из боев.

Днем немцы зажали нас на крохотном «пяточке». Танковые части противника плотно перекрыли дороги на Львов. Немцы тоже кое-чему научились в дни весенних боев: против наших «тридцатьчетверок», прорывающихся глубоко в их тылы, они бросают подвижные крупные части тяжелых танков, противотанковую артиллерию, зенитные подразделения. Их страшат наши танковые глубокие рейды.

Немцы несут потери. Но и мы, продвигаясь, теряем своих товарищей.

Сегодня утром тяжело ранило ординарца майора Денисова Васю Самойленко — храброго мальчишку, влюбленного в своего майора. И майор привязался к нему, как к сыну. Иной раз они даже ссорились. Вася легко «заводился», когда у них начинались разговоры, чей край лучше. Вася утверждал, что самая лучшая земля на свете — краснодарская. Денисов расхваливал свою Сибирь. Как-то майор набрал в лесу грибов, нажарил большую сковородку и пригласил за стол Васю. Но тот с отвращением смотрел на сковородку с грибами.

— Это едят? Ну и сибиряки... Кубанцы никогда такого в рот не возьмут!

Так Денисов и не смог уговорить своего ординарца попробовать грибы.

А теперь майор разыскал среди раненых Васю.

Они попрощались.

— Остался должен вам сутки ареста, — нашел силы пошутить Вася.

— Возвращайся отбывать, — грустно ответил помрачневший майор. Он знал, что дела Васи плохи. — Обязательно возвращайся... В Берлин, как уговаривались, должны войти вместе...

Светает...

По шоссе движутся «зверобои» — дивизион противотанковых орудий. Это солидное подкрепление. В борьбе с танками эти артиллеристы, как правило, выходят победителями. Главное, они психологически готовы встретить танковые части противника. Ищут этих встреч. Так, назерное, медвежатники смело идут на зверя, ждут его, готовые к встрече лицом к лицу.

Проходят мимо и другие артиллерийские части.

Все больше накапливается сил, чтобы сломить сопротивление противника и на этом участке. Подтягивается пехота.

44 А вот и новая танковая подмога. Еще две бригады четвертой танковой армии.

Приятно смотреть на прохождение колонн. Стальной таран наших войск!

Теперь гул боя усиливается. Гремят орудия разных калибров. А войска все прибывают. Уже дивишься тому, где им найдется место на этом «пяточке»? Где разместится такая масса войсковых частей?

Небо все светлеет, все сильнее впереди гремят орудия...

Еще бой под самым Львовом.

Танкисты оказались зажатыми в лесном массиве. «Тридцатьчетверкам» пришлось проявить маневренность и в лесных условиях. И тут сказалось превосходство наших машин по сравнению с немецкими. Их тяжелые танки двигаться по лесу, да еще с оврагами и топкими участками, не могли. А «тридцатьчетверки», ломая деревья, подминая кустарники, выходили к немецким огневым позициям и открывали огонь по «тиграм», «пантерам», «фердинандам» и противотанковой артиллерии. Иной раз командиры покидали машины и шли впереди своих «тридцатьчетверок».

В лесу трудно определить, в какой стороне идет бой. Он доносится отовсюду. Лесное эхо множит и усиливает все звуки. Бьют и бьют орудия, сливаясь в непрерывный гром. То в одном месте, то в другом раздается многоголосая автоматная стрельба. Кажется, что автоматчики совсем рядом. Они и действительно стремятся просочиться в глубину лесного массива, разъединить танкистов, ударить по ним гранатами с тыла. Рушатся от снарядов деревья, во все стороны летит древесина, сучья. Падают срезанные вершины. На моих глазах болванка «тигра» ударила в подножие дуба-великана и расколола пополам ствол по всей длине. Лесной красавец развалился надвое; тяжело рухнул одной половиной на «тридцатьчетверку», придавив автоматчиков. Врачи извлекают у раненых не только осколки, но и большие занозы, щепки.

Угарный пороховой дым от горящих машин, особенно тяжелый, выедающий глаза, стелется между стволами, среди кустарников.

Шум, треск... Ни одному урагану не под силу нанести столько разрушений. Я видел ветровальные полосы в уральских лесах. Деревья на них лежали, вырванные с корнем, перепутавшись корневищами. А тут артиллерия начисто вырубала лес.

Он редел на глазах... Щепа густо осыпала землю.

...Немцы дрогнули. Они не выдержали такого натиска и попятнулись.

Но и танкисты не могли сейчас их преследовать. Ведь и мы несли потери. Ремонтники кинулись приводить в порядок машины. Появились транспортеры с горючим, боеприпасом, подоспели кухни... Люди засыпали там, где их застали последние минуты лесного боя...

Но краткой была эта передышка. Часа через два танковые колонны выходили на шоссе к Львову. А впереди уже гремел бой...

«ВОЙСКА 1-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ШТУРМОМ ОВЛАДЕЛИ ГОРОДОМ ЛЬВОВОМ, — сообщалось в оперативной сводке Советского Информбюро за 27 июля. — ОБОРОНЯВШИЕСЯ В РАЙОНЕ ЛЬВОВА ВОЙСКА ПРОТИВНИКА РАЗГРОМЛЕННЫ. ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗОЛИРОВАННЫЕ ДРУГ ОТ ДРУГА ГРУППЫ НЕМЦЕВ УНИЧТОЖАЮТСЯ СОВЕТСКИМИ ЧАСТЯМИ В РАЙОНАХ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ И ЗАПАДНЕЕ ГОРОДА. МЕСТА БОЕВ ЗАВАЛЕННЫ ТРУПАМИ ГИТЛЕРОВЦЕВ, РАЗБИТОЙ ТЕХНИКОЙ И ВООРУЖЕНИЕМ, БРОШЕННЫМ ПРОТИВНИКОМ. ТОЛЬКО НА ОДНОМ УЧАСТКЕ СОВЕТСКИЕ БОЙЦЫ СОЖГЛИ И ПОДБИЛИ 40 ТАНКОВ, ЗАХВАТИЛИ 70 ОРУДИЙ И СВЫШЕ 1000 ПЛЕННЫХ...»

Мы пробились к Львову поздним вечером, почти ночью, приняв еще один встречный танковый бой. В городе шли уличные бои.

Танк с десантниками на броне уходил в черноту каменных ущелий улиц. Где-то впереди звонко и непрерывно стреляли пушки. Словно большие факелы, в разных частях города над крышами металась высокие языки пламени пожаров. Гитлеровцев отжимали от центральных кварталов к окраинам.

К утру Львов был полностью очищен от противника. Наступила тишина. Прекрасная тишина и покой... Вышли на улицы жители.

И сразу начали приводить все в порядок. Еще шли саперы с миноискателями, обследуя уличные участки и подозрительные здания, еще расчищались противотанковые завалы, а дворники в белых фартуках, женщины, подростки сметали в кучи мусор, убирали с тротуаров битое стекло, водой промывали мостовые.

Через центр освобожденного города на запад двигались многочисленные воинские части, тянулись бесконечные конные обозы пехотных подразделений.

Участник уличных боев капитан Щербаков, с которым мы в ранний час шли по городу, сказал:

— Жители хотят скорее немцев забыть... Порассказали нам, как те себя во Львове вели. Начисто ограбили город... — Помолчав, он добавил: — Красив Львов, правда? Какие красивые старинные здания! Мы старались не разрушать зданий. Били по домам только при самой крайней необходимости.

Мы как раз вышли на центральный проспект к зданию оперы. Тут протянулась длинная аллея из двух рядов высоких пирамидальных тополей.

— Сохранили этот проспект, — сказал Щербаков. — Только одно дерево повредили.

Да, только один тополь был свален танком. Он, зеленый от подножия до острой макушки, лежал поперек аллеи, со следами гусениц на стволе.

Во Львове похоронен лейтенант — танкист Уральского добровольческого корпуса Александр Марченко.

Он поднял над Львовом красное знамя освобождения. Оно ярко запылало на фоне яркого голубого июльского неба. Когда Александр Марченко перебежал площадь от здания к своей машине, его сразил немецкий пулеметчик.

Но знамя над городом реяло.

Александр Марченко свой боевой путь начал на Орловско-Курской дуге. Прошел с нами бои на Украине. Как, наверное, счастливым был он в ту минуту, когда поднял над Львовом стяг освобождения города от фашистов!

Теперь он лежит в земле Львова вместе с другими уральцами, которые принесли и этому городу освобождение.

Танкисты рассматривали трофейную карту. У немцев Львов на карте назывался Лемберг. Линейкой прикинули расстояние от Львова до Берлина.

— Ребята! — сказал танкист, измерявший это расстояние. — До Берлина остается восемьсот километров. Даже немного меньше... Половину пути прошли... Ведь от Орла до Берлина было полторы тысячи. Помните?... Вот как далеко было до Берлина!..

Прыжок

«ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ГОРОДА САНДОМИР НАШИ ВОЙСКА ФОРСИРОВАЛИ РЕКУ ВИСЛУ,— сообщалось в сводке Советского Информбюро 3 августа,— ЗАХВАТИЛИ ПЛАЦДАРМ НА ЛЕВОМ ЕЕ БЕРЕГУ, ПРОТЯЖЕНИЕМ ПО ФРОНТУ В 30 КИЛОМЕТРОВ И В ГЛУБИНУ ДО 25 КИЛОМЕТРОВ, ЗАХВАТИВ ПРИ ЭТОМ 50 НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И СРЕДИ НИХ ГОРОД СТАШУВ, КРУПНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ КОПШЕВНИЧКА, ПОЛАНЕЦ».

9 августа я записал:

«Сегодня торжественный день. Утром, проехав Перемышль, мы переправились на левый берег Сана и вступили на землю Польши. Так просто пересекли границу польского государства.

Дорога идет берегом Сана. Бедные места. Непривычно видеть поля, поделенные на узкие лоскутки. Земля серая, тощая. На пути — бедные деревни, убогие маленькие хатенки.

Во всем и всюду проглядывает жалкая нищета.

Польша... Мы уже в Польше... Родная земля осталась позади.

На день переправы через Вислу закрываются. Немецкая авиация весь день барражирует в воздухе, следит за передвижениями наших войсковых колонн на дорогах, за всеми переправами через Вислу, за которой на плацдарме у Сандомира идут уже который день ожесточенные бои.

Войска переправляются только ночью по мостам, наведенным нашими инженерными войсками. Двигутся колонна за колонной, все рода войск — вереницы танков, артиллерия всех калибров, «катюши», пехотные части, бесконечные конные обозы. Идут, идут... С того берега встречный поток — колонны грузовых машин, автобусы, загруженные ранеными.

Мы сидим в сторонке от дороги, ждем подхода к переправе своих редакционных машин, вслушиваясь в неумолкающее гудение моторов на дороге.

На огоньки наших папирос подходят трое, все без шинелей. Белеют повязки.

— Разрешите присесть? — спрашивает усталый пожилой солдат. — Табачишком у нас не разживемся?

Солдаты присаживаются, закуривают. Двигаются они осторожно, видно, что боится потревожить раны.

— Откуда идете? — спрашиваю я.

— Из-за Вислы, — отвечает тот, что просил закурить. — Все мы оттуда — из-под Сандомира.

— Как там?

— А что солдат может знать, — отвечает он. — Воюем... Вчера вот так же ночью переправили нашу гвардейскую не-пробиваемую, непросыхаемую... А утром, когда пришли на место и только собрались у кухни на заправку, он и пошел в наступление... Так с пустыми котелками и приняли бой... Нас пятерых в окопчике одной миной накрыло. Четверых списало, один я уцелел. Осколком немец в голову, верно, метил, да промахнулся — в плечо попал. А я в него даже и выстрелить не успел. Вот и топаю пешком на ремонт. В машине места не достало, много нас там раненых. Так голодными и шагаем — ни табаку, ни сухаря...

У кого-то из нас в запасе оказалась банка тушенки, буханка хлеба. Солдаты не стали отказываться, только попросили нас открыть банку: им не под силу. Они дружно начали ложками скрести из банки тушенку.

— Ну, как, ребята, полегчало? — сказал своим спутникам повеселевшим голо-сом тот, кто первым начал разговор. — Я у них вроде старшого, — пояснил он. — Ребята только-только из запасного полка. Воевать с немцем собирались, а он их в первый же день и продырявил. Армейских порядков ребяташки еще не знают. Вот и повел с собой... У меня-то четвертое ранение. Знаю, что до боя солдат всем нужен, все о нем думают. А как ранят — тут ты, солдат, не теряйся, сам о себе думай. Если есть ноги — иди... Шинель сильно жалко, теперь намаешься без своей шинели. Пока где-то дадут... Сгорела она у меня в окопчике, а совсем хорошая была шинель...

Этот пожилой солдат шел с войны, как с работы. Усталый, спокойный... Думал сейчас только, как бы теперь скорее добраться до госпиталю, да опять обзавестись шинелью, вместо пропавшей в окопчике, накрытом миной. Не рассчитывал солдат на чье-то сочувствие, помощь, полагался только на свои силы, стараясь не быть кому-то в тягость.

Понимал, что все заняты, воюют, до него ли...

В дневнике у меня стоит крупно написанная дата: «18 августа».

И ниже: «Не забыть!»

А что не надо забывать? Что я должен помнить о 18 августа?

Разбирая собственные сохранившиеся фронтовые письма домой, я нашел ключ к этой дате.

Лесной дорогой, под вечер, воспользовавшись затишьем, двумя группами мы возвращались с передовой в село, где разместились штаб корпуса. Впереди шли пятеро офицеров, мы, вторым, в нескольких метрах позади них.

Хороша была вечерняя лесная тишина. Слово, наконец, успокоилось после душного дня, наполненного орудийным грохотом, и теперь готовилось к покойной ночи. На дороге виднелись следы войны: две разбитые повозки, словно подрубленные телеграфные столбы, с мотками скрутившейся проволоки, снарядные воронки на земле.

Офицеры-штабники пробыли весь день на передовой. В этот день противник, казалось, особенно усердствовал. Его артиллерия не утихала. Ждали атаки, но она так и не состоялась.

Я только помню тот миг, когда что-то грохнуло и меня сильно толкнуло в грудь. Я опрокинулся на спину, увидев сразу вспыхнувшее чернотой небо.

Мое забытьё, вероятно, продолжалось недолго. Я опять увидел небо и подумал: «Что произошло?» Мой спутник, даже фамилии его не помню, тербил меня:

— Жив?

Я поднялся. Ни одной царапинки. Только какая-то странная тянущая боль во всем теле.

— Накрыло ребят, всех, — сказал он, и мы, трое, побежали по дороге.

Те пятеро, что шли впереди, разбросанные в разные стороны, лежали мертвые.

Тяжелый снаряд упал как раз посреди не между двумя нашими группами. И все осколки, вся стальная сила ударила в спины наших пятерых товарищей. Нас же только сшибло взрывной волной.

А лес стоял такой же тихий, погруженный в вечерний покой, готовый ко сну.

Тем, кто знает войну только по рассказам очевидцев и литературе, фронтовая смерть представляется активным актом: человек погибает в бою. Но она бывает нередко и вот такой слепой силой. Слово ладонью прищелкивает человека...

Тогда мне показалось, что я это 18 августа никогда не забуду.

Оказывается, можно, под грузом других, более сильных фронтовых впечатлений, и забыть.

Лесная поляна — огневая позиция минометчиков. Тарелки орудий упираются в песок. Отрыты глубокие окопы, ходы сообщения. Вся площадка плотно утоптана. В специальных ячейках лежат гранаты. До передовой отсюда каких-нибудь две тысячи метров, может, несколько больше. Но передний край прикрыт сосновым лесом и нет ощущения непосредственной близости к противнику.

Все солдаты в выгоревших до белизны гимнастерках, на которых выделяются боевые награды и гвардейские значки. Щурясь от яркого солнца, они стоят в строю и виновато слушают сердитую речь командира батареи.

— На что это похоже? — гневается капитан. — К тетке на побывку приехали? Военную службу забываете. Ведь гвардейцы! И позорите свое высокое звание... А если бы противник в атаку пошел? Боевой приказ в любую минуту может поступить... Отставить прогулки!.. Это я вам приказываю!..

Он говорит и многие другие строгие слова. Гвардейцы-минометчики виновато помаргивают, но лица у всех лукавые, и никак не могут они потушить своих улыбок. Уж больно смешно видеть им друга с такими синими губами и синими зубами. Капитан замечает улыбки, и еще больше сердится.

Понятен солдатам их проступок. Справедлив распекающий их капитан. А главное, они уже знают, — солдатская почта сработала, — что капитану за них здорово сегодня нагорело.

Надо же было троим минометчикам — растяпы! — напороться в лесу на подполковника из политотдела. Он накрыл их на месте преступления: за сбором в лесу черники. Там ее — завал, сплошные россыпи. Крупная, душистая. Пятнадцать минут трудов, и полный котелок ягоды. Ребята и повадились в лес. Чуть стихнет на передовой, они в лес. Через час — полтора возвращаются с черникой на всех минометчиков. Добавка к солдатскому однообразному пайку.

Подполковник, багровый от гнева, пригнал трех солдат, накрытых с личным, на батарею. Спасибо, что ягоды не конфи-

сковал, труды даром не пропали. А сам отправился к командиру батареи, которого и «причесал» по всем правилам за развал дисциплины.

Правильно говорит капитан. Солдаты искренне сочувствуют ему. Получилось, действительно, нехорошо. Подвели его ребята. Понимают, как трудно сейчас капитану. Ведь у него и самого, как у всех солдат, такие же синие губы и синие зубы. Солдаты, рассыпая на порции собранные ягоды, не забывают и про офицеров, которым неприлично отлучаться в лес по ягоды, да и забот у них предостаточно.

— Все! — бросает капитан. — Разойтись!..

Минометчики, получив встряску, весело разбегаются по своим огневым позициям и тотчас энергично принимаются за дела. Своим усердием они хотят показать капитану, что поняли его и сразу же взялись за исправную воинскую службу. Капитан проходит по огневой позиции. Ему надо найти какие-нибудь непорядки, подчеркнуть этим, как легкомысленное поведение мешает солдатскому делу. Но и придирается напрасно все же не хочется. Однако два-три замечания он делает.

— Что же шинели у вас как попало валяются? — говорит он сердито сержанту. — Прибрать — лень? Ведь тут не барахолка, а огневая позиция. Порядок надо поддерживать.

— Слушаюсь... — торопливо говорит сержант и отдает приказание: — А ну, прибрать всем шинели! Живо!..

Капитан уходит к себе. Солдаты присаживаются перекурить такое незадачливое дело. А вообще, рассуждают они, как же не попользоваться таким богатым лесным даром? Ведь рука сама тянется к ягодному изобилию. Пускай идет война, они помнят об этом всякий час, да она и сама не дает об этом забыть. Батарейцы всегда на месте, их орудия всегда готовы к бою.

Бои разгораются то на одном, то на другом участке обширного Сандомирского плацдарма. По ночам видны зарева пожарищ. Горят польские деревни и села. Такие пожарища мы видели год назад на Орловщине. Немцы верны себе. Они и тут хотят оставить зону пустыни.

Обозы польских беженцев двигаются за Вислу, подальше от мест боев. На длинные фуры погружено нищее имущество.

Угрюмо шагают хозяева, подымая босыми ногами дорожную пыль. Ребятишки подгоняют коров, привязанных к задкам телег. Беженцы расселяются в селах, удаленных от линии фронта. Оторванные от земли, от дома, не успев собрать урожая, мужики тоскливыми глазами вглядываются в будущее. Что им принесет зима? Как они будут жить?

Но не жалуются. Натерпелись под немцем.

...Жизнь на освобожденной от гитлеровцев польской земле начинает налаживаться. Несколько дней назад я попал в город Жешув. Как раз к станции подходил пассажирский поезд, донельзя набитый людьми. Висели на подножках, на крышах. Пассажирское движение на железной дороге — это один из добрых признаков нормализации жизни там, где еще совсем недавно шли бои. Открываются магазины, ресторанчики. Сельским беженцам отводятся земли, брошенные богатыми хозяевами. Собранный урожай будет принадлежать обездоленным.

...Наши удары по противнику на Сандомирском плацдарме следуют один за другим. Мы тесним немцев на пять-восемь километров, захватываем новые польские городки, села, деревни, расширяем и закрепляем за собой плацдарм за Вислой.

Новогодний номер нашей газеты выходит с очередной сводкой Советского Информбюро:

«В ТЕЧЕНИЕ 31 ДЕКАБРЯ ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ И ЮЖНЕЕ ГОРОДА ЛУЧЕНЕЦ НАШИ ВОЙСКА ОВЛАДЕЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ НАСЕЛЕННЫМИ ПУНКТАМИ БОЗИТА, КУРТАНИ, СУГА, ПИЛИШЬ, РОМГАНЬ, А ТАКЖЕ С БОЯМИ ЗАНЯЛИ НА ТЕРРИТОРИИ ВЕНГРИИ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ МИХАЛИ, ГЕРГЕ, ПИЛЫНИ, ФЕЛФАЛУ...»

В РАЙОНЕ БУДАПЕШТА НАШИ ВОЙСКА ВЕЛИ БОИ ПО УНИЧТОЖЕНИЮ ОКРУЖЕННЫХ ГРУПП ПРОТИВНИКА, В ХОДЕ КОТОРЫХ ЗАНЯЛИ БОЛЕЕ 300 КВАРТАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ГОРОДА.»

Наш 1-й Украинский фронт молчит. Но война идет... Гитлеровским войскам наносятся все новые удары. Наверное, мы тоже скоро пойдем дальше на запад. Ведь теперь до Берлина меньше восьмисот километров.

В. ЦИГАЛЬ

В ОСВОБОЖДЕННОМ ЛЬВОВЕ

А. КУРНАКОВ (*Орел*)

РАЗДУМЬЕ

Земля. Какой огромный смысл вкладывается в это слово. На ее очертания мы смотрим глазами космонавта. Слагаем рассказы о земле, преображенной руками человека. Связываем с землей подвиги своих лучших сынов, защищавших ее от врагов. Наконец, самым близким понятием этого слова по представлению человека, является все та же земля, рождающая хлеб. И именно к этой большой теме обращается уже много лет заслуженный художник РСФСР орловец Андрей Курнаков.

К юбилейной выставке, посвященной 50-летию Советской власти, Курнаков создал триптих (три картины, объединенные одной темой) назвав его „Земля“.

В левом полотне — „Раздумье“, изображен только что вернувшийся с гражданской войны красноармеец. Присев на деревянную борону и набрав из лукошка натруженной рукой горсть зерна, крестьянин задумался. Непривычно ему — первый

А. КУРНАКОВ (*Орел*)

ЖАТВА

раз он будет бросать зерна в освобожденную землю. И не в чью-либо, а в свою, завоеванную. Рядом с крестьянином, прильнув к его плечу, сидит ожидающая ребенка жена. Все полотно проникнуто идеей зарождения новой жизни.

Центральную часть триптиха автор назвал „Межи перепаханы“. В ней как бы отражается еще один важный этап из жизни нашей страны — коллективизация сельского хозяйства. И завершающим аккордом служит правая — третья часть триптиха — „Жатва“. Она посвящена нашим дням.

Тема земли и сейчас является главной в творчестве Андрея Курнакова, готовящегося к выставке, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. „— Это будет, — говорит художник, — все та же повесть о Земле, о России, давшей человечеству великого Ленина“.

И. Круглый

Г. ГУРКИН

ОЗЕРО ГОРНЫХ ДУХОВ

ОЗЕРО ГОРНЫХ ДУХОВ

Лишь немногие смельчаки рисковали добраться до Дены-Дерь — Озера горных духов. Счастливицы, которым удалось увидеть это алтайское озеро своими глазами, рассказывали о нем чудеса. Будто парит над водной гладью грибообразное серое облако. Из тумана вырисовываются синевато-зеленоватые столбы, похожие на высокие человеческие фигуры. Человек же, попав туда, начинал чувствовать сильное недомогание, а иной даже заболел на всю жизнь.

Был среди смельчаков и художник-алтаец Григорий Чорос. С этюдником, превозмогая головокружение, добрался он до ущелья между Катунской и Чуйской балками, где лежало таинственное озеро, и запечатлел бесшумное движение призраков. А добравшись домой, написал редкостную по цветной гамме картину — «Озеро горных духов».

Что же это были за «злые духи», сотни лет не дававшие покоя алтайцам-кочевникам? Картина Чороса, правдиво передававшая красками увиденное, помогла решению научной задачи. По цветному спектру на полотне ученые высказали предположение, что в этих местах есть ртуть. Экспедиция, возглавляемая известным советским геологом и писателем-фантастом Иваном Ефремовым, обследовав берега озера, действительно обнаружила там богатые ртутные месторождения. Это-то событие и послужило впоследствии сюжетом для рассказа Ивана Ефремова «Озеро горных духов».

Не менее интересна и судьба самого художника. По совету исследователей Сибири Г. Потанина и А. Анохина Чорос, выходец из небольшого алтайского аула, еще в юности пробывавший себя в писании икон, поехал в Петербург с намерением поступить в Академию художеств. Но в Академию его не приняли. Счастливые обстоятельства свели его с известным русским живописцем И. И. Шишкиным. В его мастерской Чорос (который к тому времени стал подписывать свои картины псевдонимом Гуркин) окреп как художник, получил необходимый запас теоретических знаний.

После смерти Шишкина Гуркин возвратился на Алтай, много и вдохновенно работал над пейзажами Сибири. Его картины можно было увидеть на выставках в Барнауле, Красноярске, Томске. В 1916 году открылась его персональная

выставка в Иркутске. Она была значительным событием в культурной жизни города и пользовалась большим успехом у зрителей.

Для всех своих выставок Гуркин готовил каталоги, в которых комментировал выставляемые картины. Вот что, например, писал он о картине «Озеро горных духов».

«Вечная седая природа, владычица Горного Алтая, царство или трон, который находится на неприступных балках и на альпийских озерах. По представлению алтайцев есть белая старуха, убежденная сединами, в белоснежной одежде. Ходит она по своим владениям, по горам, опираясь на золотой посох. Она заботится о сохранении чистых горных озер».

В конце 30-х годов художник погиб, многие его картины исчезли.

Что же стало с картиной «Озеро горных духов»? В рассказе И. А. Ефремова говорится, что Гуркин завещал передать подлинник после своей смерти писателю.

Я написал письмо автору «Туманности Андромеды» и получил ответ. Писатель дважды встречался с Гуркиным — один раз на Алтае, другой — в Геологическом музее в Ленинграде в 1926—1927 годах, когда художник писал панораму Алтая. Где хранится подлинник картины «Озеро горных духов», Иван Антонович не знает. Но он помнит, что Гуркин сделал несколько авторских копий, которые распродавались на его выставках.

Одна из таких копий экспонируется в Иркутском художественном музее. Это редкий экземпляр, представляющий большую ценность.

В Иркутске, а также в других сибирских городах выставлены картины Гуркина «Хан-Алтай», «Катунь», «Ледоход», «Каракол».

Полотна Григория Гуркина высоко ценили многие знатоки искусства, в том числе и первый нарком просвещения А. В. Луначарский. В предисловии к каталогу выставки «Жизнь и быт народов СССР» он писал:

«Отмечу еще значительные по тонкости живописи, прямо-таки драгоценные по краскам пейзажи Чорос-Гуркина, ойротского художника с Алтая. Как забралась на Алтай такая утонченная техника, — я уж не знаю».

А Иван Ефремов назвал художника «искателем души гор...»

Е. РАППОРТ

В. ДЕМИДОВ

Свинцовые книги «Магдебурга»

Туманной ночью 26 августа 1914 года, через три с небольшим недели после начала войны, германский крейсер «Магдебург» наскочил в Ботническом заливе на камни у острова Оденсхольм. Всю ночь сопровождавший «Магдебург» миноносец пытался снять крейсер с камней. А с рассветом на горизонте показались силуэты двух русских военных кораблей — крейсеров «Паллада» и «Богатырь». Командир «Магдебурга» открыл огонь и приказал команде переходить на миноносец. Что было причиной взрыва — русский снаряд или попытка потопить крейсер — неизвестно, но из недр «Магдебурга» внезапно вырвалась пламя и орудия его замолкли. А миноносец, пользуясь преимуществом в скорости, стал уходить на запад. Его не преследовали: на месте боя оставался богатый трофей. Но только водолазы, обследовавшие подводную часть «Магдебурга», обнаружили, как велика удача: со дна моря были подняты две книги в свинцовых переплетах. Совершенно секретные шифровальные книги германского флота.

Должно быть, никто из офицеров «Магдебурга», спасшихся на миноносце, не рвался пойти под военно-полевой суд за утерю секретных документов. Командованию доложили, что книги уничтожены. По русскому же Балтийскому флоту был отдан приказ с выговором водолазам, работа которых, якобы, не принесла никакой пользы. Действительно, «Магдебург» не удалось снять с камней. Немцы остались в убеждении, что тайна не раскрыта.

Тем временем копию шифра уже передали союзникам — англичанам и французам. Теперь Антанта могла следить за всеми передвижениями германского «Флота открытого моря». Немецкие адмиралы терялись в догадках: едва их корабли выходили из гаваней, как тотчас же натывались на превосходящие силы англичан. Но германский

генеральный штаб упрямо продолжал верить, что раскрыть тайну шифра, не зная ключа, невозможно. Верить настолько, что присвоенные боевым кораблям радиопозывные мирного времени не были сменены на новые даже после начала военных действий. И немецкие корабельные радиостанции лучше всяких шпионов раскрывали англичанам места дислокации боевых единиц флота.

Правда, в 1916 году германский флот решил менять шифр каждую ночь ровно в двенадцать часов. Однако английские дешифровщики из сверхсекретной «Комнаты № 40», о которой ничего не знали даже высшие офицеры Адмиралтейства, только посмеивались над немцами. «К четырем часам утра мы уже передавали командованию расшифрованные телеграммы, перехваченные в час ночи», вспоминал начальник «Комнаты № 40» Альфред Ирвинг. — Мы расшифровывали за сутки более двух тысяч депеш».

И все-таки однажды немцы обманули англичан. «ДК» — таков был позывной флагмана германского флота, линкора «Фридрих Великий». В конце мая 1916 года англичане перехватили радиограмму, подписанную неизвестным, новым для дешифровщиков, позывным «УВ». В составе флота «УВ» вышел в открытое море. А «ДК»?.. «ДК», по-видимому, по-прежнему отставался в Вильгельмсхафене. Англичане попались на удочку. А «Фридрих» под флагом адмирала Шпеера шел навстречу английским силам во главе германского флота. Выход немцев в море не был секретом для английского командующего, адмирала Битти: их планы были своевременно раскрыты службой радиоподслушивания. Но встречи с «Фридрихом» англичане не ожидали. Немцы успели нанести им тяжелые потери. Правда, знаменитый Ютландский бой 31 мая 1916 года окончился поражением «Флота открытого моря», и только нерешительность командира английской эскадры линкоров, адмирала Джеллико, отказавшегося преследовать немцев в наступившей темноте, спасла Шпеера от окончательного разгрома. А началом разгрома германского флота нужно считать находку русских водолазов в недрах крейсера «Магдебург».

Цифирная грамота

Так что же такое шифр?

«Дорогой друг! Твой старый дядя очень доволен твоими успехами в музыке и твоему решению остаться в России еще на один год для дальнейшего усовершенствования. Присланная тобой последняя партитура не представляет особого интереса, т. к. содержит лишь пустые, давно известные мотивы. Для успешного приобретения навыков в музыке дядя советует тебе заводить более обширные знакомства среди музыкантов. Чтобы облегчить тебе учебу, дядя согласился выслать дополнительно некоторую сумму и увеличить ежемесячные переводы...»

Это письмо пришло в 1910 году из Австрии в Россию и адресовано было студенту консерватории. Обычное на первый взгляд письмо. Но, оказывается, «дядя» — это начальник разведки австрийского генштаба, «ноты» — донесения, а «музыканты» — армейские писари. Шифр весьма примитивен, опытный контрразведчик разгадает его без всякого труда, — но все же шифр.

«Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли», — наставлял своих чиновников французский министр иностранных дел Талейран. В этом ему не было равных. Он был министром у Наполеона и продавал секретные сведения Австрии как «Х», а России как «Анна Ивановна», «Кузен Анри» и «Наш юрисконсулт».

Когда появились первые шифры?

Знаменитый древнегреческий историк Плутарх в одной из своих книг пишет, что спартанцы умели с помощью какого-то технического приспособления «писать особым образом, сохраняв тайну». Плутарх не описывает этого приспособления, не приводит ни одного примера шифрованного письма. Поэтому первым исторически достоверным изобретателем шифра считают римского императора Юлия Цезаря. Если нужно было сообщить что-нибудь негласно, он пользовался тайнописью, то есть мешал буквы так, чтобы из них не складывалось ни одного слова. А чтобы разобрать и прочесть их, нужно было читать всякий раз четвертую букву вместо первой, например «Д» вместо «А» и так далее.

В большом ходу шифрованная переписка была в XIV веке в Венеции. Республика вела торговлю с Сирией и Багдадом, Индией и Россией. Эмиссары Сената, ведавшего иностранными дорогами, писали тайные донесения дожу и сенаторам. Тайный секретарь Джованни Саро достиг такого совершенства в чтении шифрован-

ных писем, что читал их просто так, без расшифровки. Обстоятельство это, впрочем, свидетельствовало как о хорошей памяти почтенного венецианца, так и о несложности шифра.

Россия познакомилась с шифрами в XVI веке, в царствование Федора Иоанновича. Ко двору тогда прибыл с Балкан посол Николай Воркач, которому, как свидетельствует летописец, поручено было писать донесение «письмом мудрого азбукой, чтобы опричь Цесарского Величества никто не разумел».

Так впервые Россия познакомилась с дипломатическим шифром. И уже через год русский гонец Иванов посылал царю из Литвы (как тогда называли Польшу) шифрованные донесения.

После избрания на царство Михаила Романова соправителем его стал родной отец, патриарх Филарет. При нем шифровальное дело получило уже государственный размах. «... Августа в 8 день Великий Государь Святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси дал... азбуку и склад затейным письмом думному дьяку Ивану Грязеву написал своею... рукою, для своих государственных и посольских дел; ...государским послон и посланником, а также их агентом писати... затейным письмом, чтоб было... не знатно». Потом слово «затейное» показалось, должно быть, несерьезным применительно к такому важному делу, и в тексте оно везде зачеркнуто, а наверху надписано «закрытое». С тех пор и ведет свое начало термин «закрытая документация».

В царствование Алексея Михайловича шифрованная переписка привилась окончательно. Царь писал «цифирью» даже свои частные письма. Сохранить тайну потщательнее пытались в то время, меняя достаточно часто шифр. Порой это обставлялось забавной таинственностью, вполне в духе «шпионских» повестей и романов. В 1673 году ко двору польского короля Михаила Вишневецкого направили посла Тяпкина. Перед отъездом ему, как обычно, вручили шифр. Однако по дороге в Польшу его нагнал гонец и передал новые знаки тайнописи. Старый же шифр отменялся.

Тайнописью увлекались не только дипломаты. В старинных русских книгах шифром писали часто фамилию владельца. Одна из таких древнейших записей относится к 1551 году:

«а ля тпича некмувти ишапеша лыпа ноноша», — что означало: «а ся книга Петрушки Иванова сына попова». Шифр этот был в большом ходу среди бурсаков — учеников церковных училищ, бурс. Не столько шифр, сколько забава. Все согласные в нем разбивались на две группы: буква из первой группы заменялась соответствующей ей буквой из второй группы и наоборот:

Щ Ш Ч Ц Х Ф Т С Р П
Б В Г Д Ж З К Л М Н

Гораздо серьезнее обстояло дело с «цифирной грамотой». В ней буквы заменялись тоже буквами. А цифирной она называлась потому, что каждая буква в древнеславянской азбуке была еще и числом: «М»=40, «Г»=3, «К»=20 и так далее.

ММННГВМММЛВ ВМБЛ КМЛККС...

Адресат брал в руки гусиное перо и погружался в вычисления. На листе бумаги рос столбик цифр:

ММ=40+40=80=	П
НН=50+50=100=	Р
ГВ=3+2=5=	Е
ММ=40+40=80=	П
МЛ=40+30=70=	О
ВВ=20+20=40=	Д
МЛ=40+30=70=	О
Б =	Б
ЛК=30+20=50=	Н
МЛ=40+30=70=	О
КК=20+20=40=	М
СС=200+200=400=	У...

Петр I писал зашифрованные письма уже по более сложным «рецептам». Тайнописью обозначались уже не только буквы, но и слоги, и даже целые слова. В одном из писем его к Репнину открытый текст перемежается зашифрованными местами:

«Отправил вам несколько 74—86—77—79—95... Кто против этого 165, будет считаться 84—88—ц 90—95—ц—95—96—18—84—96—19—95. Петр».

Первое зашифрованное место означает «зашифрованных писем», второе — «приказ», третье — «изменником и предателем».

Число 21 означало «Б», 22 — «БА», 154 — «П», 155 — «ПА», 111 — «император», 397 — «Польша».

В архивах сохранилась любопытная переписка Петра I с фельдмаршалом Огильви, шведом по происхождению, которому он не очень доверял и приставил для верности своего помощника Аникиту Репнина. Огильви предложил вести переписку с помощью придуманного им шифра. Петр отвечал:

«...Цифирь вашу я принял, но она зело к разбираению легка. Пункт написал к вам другой цифирью через господина Репнина...» (Слово «принял» означало, что шифр доставлен благополучно).

Огильви обиделся: «...никого здесь нет, который бы французское ваше мог разуместь; понеже Рен ключ от того потерял...»

Судя по всему, Петр принял меры:

«Французскою азбукою к вам писали для того, что иной не было. А которую вы перво прислали, и та не годна, понеже так, как простое письмо, честь можно... А и французской ключ послан. А посланы... замешкались за тем, что азбуку переписывали и в пугвицу вдевали».

Посольская канцелярия Петра I и личный его Кабинет были центром зашифрованной переписки. Здесь сочиняли новые шифры, хранились «цифирные азбуки», дьяки-переводчики зашифровывали и расшифровывали корреспонденцию. Петр с удовольствием сам занимался шифровальным делом, нередко сам писал зашифрованные письма и выдумывал знаки. Особенно охотно брал их из тогдашней химической символики, поскольку химия была одним из его увлечений.

Некоторые условные знаки были весьма выразительны. Мазепа изображался символами «топор» и «виселица», адмирал Апраксин — символом «якорь», Дон и донские казаки — рисунком «курень».

Шли годы, усовершенствовались методы шифровки. Старые, ставшие достоянием истории, пополняли список книг по шифровальному делу.

В Московской библиотеке имени Ленина хранится изданная в 1881 году в Вене книга Флейспера «Хандбух дер КRYPTOГРАФИ» — истинный клад шифровальной премудрости того времени. Вот код Наполеона, код Мирабо, шифр русских «нигилистов», знаменитые «решетки», шифр английского канцлера лорда Бэкона, магические фигуры шифра мавров.

Особенно интересны магические фигуры, изобретенные маврами. Фигуры выглядели так:

n	v	e	h	w	p	~~a~~	~~d~~
i	x	s	f	o	k	~~j~~	~~u~~
r	y	c	z	q	t	~~f~~	~~m~~

и запись, зашифрованная такими решетками, приобрела таинственный вид:

□ □ > VA → *чојам*

Изданные тысячными тиражами шифры представляли уже лишь исторический интерес. Однако существовали и такие системы тайнописи, о которых знатоки шифров предпочитали не очень-то распространяться.

Одну из таких систем тайнописи предложил еще в 1466 году итальянский архитектор Альберти. Любопытно, что за основу он взял также достаточно почтенный шифр Юлия Цезаря, однако так его усложнил, что долгое время его шифр считался неподдающимся расшифровке. Но, чтобы понять, зачем понадобилось создавать такую сложную систему тайнописи, разберемся в некоторых закономерностях шифра.

«Бес запятых писать»

Допустим, что шифр с «Магдебурга» не попал бы в руки русских моряков, что тогда? Скорее всего, что шифр был бы все равно разгадан. Ведь и немцы раскрывали английские коды. Потому что шифр, если только им пользовались больше чем один раз и если зашифрованное сообщение не слишком коротко, сам раскрывает свои тайны.

Начать с того, что слова на письме отделяются промежутками, что есть точки и запятые. Что означает, например, эта зашифрованная фраза: 1 2,2 3,4,5,3,4.?

Опытный шифровальщик прочтет ее с первого взгляда: «Я ее люблю».

Не последнюю роль в разгадке шифра этой фразы сыграли и промежутки между словами. Эту их предательскую роль хорошо понимали уже в XVIII веке. В «Инструкции» к шифру князя Голицына, которым князь писал Петру I, говорилось: «Сии слова бес разделения и бес точек и запятых писать. А вместо точек и запятых и разделения речей выписывать... по одному слову из сих». И далее — четыре буквы — «слова».

Во-вторых — статистика, частота употребления букв.

Возьмите любую книгу и посчитайте, сколько раз на тысячу букв приходится та или иная буква. Получится: одни языком любимы, другие — на положении пасынка. Взять букву «Ф». На 9000 букв поэмы «Сказка о царе Салтане» она встре-

чается только три раза — и все три раза в иностранном слове «флот».

Конечно, это не означает, что в каком-то другом тексте, особенно научном, где много иностранных терминов, она не будет встречаться гораздо чаще.

Но законы языка от этого не изменятся. В русском тексте чаще всего повторяется «О» — примерно 112 раз на тысячу букв, затем «А» — 75 раз на тысячу, больше чем по пятьдесят будут попадаться «С», «Н», «И», «Т». Дешифровщик смотрит, какие значки в тексте встречаются наиболее часто и уже по одному этому судит достаточно определенно, какие буквы они скрывают. Немало подсказывает и сам характер текста. Не надо быть гением, чтобы предположить, что в перехваченной радиোগрамме вражеского командования будут в изобилии встречаться термины военной науки и названия боевой техники.

Безжалостно выдают и удвоенные буквы. Для каждого языка в бюро дешифровки составлены перечни слов с такими особенностями. В «Хандбукх дер КRYPTOграфии» добрую половину объема занимают таблицы «предательских» слов. Но главным оружием «охотника за шифрами» остается по-прежнему статистика, частота повторений значков шифра.

История криптографии — это история борьбы дешифровщиков, изощрявшихся в умении обрушить на тайнопись статистические свойства языка, и шифровальщиков, всеми силами уходивших из-под атаки своих противников.

«Заколдованное» слово

А теперь вернемся к шифру Альберти. Он решил бороться с предательской статистикой сразу множеством алфавитов. Шифрующие буквы теперь брались уже не из одного алфавита, а из нескольких.

Этот шифр уже серьезно затруднил работу дешифровщиков.

А девяносто семь лет спустя некто Беласко, соотечественник Альберти, дополнил его шифр так называемым «кодовым словом». Это слово надписывалось над буквами сообщения, которое требовалось зашифровать, а затем шифровка производилась «по Альберти». Вот как, например, зашифровывается кодовым словом «КЕН» сообщение «корабли выйдут в море на рассвете».

КЕННЕНК ЕНКЕНК Е НКЕН КЕ НКЕНКЕНК
КОРАБЛИ ВЫЙДУТ В МОРЕ НА РАССВЕТЕ
БЛЯКНРФ ГРЕЫЩМ Я ГОЖХ РЕ ЯКЯЧНЗСЩ
(Нижняя строка — шифровка «по Альберти».)

Да, это уже шифр! В нем одной и той же буквой шифруются совершенно различные буквы! Теперь-то уж, наверно, никакому дешифровщику не догадаться, что содержится в хитросплетении беспорядочно нанизанных букв!

Действительно, шифр кажется нераскрываемым. Но это только на первый взгляд. И хотя он почти триста лет сопротивлялся любым попыткам найти для него метод дешифровки, в 1863 году один отставной немецкий майор-пехотинец все-таки предложил общий прием для раскрытия шифров подобного рода. Он рассуждал так. В достаточно длинном тексте неизбежно найдутся одни и те же сочетания букв, которые будут зашифрованы одними и теми же буквами. А поскольку число букв кодового слова ограничено — эти «особые места» будут повторяться достаточно часто. Настолько часто, что даже в коротеньком сообщении, которое мы только что зашифровали, оно уже встретилось: «ЯК». Где-то «особое место» повторится еще раз, а расстояние между одинаковыми местами есть результат перемножения двух чисел: числа букв в кодовом слове и числа повторений кодового слова между одинаковыми «особыми местами».

А как только стало известно количество букв кодового слова — все остальное происходит уже по заранее отработанной схеме. Без труда восстанавливается порядок букв в шифрующей алфавитах — и шифр раскрывается, как хорошо смазанный замок.

Итак, статистика снова восторжествовала. Кто предал шифр? Кодовое слово, вернее, его повторение. Устраните эту особенность шифра — и он станет в тысячи раз труднее.

Стоит только взять вместо кодового слова страницу какого-нибудь романа, словаря или статистического справочника — и код станет практически нераскрываем.

Единственное условие: принимающий должен знать, какая страница взята для шифра и из какой книги.

Многие, наверно, помнят фильм «Кто вы, доктор Зорге?» и ту сцену, когда японский контрразведчик обращает внимание на странное совпадение: у всех арестованных членов группы Зорге среди книг находится один и тот же немецкий статистический справочник.

Несколько лет подряд передавал Макс Клаузен, радист Зорге, зашифрованные этим справочником радиogramмы. За 1939 год в эфир ушло больше 23 тысяч слов, в 1940 — почти 30 тысяч. Японцы понимали, что вместе с пятизначными цифрами кода за рубеж уходила какая-то ценная информация. Но какая — об этом они могли только гадать.

Конечно, когда разведчик был арестован, таинственные радиogramмы с помощью справочника расшифровались без труда, но тогда, когда это было уже безнадежно поздно.

К сожалению, метод «кодовой страницы» требует много времени даже для шифровки сравнительно короткого сообщения. А в дипломатической переписке приходится передавать по телеграфу или по радио длинные ноты и меморандумы. Шифровка и расшифровка по этому методу занимала бы чудовищно много времени. Вот почему уже после первой мировой войны в ход пошли механические методы шифровки.

Появились автоматические шифровальные машинки Клюбера, Уитстона, Зоммерфельдта и других. Кропотливую ручную выборку букв, тщательное сопоставление алфавита они заменили стремительным вращением шифровальных колес и стуком клавиш аппарата.

Эти колеса и были тем главным, что позволило заменить буквы алфавита скользящими электрическими контактами. Каждая буква «открытого» алфавита была «привязана» к своему контакту, соединенному проводом с контактом другого ряда, причем соединения эти производились самым беспорядочным образом. Единственное, что требовалось — это, чтобы соединения передающих и приемных дисков были одинаковыми. После того, как одна из букв передана, одно или несколько колес поворачиваются на определенный заранее заданный угол. Образуется новая сеть соединений и следующая буква шифруется уже новой кодовой комбинацией. Восемь дисков образуют сеть достаточно для передачи более 200 миллиардов знаков! — и код не повторится.

Итак, нераскрываемый код? Нет!

Представьте себе, что вы перехватили длинный шифрованный текст, предназначенный посольству иностранной державы, а назавтра получили текст ноты, врученный послом этой державы правительству, при котором он аккредитован. Логично предположить, что в шифровке содержался текст ноты. Такую методику предложил в 1920 году американец Фридман. А в 1940 году

он вместе с группой сотрудников доказал справедливость своей теории на деле, раскрыв японский военный шифр. Это существенно облегчило задачи американских подводных лодок, действовавших в Тихом океане.

А перед советскими дешифровщиками не устоял четырехдисковый шифр немецкой армии — он был раскрыт во время Великой Отечественной войны.

Но шифры оказались удобными не только для дипломатов и военных. Биржевые новости лихорадили маклеров Нью-Йорка и Парижа, Лондона и Марселя, Берлина и Одессы. «Время — деньги!» — эта американская поговорка подстегивала неповоротливый телеграф. Медленно, буква за буквой выползали из телеграфных аппаратов слова, несущие одним миллионы, другим — банкротство и пулю в лоб. В 1872 году в Англии был изобретен первый в мире коммерческий шифр, в десятки, если не в сотни раз ускоривший передачу телеграмм. Одно слово заменяло в нем целое сообщение. Коды множилось, как грибы после дождя. Код Штаудта и Гундиуса, Маркони, код Бентлей, код АВС, код Зебра, Коммершель, Универсаль, Блиц, Рудольф Моссе, Скотт, Ваткинс, Петерсен, Мейер, Боекод — пухлые книги с телеграммами, стандартными текстами на все случаи жизни. В 1908 году император российский, смертельно боявшийся революции и всяческих таинственных телеграмм, был вынужден разрешить коммерческий код в России. И вот уже летят по проводам странные, бессмысленные на первый взгляд сочетания, жадно листаются книги «Руткода» — «кода для всех», как рекламировали его издатели.

БИЛИБ ТРИСТА ПУНКТОВ БИЛНЕ НОФГА 70 000 — «Если акции упадут до трехсот пунктов, приобретите акции Московского учетного банка на сумму 70 000 рублей», — телеграфировал откуда-нибудь из Самары местный хлебопромышленник. Шла большая игра — в приволжских губерниях свирепствовал голод. **ДОПАЛ** — «Выезжаю в голодающие губернии» — летела вдогонку новая телеграмма.

Ах, вы, составители Руткода, заботливые вы люди, все-то у вас предусмотрено: пожары, наводнения, десяток телеграмм о голоде и голодающих губерниях — бысть им от века и до века! — телеграммы на случай внезапной ревизии и облегченное: «Внезапная ревизия ничего не обнаружила».

СООБЩИТЕ НАСТРОЕНИЕ НА БИРЖЕ. КУПИТЕ КАК МОЖНО БОЛЬШЕ... (вместо точек поставить нужное). **ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ... БУДЕТ НАСТАИВАТЬ? ЕСЛИ... БУДЕТ НАСТАИВАТЬ, НЕ УСТУПАЙТЕ. НАСТРОЕНИЕ НА БИРЖЕ ГРАНИЧИТ С ПАНИКОЙ.**

...Выстрел, от которого задрожали зеркальные стекла особняков Петрограда, в долю секунды покончил и с хлопотами маклеров и акционеров.

«Ветла пула»

На смену коммерческим шифрам пришли служебные. Представьте, что где-то на линии Москва — Свердловск произошел обрыв проводов. Телефонная связь нарушена, и тогда в Свердловск из Москвы кружным путем придет лаконичное: **ВЕТЛА ПУЛА** — расшифровываются эти два слова так: «Откройте дополнительную связь по радио. Сообщите о принятых мерах восстановления линий связи на участке... Объем разрушений, количестве занятых на восстановлении людей, транспорта, требуемой помощи, ожидаемое время восстановления».

Небольшая книжка в серой обложке: «Телеграфный код «СВЯЗЬ» служебной телеграфной переписке предприятий и учреждений Министерства связи СССР». Здесь запросы и ответы чуть ли не на все случаи жизни: обслуживание линий связи, фототелеграф, переводы, повреждения линий, междугородный телефон, авиапочта и многое другое. Короткие пятибуквенные слова (междугородное соглашение обязывает все шифры — а телеграфный код относится к шифрам — передавать в виде пятибуквенных «групп») во много раз ускоряют служебную переписку, почти не загружая линий. Что, например, обозначает сообщение «КАЛАЧ 736—07—03—68»? «Проверьте и сообщите серию художественного бланка, на котором должна быть вручена адресату телеграмма № 736 от 07.03.68 г. В полученной телеграмме в серии буква не соответствует цифре».

Может быть, следовало бы и в быту вернуться к некоторым главам «Руткода», изменив их сообразно новым обстоятельствам? Ведь, скажем, поздравительные телеграммы, телеграммы типа «Встречайте...» и многие другие по тексту

стандартны. Немало сократился бы объем передачи по линиям, переведи телеграф самые распространенные житейские фразы и обороты в код.

Служба погоды втискивает в коротенькие телеграммы бездну информации. Кодовые книги метеорологов — увесистые тома в сотни страниц, тысячи условных обозначений. Штурман теплохода, идущего к Ленинграду, принимает метеосводку:

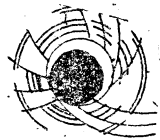
845 — 1—6—02—7—6—4—49—5—1—6—132—24 — «Сообщает метеостанция Ленинграда. Состояние облачности: кучевые облака нижнего яруса, высококучевые облака высокого яруса с растекающимися вершинами. Облачность велика, видимость 10—20 километров, нижняя граница облаков 1200—1400 метров. Облаками нижнего яруса покрыто $\frac{4}{10}$ — $\frac{9}{10}$ неба. Порывистый сильный ветер с юга, свежий, 5 баллов, 7,5—9,8 метров в секунду. Со времени предыдущего наблюдения — переменная облачность. Общее количество облаков — $\frac{9}{10}$ неба. Давление 1013,2 миллибар (760 мм рт. ст.), температура воздуха +24°С. Много? А ведь это одно из самых коротеньких сообщений.

Банковские работники чуть ли не наизусть помнят тонкую книжку банковского кода. Но этот код, даже в расшифрованном виде, мало кому понятен из непосвященных людей: банковские термины сродни самому сложному шифру...

А радиоволны несут через океан и континенты странные сочетания букв: «best 73QSL» Радиолобитель откуда-нибудь с Огненной Земли шлет привет и поздравление своему коллеге, скажем, из тихого среднерусского городка и просит прислать карточку-квитанцию в подтверждение связи.

Шифры, шифры, шифры... От дипломатов и разведчиков они перешли в руки связистов, бухгалтеров, метеорологов. И это направление древней тайнописи, уходящей своими корнями чуть ли не ко времени Геродота, прямо противоположно словам русского историка П. А. Лавровского: «Тайнописание является плодом возникшего и установившегося уже недоверия к себе подобным...»

Рисунки Ю. Ефилова

Л Е Т А Т Ь

дин из листов дела № 115, хранящегося в фонде № 156 Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области. Выцветшая писарская вязь...

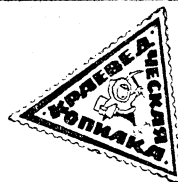
«...На допросе Мелес показал: «К летанию способ сделать намерен... отсель из Тобольска улететь прямо в Малороссию, в местечко называемое Золотоноша и в другие к тому ближние места, а оттуда хотел объявиться в царствующем граде Москве и в прочих великороссийских городах и так мог бы скоро пролететь из Тобольска до Малороссии, ежели бы способный ветер последовал, через один день, а не более...»

Авиатор в древнем Тобольске?! Кто такой? Почему мы ничего не знаем о нем?

Этой истории свыше двухсот лет. В 1749 году Федор Мелес был пострижен в иночество при Софийском монастыре. Святые отцы заметили у способного юноши пылкий ум, и Мелес был определен в Московскую академию для обучения «школьной латинской науке». Через год ему дали чин иеромонаха и послали в Голштинию «во дворец государев и был он в оном года с три». Здесь Федор Мелес изменил взгляды на религию и самовольно снял с себя монашескую рясу. Это было уже слишком, такое не прощали. И, как ни доказывал Мелес, что монашество дело добровольное, власти обвинили его во всех тяжких грехах. А затем...

«По указу ея императорского величества, святейший правительствующий Синод приказал: бывшего в Голштинии, в городе Киле, при состоящей тамо православной церкви для исправления божественного священнослужения по отправлению в 1754 году из святейшего правительствующего Синода иеромонаха Феофилакта Мелеса, рождением Малороссийского Переяславского полку местечка Золотоноши мещанского сына... с себя монашеский чин сверзшего и во иеромонашестве более быть не желающего и в том упрямстве и в непокорении состоящего... Яко уже простого мирянина и нарекиши ему прежнее его мирское

ДЕРЗНУВШИЙ

именование Федором для неисходного и крепчайшего в монастырских черных работах содержания послать сковано под караулом в Успенский Далматов монастырь, в коем и содержать его, Мелеса, под крепчайшим присмотром и караулом, чтоб он утечки и никаких непристойностей и дерзостей не чинил.

Так Федор Мелес оказался в зауральском Далматовском монастыре, что около города Шадринска.

Но и там Синод не оставил вниманием своего блудного сына и часто запрашивал сибирского митрополита о Мелесе. Ответ всегда был одинаков: «в своем упрямстве ожесточен». Как только ни издевались над Мелесом: нещадно били плетью, бросали в сырые подвалы, перегоняли из одного монастыря в другой, но Федор был непреклонен, религию так и не признавал. «Тобольскую духовную консисторию и Сибирской губернской канцелярии присутствующих называл ворами, изменниками государевыми и произносил о Синоде непристойные речи...»

Несколько раз он убежал из-под караула, но был схвачен, забит в колодки, снова и снова брошен в монастырскую тюрьму.

В 1762 году Мелес оказался в Тобольске. Здесь-то и возникла у него мысль о полетах с помощью крыльев. Он так увлекся своей идеей, что даже решился сказать о ней сибирскому губернатору Соймонову. Слушать колодника, конечно, никто не стал. И тогда Федор решился на отчаянный шаг.

17 февраля, в два часа ночи, когда заснула стража, Мелес разбил ножные кандалы и бежал. С собой он захватил нож и шесть хлебных мешков, вместо холста, для изготовления крыльев.

«Пришед к состоящей при доме митрополитчьем колокольне и имевшуюся у одного колокола привязанную варовинную веревку обрезал и под ле тоя колокольни чрез оградную стену перелез...»

К рассвету добрался Мелес до островка на реке Тоболе, «на котором состоят таловые кусты и в тех кустах будучи двое сутки, делал себе для

летания из унесенных мешков крылья, которые сделав и за позноблением у себя рук (ибо огня при себе не имел), в тех кустах оставил и не стерпя де того зимнего мороза, принужден из оных кустов выйтить для объявления тех к способу летания зделанных крыльев».

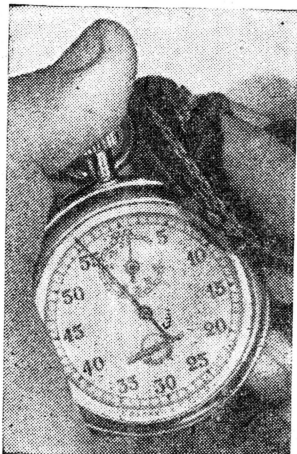
20 февраля Мелес пришел к губернатору Соймонову и рассказал ему обо всем. Соймонов приказал схватить изобретателя и отправить в Тобольскую духовную консисторию.

Больше месяца длился допрос с пристрастием. Дотошные судьи спрашивали Федора: кто научил его такому способу летания, где бы он ночевал и питался во время полетов? На это Федор Мелес отвечал: «зделанный им к летанию способ кому будет он показывать, и за то видящие имеют его Мелеса охотно принимать и как ночлегом, так и пищею во всем не оставлять, ко оному летанию такую практику знающих, и летающих других никого нигде не видал и не знает и ни от кого не слышал, а оный к летанию способ употребить вознамерился он Мелес со своего рассуждения по науке философической».

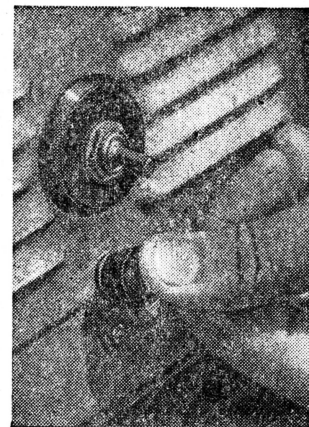
25 апреля 1762 года митрополит Павел вынес приговор, что если Мелес в церковь ходить не хочет, «а когда бывал и то как бездушный идол и окаменный стоял», потому, к нему «праздному дьявол приступил, как к своему существу рабу и показал ему безумный способ к летанию, которому он и поверил, а бога, сотворившего всех человеков, оставил, и дабы впредь до конца не мог бы погибнуть, в наставление дать его честному иеромонаху Авраамиию с приставом добрым, которому в дневное время работу исправлять черную с принуждением, в случае же непокорения принуждать как лошадь ленивую, а за содеянное безумие по прельщению и порабощению дьявольскому в пяток всякия недели по сорок ударов плетью или лозами отчитывать ему, вместо поклонений земных, которых он нести не охотник».

Так закончилась история первого «воздухоплователя» Сибири.

Д. ТКАЛИЧ

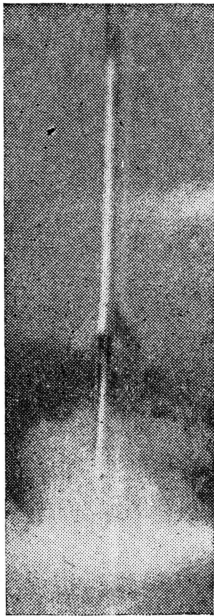
ТРИ...
ДВА...

ОДИН... ПУСК!

огда появились первые юные авиамodelисты, это означало, что авиации обеспечена победа. А в прошлом году в Черниго-

ве состоялись первые всесоюзные соревнования юных ракетомodelистов. В соревнованиях участвовали сборные республиканские команды и команды четырех городов: Гагарина, Калуги — родины Циолковского, Коропа — родины Кибальчича, создавшего схему реактивного летательного аппарата, и Житомирской области — родины конструктора Королева.

Мodelисты готовились к старту в республиканском лагере юных техников под Черниговом. Не все знали заранее условия соревнований, поэтому некоторым ребятам пришлось срочно исправлять установку дистанционного электростарта, оформлять чертежи. И тут соперники приходили друг другу на помощь. Очень хочется победить, занять лучшее место, получить приз, но чувство товарищества дороже всего.

Каждый из modelистов знает, как иногда трудно достать материал.

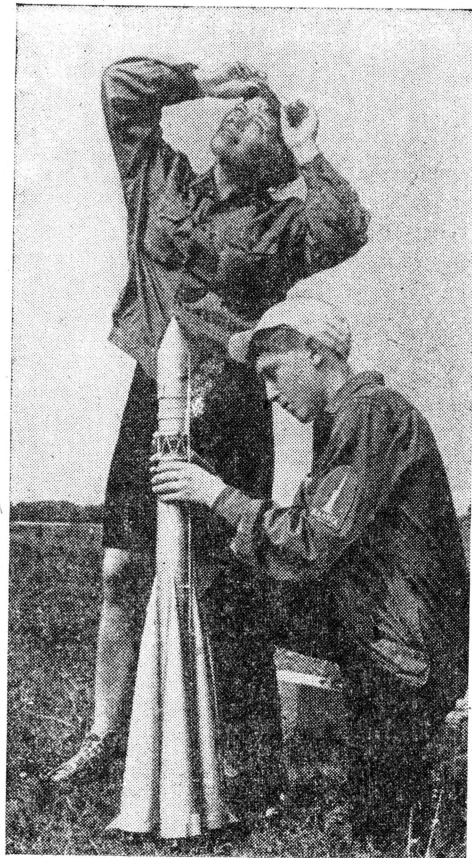
Вот и коропчанам срочно понадобилась плотная

фольга. Долго и безуспешно искали ее в магазинах. А потом кто-то из ребят вспомнил, что есть шоколад, который оборачивают именно в такую фольгу. И тогда в коропских кондитерских заметно поубавилось сладкого товара.

Задач приходилось решать много. Калужане долго не могли для ракетоплана подобрать крыло. Известно, что чем шире крылья, тем дольше продержится модель в воздухе. Но зато широкие крылья замедляют взлет. Пробовали прямоугольные, дельтовидные, с разными закруглениями. Остановились на стреловидных. Выбрали угол. Но когда ракетоплан построили, оказалось, что стреловидные крылья помогают ему набрать высоту лишь в самом начале старта, а потом он теряет устойчивость. Тогда ребята использовали идею, к которой пришли еще раньше взрослые конструкторы — изменяющееся крыло.

На соревнованиях подтвердилось, что именно вдумчивость, смекалка, поиск определяют успех.

Победителем стал самый юный участник состязаний десятилетний Сережа Афонин. Первое и второе место заняли команды Московской области и города Москвы.

И. РОСОХОВАТСКИЙ

Фото В. ТКАЧЕНКО

ВЕТЕР С КОС — АРАЛА

Рассказ

Валентин ЗОРИН

Рисунки Н. Мооса

Тяжелая резная дверь главного входа в Адмиралтейство отворилась бесшумно и вкрадчиво. Она как бы рассекла мир надвое — засыпанный снегом офицер шагнул из вьюги и мертвенного холода Петербурга декабря 1850 года в тепло и тишину пахнущего воском вестибюля. И таким резким, неожиданным был этот переход, что офицер на миг прикрыл глаза ладонью и замер.

Но благообразный, с подусниками и множеством медалей швейцар уже вежливо покашливал рядом, уже мягко шагнул по лестнице дежурный штабс-капитан с выпущками морского ведомства на мундире. Штабс-капитан придерживал черный длинный палаш и улыбался с предупредительной готовностью. Пришедший сбросил шинель, снял треуголку, привычным жестом пригладил редкие волосы. Застыв-

шее на морозе лицо начинало гореть. Офицер выпрямился, слегка откинул голову.

— Капитан-лейтенант Бутаков? — полувопросительно, полуутверждающе щелкнул каблуками штабс-капитан и, получив утвердительный ответ, чуть наклонив напوماженный, аккуратно зачесанный тупей в сторону лестницы. И капитан-лейтенант Бутаков пошел вслед за ним, норовя глядя на танцующие задники лакированных сапог дежурного офицера, на его ловкую, перехваченную в талии, как виолончель, спину. Что-то барственно снисходительное и одновременно приниженное было в этой спине.

Беззвучно раздвигались портьеры, беззвучными были шаги по коврам. Все было таинственно, величаво, вкрадчиво-мягко. И казалось, что только от этой мягкости и торжественности молчат мраморные скульптуры великих флотоводцев.

Бутаков задел за край ковра, на мгновение смешался, подметив насмешливый поворот головы штабс-капитана. Но тут же внутренне усмехнулся. Ему ли, мореходу и исследователю, обращать внимание на паркетных шаркунов!

— Джаксы! — сказал Бутаков и с легким, почти мальчишеским злорадством отметил, как вздрогнул штабс-капитан, как остановился и, обернувшись, искривил тонкие губы.

— Вы изволили... — начал он, вероятно, полагая, что только по нелепой случайности не понял сказанного. Бутаков, как бы извиняюще, повел подбородком.

— Не извольте беспокоиться. Это я про себя... по-киргизски.

Ах, как все понятно и просто было на Арале! И слова, и поступки, главное — поступки. Они означали только то, что должны были означать. Мужество было мужеством, а трусость — только трусостью. И не нужно было натягивать на лицо маску придворной учтивости...

Да, крепкой и надежной была шестнадцатиметровая шхуна «Константин», надежным, хорошо знающим свое дело — экипаж: двадцать семь офицеров и нижних чинов. Поскрипывал на зубах песок, ветер нагонял желтое марево, и медленно, словно нехотя, несла свои воды мутная и древняя Сыр-Дарья. В укреплении Раим частокол был старым, серым от пыли и зноя, глинобитные кибитки чадили кизяком, блеяли овцы с тяжелыми курдюками. И ушастые войлочные шляпы киргизов были такие же серые и шершавые, как комки пересохшей глины.

Тридцатого июля 1848 года шхуна «Константин» вышла в Аральское море для проведения первой подробной картографической съемки, для промера глубин и определения широт. Негромко скрипела обшивка, и шуршали, шуршали низкие пологие волны о крутой форштевень судна. В командирской каютке пахло табаком, смолой и морской солью. Покачивалась над столом лампа, укрепленная в медном кольце, бросала на дерево короткие веселые отблески начищенного металла. Каютка была гулкой, как барабан, она вбирала в себя все судовые шумы, звуки, голоса. Вот на баке прозвенели склянки, четыре двойных удара. Вот зашлепали босые ноги матросов, ударила струя воды, зачавкал насос... Из-за легкой, но неравномерной качки писать было трудно, но Бутаков писал ежедневно — дневник дол-

жен был стать своеобразным зеркалом этого плавания, а письма родителям складывались в стопку. До возвращения в Раим. Письма тоже были дневником.

«...Двадцатого июля я спустил свою посудину, а двадцать пятого отправился из Раима, подняв свой брейд-вымпел на шхуне «Константин», вниз по матушке Сыру-реке. Кроме меня и моего помощника Поспелова, у меня еще один офицер Генерального штаба Макшеев, движимый любознательностью, которого укачивает насмерть, и офицер-топограф для съемки...

...Я обрыскал все Аральское море, нашел богатейший пласт каменного угля, нашел в середине целую группу островов (состоящую из трех), из которых наибольший (остров Возрождения) занимает пространство около 200 квадратных верст, если не больше — словом, он более многих лилипутов-государств Германии. На острове еще никогда не бывала челове-

ческая нога, и он представляет все элементы блаженства киргизов: покрыт лесом и имеет свежую воду в копанях. А для нас, славян, питавшихся солониной месяца полтора до открытия, он имеет еще прелесть: тьма сайгаков, рода диких коз, которых мясо чрезвычайно вкусно...

...На острове этом две чудеснейших бухты, но промерить мне их не удалось, потому что ветры, пока делалась съемка берегов, были прескверные, и я все время стоял на обоих якорях. Остальные острова меньше. На всех их видны во множестве лисьи норы, и один из матросов, ходивших на съемку, уверял, что видел волка...»

В дверь каюты стукнули: раз-два.

— Прошу! — Бутаков оторвался от письма и кивнул высокому лысеющему прапорщику, перешагнувшему окованный медью комингс.

— Алексей Иванович, я по вопросу конфиденциальному...

— Всенепременнейше прошу, Константин Евгеньевич! Садитесь, садитесь!

Голос Бутакова звучал весело — утро выдалось на редкость прозрачное и нежаркое, в распахнутый иллюминатор то и дело врывались порывы свежего ветерка. Прапорщик, закряхтев, грузно уселся на прикрепленный к настилу табурет, снял и положил на колено белую фуражку. Табачного цвета глаза прапорщика сощурились, словно он пытался разгадать: действительно ли командир экспедиции так радушно настроен или это всего-навсего уловка?

— Я о Шевченке, Алексей Иванович... О рядовом Шевченке.

— Не пойму что-то...

— Чего же не понять, Алексей Иванович... Плаванью нашему скоро два месяца, оно подходит к благоприятному исходу. И не будет ли вашего соизволения на некоторое сокращение привилегий вышеупомянутого рядового, то есть нижнего чина?

Прапорщик явственно нажал на слова «нижнего чина», и командир экспедиции чуть удивленно приподнял брови.

— Туманно изъясняетесь, господин прапорщик. Убей бог...

— Ну, как же! — прапорщик прижал фуражку к груди. — В доброту и расположении вашем никто не сможет усомниться — вы рядового Шевченко из Орска вывели, включили в экспедицию и даже, низким его положением пренебрегши, в офицерской каюте поселить изволили...

— Дальше, — построжавшим тоном произнес Бутаков.

— А дальше... в обход волеизлияния государя-императора Шевченко начал писать, рисовать и даже пользоваться партикулярным платьем.

— Рядовой Шевченко был вытребован мной в экспедицию специально для зарисовки берегов аральских, — уже совсем сурово сказал Бутаков. — Не вижу причин для вашего беспокойства... Больше того, намерен хлопотать о производстве художника и поэта в унтер-офицеры.

— Как бы мягкость ваша, Алексей Иванович...

— Прошу простить меня, но я не расположен вести разговор об этом...

— Алексей Иванович, полагая о благе вашем...

— Константин Евгеньевич, в соответствии с оговоренными нами еще на берегу работами... распорядитесь покрыть тиром запасной рей и заново прошпаклевать шлюпку. Попрошу выполнить немедленно!

— Есть!

Прапорщик встал, фуражка вздрагивала в его руке. Потом он выпрямился и словно даже щелкнул каблуками. Впрочем, возможно, это только так показалось. Бутаков долгим взглядом проводил помощника и снова склонился над записями.

«...С трудом можно поверить, что северо-восточные и северо-западные ветры дуют здесь с самого начала апреля. Судите о приятности и выгоде лавировки на плоскодонном судне при вечной зыби. Волнение здесь всегда сильнее ветра и развивается сразу: ровных, умеренных ветров в нынешнюю навигацию я почти не имел, а обыкновенно — или штиль, или черт с цепи срывается. Чтобы извлечь из Арал-Тангыза какую-нибудь пользу, необходимы пароходы...

...Аральское море — стакан воды, довольно глубокий: у западного берега, в полумиле или в $\frac{3}{4}$ мили от земли, глубина доходила до 37 сажен. Оно, по-видимому, идет котлом к западному берегу, потому что в середине, когда я проходил через все море по диагонали, от юго-восточной части к северо-западной, глубина не превышала 15 сажен. Западный берег вышину в 300 фут. Он тянется почти прямою чертой с небольшими изгибами. На всем его протяжении нет ни одной бухточки, укрытой от всех ветров.

Рыба здешняя — осетры и сомы. Га-

вань, где будет зимовать моя флотилия, в устье Сыра, там же, где стан рыбопромышленников, вследствие чего у нас осетрины по уши...»

Хорошо и просто было на Арале! Здесь, в Петербурге, в дворцовых коридорах и залах не дуют ветры, но то и дело кажется, что не хватает воздуха...

Вот за поворотом коврового коридора открылось ущелье приемной морского министра — золотистый штоф обивки стен, бронза бра и тяжелый бархат портьер. Из-за налипшего снаружи на стекла снега все это великолепие словно плавало в белесом свете. Сопровождавший Бутакова штабс-капитан исчез, а навстречу капитан-лейтенанту поднял брыластое лицо генерал по морскому ведомству. Генерал возил обшлагами расшитого золотом мундира по столу и сопел. Глаза его смотрели с равнодушной сонливостью.

Отчеканив, насколько это было возможно на ворсе ковра, предписанные уставом три шага, Бутаков бросил руки по швам.

— По распоряжению начальника Морского штаба его сиятельства адмирала князя Меншикова капитан-лейтенант Бутаков!

— Капитан-лейтенант Бутаков, тэк-с... — проскрипел генерал, морщась, как от изжоги, и перебросил несколько листов бумаги у себя на столе. — Ведомо ли вам, капитан-лейтенант, чем вызвано распоряжение светлейшего князя? Что-с?

— Имею честь надеяться, что связано оно с исследованием Аральского моря, законченным возглавляемой мной экспедицией, — ответил Бутаков, с нетерпением ожидая, когда же наконец дежурный генерал закончит перелистывать свои бумаги и доложит начальнику штаба о его, главы аральской экспедиции, прибытии.

Иначе и быть не могло — завершено большое, такое нужное для России дело! С 1731 года велись попытки картографировать аральское побережье. Скучно снабженные, малолюдные экспедиции мерзли под ледяными свирепыми ветра-

ми, голодали, болели, отстреливались от предприимчивых хивинцев. И прапорщик Муравин, и полковник Берг, и другие внесли немало нового в опись Арала. Но все это было отрывочно, не всегда точно. И вот, наконец, для русского человека не осталось тайн на этой выжженной солнцем земле, на этом то синем, то седом просторе. Труд завершен, и, пожалуй, не сыщется такого человека, который усомнился бы в великой пользе его.

Но генерал не спешил. Он сопел и покашливал, шелестел листками. И покрытые рыжими веснушками руки генерала были как бы продолжением россыпи писарских почерков, бурых пятен от сургуча. Что-то затаенное и недоброе рисовалось за непрерывными и словно крадущимися движениями этих толстых пальцев. И капитан-лейтенант вспомнил, что точно так же неторопливо колыхались верхушки бурого тростника во время тигровой охоты в устье Сыр-Дарьи. Вспомнились строки, которые он писал родителям с песчаных и ветреных берегов.

«...Покуда, так как на берегу помещения для команды еще не готово, все мы живем на шуне, и я не спускаю своего брейд-вымпела, который здесь равняется флагу полного адмирала. Зиму я проживу здесь, на острове Кос-Арал, в весьма небольшом доме, сооруженном среди маленькой крепостцы с 4 орудиями, что достаточно для удержания в решпекте всей хивинской армии. Зимой мне бы очень хотелось выучиться по-татарски — это общий язык киргизов и башкиров, только с небольшими изменениями, но не знаю, удастся ли...

6 октября спустил я свой брейд-вымпел и присоединил к своему титулу звание главного командира Кос-Аральского порта. У нас здесь милое соседство: недавно, по рассказам киргизов, появилась на нашем острове тигрица с двумя прехорошенькими детками; я видел на глине свежий след ее — намек славянам не прогуливаться в приятных мечтаниях при лунном свете...

...След зверя несколько раз выходил на самое побережье, но потом круто пошел влево, через глинистый солонец. Мы тоже поворотили влево; вдруг на другом фланге облавы раздались выстрелы... Джульбарс показался из камыша и приопустился на передние лапы, чтобы прыгнуть...»

Генерал медленно поднялся и раззолоченной глыбой навис над столом.

— Вы ошибаетесь, капитан-лейтенант!

— Не понимаю, ваше превосходительство...

— Потрудитесь не перебивать! До высочайшего сведения дошло, что по небрежению вашему рядовой Шевченко вел с некоторыми лицами переписку, рисовал и иногда ходил в партикулярном платье, сиречь самими вами допущен был к недозволенным ему действиям. Имея в виду высочайшую волю, господин министр и светлейший князь делают вам строжайший выговор. О чем и имею честь довести до вашего сведения! Вы свободны!

В какой-то миг Бутаков шагнул вперед, вздернул подбородок, намереваясь ответить дерзко и прямо; в какой-то миг мучительно колющее ощущение обиды и несправедливости стиснуло ему горло... Вслед за тем он выпрямился, по-уставному повернулся и зашагал к лестнице.

Снег кружился, бил в лицо тысячами крохотных иголок. Липы Александровского сада под снегом выглядели фантастическими, застывшими в волшебном сне существами. Но в разрыве между туч небо слегка розовело. И показалось, что не в Петербурге это, а на Кос-Арале, в самом конце зимовки,—сейчас вот потянет теплым и каким-то желтоватым ветром, принесет дыхание расплавленных солнцем снегов. И начнется весна.

Бутаков шел по Большой Морской, не замечая толпы, мчащихся саней и серых домов, нависших над головой.

Он еще не знал, не мог знать, что пройдут годы и опубликование первой карты Аральского моря принесет ему широкую известность и славу, что двенадцать лет спустя по Аралу пойдет первый пароход, доставленный в Казалинск, что по предложению Гумбольдта он будет избран почетным членом Берлинского географического общества, а в Лондоне ему присудят медаль «за то, что адмирал Бутаков первый спустил корабли и учредил плаванье на Аральском море». Что, наконец, мыс на открытом им острове получит его имя...

Все это будет потом, позже, придет вместе со старостью и адмиральским чином. А пока капитан-лейтенант Алексей Иванович Бутаков шел по Большой Морской, и снег бил ему в лицо, как совсем недавно, в начале зимовки на Кос-Арале.

Поэтические маршруты

Геннадий СУЗДАЛЕВ

Мне не уйти...

Все суета. Все срочные дела.
Все для работы суток не хватает.
Мне не уйти, наверно, от села,
где синий дым над отчим домом тает.
И я вернусь. Я все равно вернусь.
Пусть даже в отпуск. Просто на неделю.
Опять по горло в память окунусь,
опять в доспехи сельские оденусь.
И буду жадно собирать грибы,
и медных карасей в затонах удить.
Плеснется небо — голубая быль,
ни края, ни конца ему не будет.
Остынут щи и зачерствеет хлеб,
и будет ждать постель меня напрасно...
Туман стелиться будет по земле,
луна присядет отдохнуть на прясло.
Опять с волнением буду ждать рассвет,
в котором тихо растворятся тени...
И будет мне опять семнадцать лет,
И прошлое присядет на колени.
Оглухнут птицы. Замолчит листва.
Я в день войду, как в голубое детство.
Вздохну легко и хлынут вдруг слова,
слова,
от них мне никуда не деться.

Деревянные журавли

От колодцев,
от синих околиц,
от насиженной доброй земли,
от седых деревенских приколов
улетают мои журавли.

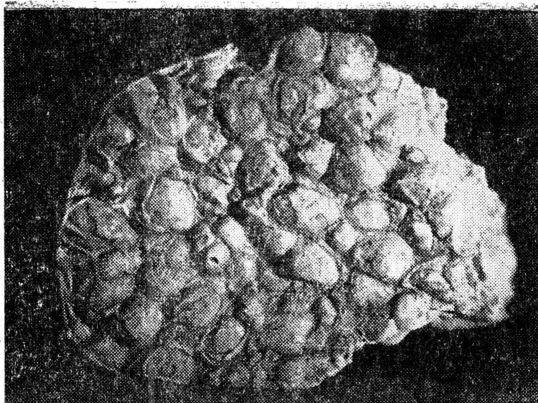
Журавли —
деревянные птицы,
надо мной замыкают круги...
Я к бадье припаду, чтоб напиться,
и почувствую свежесть в груди.

И опять никуда мне не деться
от плетней и недолгих обид,
от святого польнного детства,
где петух свою зорьку трубит.

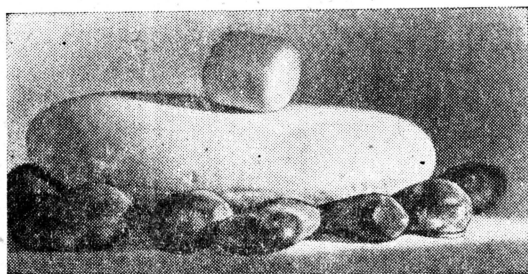
Где-то бродит босая девчонка
много лет по окраине дня.
Любит мужа.
О детях печется,
мои давние письма храня.

Журавли —
деревянные птицы.
Тонут крики в огнях поездов...
Мне к бадье бы припасть
и напиться
той воды из далеких годов.

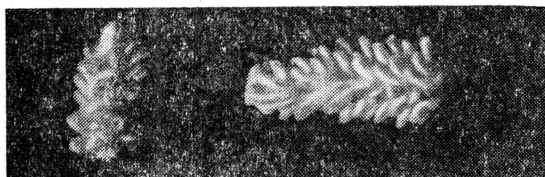
СОКРОВИЩ- НИЦА ДИКОВИН

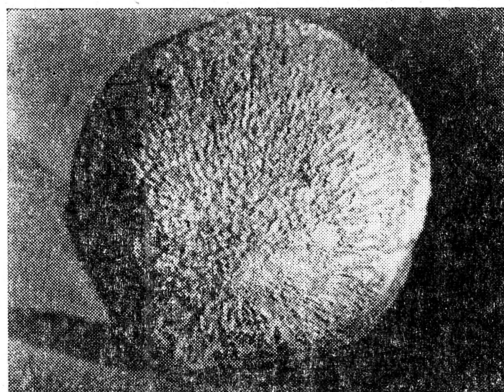
Ракушечник. Найден в Туркменской ССР, кишлак Кель-Ата.

Черноморье. Морская галька.

Куба. Кораллы.

Змеевик. Поднят в окрестностях Миасса.

Б

ывает же такое: годами, десятилетиями живешь рядом с каким-нибудь примечательным явлением и даже не подозреваешь об этом. Так случилось и со мной. Миасский горный техникум я знал лет тридцать с гаком, чуть ли не с первых дней его существования. Было много знакомых среди преподавателей и учащихся. Жил рядом и вдали от него, теперь живу окнами в окна, через улицу...

И вот — случай. В Миасс приехал съемочный коллектив фильма «Журналист» под руководством народного артиста СССР С. А. Герасимова. В один из последних дней пребывания в нашем городе работники кино узнали, что наискось от гостиницы, в здании горного техникума есть музей.

Пошли. Осмотрели. А потом Сергей Апполонарьевич Герасимов долго горевал: «Как же так? Сколько времени зря пропало. Изнывали от скуки в плохую погоду, а в двух шагах находилась такая сокровищница каменных цветов! Здесь днями можно ходить, смотреть и постигать богатства недр земных...»

Тогда и меня разобрало любопытство, но настроен я был скептически: казалось, ничто не могло удивить человека, хорошо знакомого с сокровищами знаменитых Ильменских гор, «минералогическим раем»! Да ведь и большую часть жизни я провел с горняками, золотоискателями, рудознатцами.

Музей горного техникума поразил своими диковинками, причем уникальными. Вот несколько бивней мамонта... В юности мне пришлось поработать на одном кустарном предприятии, изготовлявшем на экспорт изделия из мамонтовой кости. Десятки мощных бивней, диаметром в 20—25 сантиметров, мы, рабочие, распиливали на тонкие пластины, которыми облицовывали деревянную основу шкатулки или шахматного ящика. Пудреницы и портсигары делались из цельного куска, внутренность которого выдалбливалась и выбиралась специальной фрезой. Привозила бивни Карская экспедиция с дальних берегов Ледовитого океана.

В музее рядом с бивнями был выставлен клоч буро-серой шерсти с ясно различимым подшерстком зверя. История этого экзотического экспоната не совсем обычна.

Преподаватель техникума А. Д. Харюткин раньше работал на острове Большой Айон в Восточно-Сибирском море, на Чаунской губе. Однажды жители поселка Валькумий и работники геологической партии стали замечать, что собаки откуда-то притаскивают крупные куски мяса. Оказалось, что море обнажило в прибрежной толще тушу мамонта. О находке сообщили

в Москву, тушу отправили туда, а на память о ней Харюткин выстриг клок шерсти, который затем преподнес музею.

Еще диковинка — два черных кусочка мумиё. Это — самое загадочное вещество, на поиски которого снаряжались экспедиции альпинистов в высокогорные районы страны. Подарил их посетитель альпинист В. Иванченко. Он нашел мумиё в Фанских горах Памира.

Воспитанник горного техникума, экскаваторщик Н. Мароходов рыл вентиляционную шахту на Челябинском трубопрокатном заводе. На глубине двух метров в глинистой породе он заметил какой-то необыкновенный предмет. Поднял. Что-то похожее на металлическую рюмку. Оказалось, действительно древняя серебряная чаша со следами чеканного рисунка и позолоты. Теперь она тоже в музее.

У самого входа — витрина с коллекцией поделочных камней — топаза, нефрита, сердолика, яшмы. Два года назад ее подарил техникуму профессор Московского художественного института имени Сурикова П. Д. Покаржевский. Он рассказал, что при составлении красок использует их цвета. И не было случая, чтобы не хватило оттенков — настолько разнообразна цветовая гамма камней.

Вот выставлен темно-серый кусок какой-то породы. Он выглядит так невзрачно и буднично, что поначалу недоумеваешь — зачем сюда попала глыба некрасивой бурой земли. «Лабрадорит с выгодными плоскостями...» — поясняет заведующая музеем И. И. Богачева и помогает найти точку, с которой нужно смотреть на экспонат. И камень во мгновение ока преображается, его грани вспыхивают синими огнями такого нежного и глубокого оттенка, что даже сравнить не с чем.

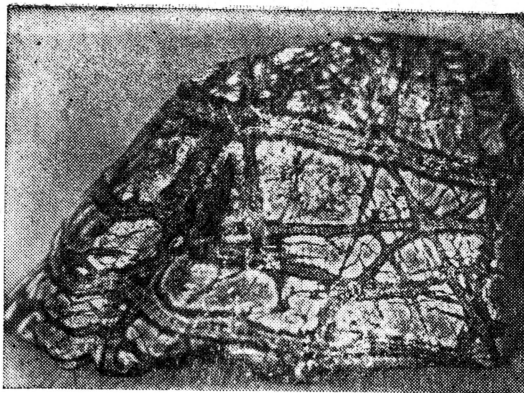
В круглой коробочке из органического стекла — горсть черного, как смоль, песка с известными Черных пляжей Кубы. Привез песок преподаватель Свищев. Он же передал музею мексиканскую аметистовую друзу — подарок мексиканских студентов.

В другой витрине — коллекция так называемых золотых образований. Десятки, может быть, сотни лет ветер обрабатывал, обтачивал и шлифовал известняки на вершинах гор. И получились удивительных форм, идеальных симметрий разнообразных фигуры. Никогда не подумаешь, что эти изящно изогнутые крендели, замысловатые виньетки произвела природа без помощи рук человеческих.

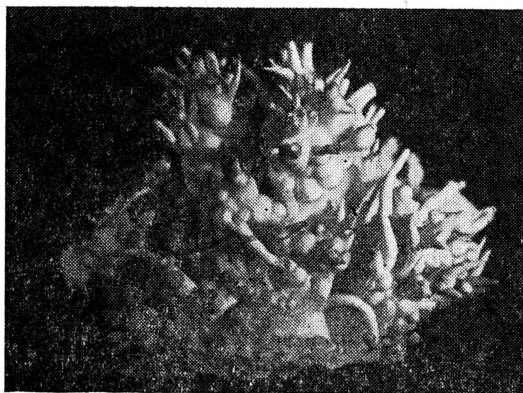
Богато представлены друзы. Лучшей считается друза горного хрустала учащейся Малиновской. Великолепную друзу кальцита подарил спелеолог-любитель А. Сычев. Он нашел ее в Усть-Катавской пещере Лаклы. Тесно сомкнулись друг с другом десятки продолговатых кристаллов. Они топорщатся так густо, что в технике прозвали их «ежиком».

Два кусочка пемзы — темный и светлый — взяты из вулкана Везувий в Италии. Преподаватель П. Вагин привез их из туристской поездки. А учащиеся Панина и Авдеева отыскали на Алтае, в Чернышевском районе, очень редко встречающийся в природе розовый кварц. Рядом с ним — необыкновенный экспонат: в черном как ночь минерале виден правильной формы белый ромб. Это в черную слюду природа вкрапила белую, да так искусно!

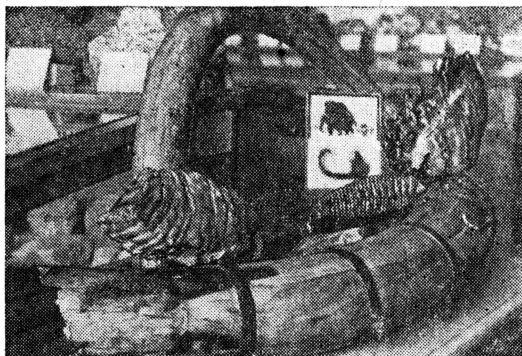
Но музей состоит не только из таких уникальных находок. На его экспонатах учатся моло-

Каменный цветок — арагонит. Седонское месторождение на Кавказе.

Окаменевшее древнее животное михелиния. 300 миллионов лет.

Зубы, бивни и шерсть мамонта.

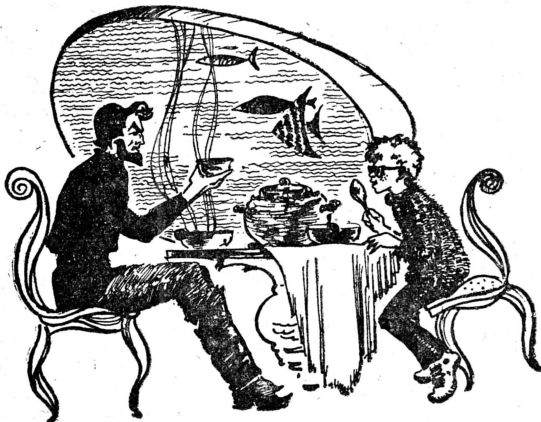
дые геологи, поэтому в шкафах и на стеллажах можно видеть образцы почти всех месторождений черных, редких, редкоземельных и полиметаллических ископаемых Советского Союза.

ЧТО У ТЕБЯ НА ОБЕД, ПОТОМОК?

Среди писателей, пишущих о науке, Борис Ляпунов занимает особое место. Знания, полученные им сначала в Московском университете, а потом в Московском авиационном институте имени Серго Орджоникидзе, опыт инженерной работы в научно-исследовательском институте под руководством видных ученых и конструкторов, — все это подготовило его к сложному пути писателя — научно-публициста.

Книги Бориса Ляпунова ведут нас то в бесконечные дали Вселенной, то в таинственные глубины земного океана, то в будущее человечества, то в историю фантастики. Он чем бы он ни писал, он всегда старается быть первым, берется за темы, не освоенные научными публицистами.

«...Я увидел на блюде желтоватый студень с круглыми кусками каких-то овощей или фруктов. Небольшой костяной ложкой, дополнившей сервировку стола, я попробовал содержимое одной из чашек. Теплая, слегка солоноватая и в то же время приятная ароматная масса была не похожа ни на одно из известных мне кушаний. Мяса не было, но мясной вкус чувствовался в одном желе, которое мы запили какой-то темно-рубиновой жидкостью, напоминавшей по вкусу мускатное вино».

Понравилось? Рассказчику, прибывшему на машине времени в ХХХ век, — да. Впрочем, люди будущего ему объяснили, что обычно они питаются «более легкими веществами». «Таблетки», — подумал тогда герой романа В. Никольского «Через тысячу лет»...

А вот еще меню — тоже из будущего.

Это — желтые диски: в одних была приятная освежающая кислинка, другие напоминали, скорее, сладковатую сдобу. Диски легко таяли во рту...

О плодах грядущей химии живого фантазировали давно. Да и как не мечтать, если проблема питания становится на Земле одной из самых насущных! Самых насущных для человечества, которое все растет. Землю населяют сегодня три с лишним миллиарда людей, к 2040 году населять ее будут десять миллиардов. А голод? От его костлявой хватки и сейчас тяжело страдают в слаборазвитых странах мира. Пищи! Больше пищи! И мысленному взору рисуются заманчивые картины.

Воздух — неиссякаемая кладовая азота, того самого, который растения добывают из почвы. Что, если заставить бактерии перерабатывать атмосферное сырье в съедобную массу? В дарсую пищу, в «вечный хлеб», растущий сам собой, ибо микроорганизмы размножаются невероятно быстро...

Из углекислого газа (опять — даровое сырье атмосферы!) химия сумеет приготовить крахмал. В нашем распоряжении окажутся миллионы, десятки и сотни миллионов тонн клетчатки — пищи для животных и людей. Между прочим, добывать углекислый газ можно также из недр земли, из минералов, из отходов. Даже камни превращались бы в пищу!

Вода, воздух, углекислота, соли, которые находятся в почве, — таков рацион растений. И свет, этот бесценный солнечный дар, нужен для того, чтобы совершалось таинство фотосинтеза, чтобы работала растительная биохимическая фабрика. Главный работник на ней — хлорофилл, белковое вещество, своим строением похожее на красный гемоглобин крови. И тот и другой — комплексы, тот и другой — клешневидные молекулы. Так не удастся ли когда-нибудь заменить частички у этих клешней? Фантасты вполне серьезно предлагают переделать гемоглобин, сроднить его с хлорофиллом.

Тогда животные приобрели бы свойства растений. Они, как и растения, перешли бы на воздушное питание с ничтожной добавкой элементов, извлекаемых из солей. Но это же сущие пустяки в сравнении с пастбищами, сеном, силосом, комбикормами, нужными сейчас. Вот было бы гениальное решение животноводческой проблемы! Коровы, овцы, козы, свиньи — заботу о них взяло бы Солнце, человеку не пришлось бы кормить миллионные стада.

Заманчиво, что и говорить! Прямо-таки революция в сельском хозяйстве... Однако не слишком ли увлеклись фантасты?

Что ж, возможны и другие пути...
Не придумать ли пищу, которая ускоряет рост? «Пища богов», как назвал ее Уэллс,— это путь к животным-гигантам, к изобилию мяса, яиц, молока.

Не попытаться ли сделать то же самое воздействием излучений? Это тоже был бы путь к изобилию мясных и молочных продуктов, к необычайным урожаям фруктов, грибов, овощей.

И не дополнить ли, в конце концов, наше меню чем-то таким, что ныне пропадает бесполезно? Добавить необычное к обычному, ввести в обиход блюда из...

Давайте-ка вспомним Жюль Верна!

«— Море,— говорил капитан Немо профессору Аронаксу,— море, господин профессор, кормит меня... Это кушанье, которое вы приняли за мясо земного животного, есть не что иное, как филе морской черепахи. Вот соус из печени дельфина... Вот консервы из ракушек... Вот крем, сливки для которого дало вымя кита, а сахар — водоросли... Наконец, вот варенье из анемонов».

Чем плохо? Разве только одна поправка: убивать дельфинов не будут. С охотой на этих интересных животных, которые, по-видимому, обладают в какой-то мере разумом, отныне покончено.

Но ведь в Океане и без дельфинов миллиарды тонн всякой живности. Между тем дары Океана на нашем столе составляют сегодня всего лишь «каплю в море»... Так не здесь ли и скрыто будущее благоденствие растущего человечества?

Как видите, в мечтах изобилие обеспечено. Фантасты позаботились и о людях Земли, и о тех, кому доведется надолго покидать нашу планету. Космонавтам в длительных рейсах они предлагают брать с собой апельсины, аквариумы — для питательных водорослей, разводить мелких животных и птиц, пользоваться искусственной пищей. Да, да! Возможно, именно космонавты будут первыми, для кого приготовят не концентрат все из тех же щедрот природы, а пищу, рожденную чисто лабораторным путем. Фантасты предлагают сделать ее одновременно и фармацевтическим препаратом — скажем, бодрящим, возбуждающим мозг. А что? Мы и сейчас дополняем еду витаминами; так почему бы не получить сразу все, что необходимо и желудку, и мышцам, и мозгу?

Здесь сходятся пути биологии и химии. И создание пищи искусственной, и улучшение продуктов природных, и повышение урожайности, и все другое, что связано с сельским хозяйством,— все это теперь проблемы не одной химии и не одной биологии, а их союза.

Вот она, кухня будущего, как ее представлял себе писатель И. Нечаев, погибший в годы войны. Его книга «Рассказы об элементах» знакома многим. Эта фантастическая картинка — отрывок из его незаконченной повести.

...Злаки, фрукты, овощи в течение долгих месяцев вызревали некогда под солнцем на необозримых пространствах Земли. Отныне синтетическая пища создается за какой-нибудь час в химических аппаратах. Искусственные ускорители-катализаторы действуют надежнее, чем хлорофилловые зерна. Электрическое поле высокой частоты греет лучше и вернее, чем солнце. Воду, которую некогда, изнывая, ждал крестьянин с капризного неба, теперь неисчерпаемым потоком качают на пищевые фабрики могучие насосы.

Витамины, гормоны и ферменты — таинственные вещества, которые природа раздавала живым организмам неуловимо микроскопическими порциями,— в XXI веке распознаны человеком до конца и воссозданы чисто химическим путем. Человек и здесь перещеголял природу. Она обходилась каким-нибудь десятком гормонов — человек создал сотни их; естественные вещества лишь обладали чудесными свойствами, человек же усилил эти свойства в тысячи раз; природа оперировала миллионными долями грамма, а человек фабрикует витамины и гормоны тоннами, грузит ими железнодорожные составы, как песком.

Несколько больших фабрик, где синтезируют углеводы, полностью обеспечивают пищей многомиллионный город. Они работают автоматически, день и ночь, как часы. И все, что требуется им,— это воздух, вода, энергия...

Из воздуха извлекают углекислоту. Вода в вакуумных котлах превращается в пар. Энергию дает электричество.

МОЙ ДРУГ- ФАН- ТАС- ТИКА

Первая книга Б. Ляпунова — «Ракета» — вышла в 1948 году. Она с интересом была воспринята читателем. Всего лишь в 1946 году москвичи увидели в Тушино первые реактивные самолеты «ЯК-15» и «МИГ-3». Реактивная авиация только зарождалась. Только выходила из пеленок ракетная техника. Все было в будущем... И казалось знаменательным, что книгу «Ракета» написал студент Московского авиационного института, живший новыми техническими идеями.

Вслед за «Ракетой» появилось «Открытие ми-

ра», а на экран вышел фильм «Дорога к звездам». Это был поэтический рассказ о начале космического века. Фильм произвел большое впечатление потому, что вышел сразу же после запуска первого искусственного спутника Земли.

Затем писатель изменил тематику,— его взор устремляется в глубины земного шара. Его интересует наша планета. Что там, в глубинах, под верхней мантией! Недра планеты ждут своих колумбов, дежневых, папаниных...

Из глубины Земли Борис Ляпунов перенес своих читателей в глубины океана. «Начинается век Океана», — утверждает писатель, неотступно живущий духом времени, неразрывно связанный с передним краем науки.

Новые книги: «Вперед — Океан!», «Неоткрытая планета», «Планета сегодня и завтра», — таков широкий фронт его тем.

Вместе с тем писателя волнуют проблемы большой химии, работы скульптора-антрополога профессора М. М. Герасимова, творчество Александра Беляева...

Все эти годы Борис Ляпунов живет в мире пе-

Углекислота и пар смешиваются, проходят, через губчатые пластины катализаторов. И вот уже исходные продукты исчезают, и появляется новое вещество — углеводы.

Но не думайте, что этот беленький порошок отправляется прямо в рот. Так было бы чересчур просто.

Во-первых, одним углеводов человеку мало. Ему еще нужны жиры, белок, соли, витамины. Ему нужны также ничтожные доли йода, марганца, кобальта и многих других элементов, которые совершенно случайно попадали в пищу человека прошлого, потому что он и не подозревал об их значении для организма.

Во-вторых, ну-ка попробуйте наших углеводов... Вы плюетесь! Конечно, это просто невкусно. Но погодите, вы еще пальчики оближете!

Углеводный порошок уходит с фабрики по трем трубопроводам в соседние здания. Часть поступает на белковую фабрику, часть — на жировую, часть — непосредственно на сборочную кухню.

На белковых фабриках орудуют грибки, дрожжи. Да, дрожжи. Правда, не совсем такие, какие применялись в прошлом для приготовления теста, но схожие с ними, родственные им. Бактериологи вывели дрожжевые культуры, которые развиваются во много раз быстрее, размножаются с потрясающей стремительностью. Если им дать волю, они затопят земной шар, переполнят океаны, растекутся по всей Вселенной. Но человек XXI века крепко держит их в узде, и даже не сам, а его безмолвные электрические слуги — фотоэлементы, наблюдающие за уровнем в фабричных чанах.

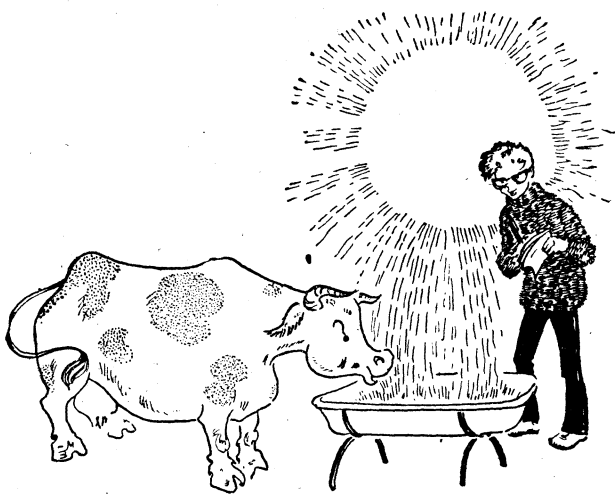
Таким же точно путем добывают и жиры...

Вторая половина XX века родила новые отрасли органической химии — химию вкусов и запахов.

Раскрыты составы всех ароматов, когда-либо щекотавших обоняние человека. Выделены в чистом виде все вещества, ничтожное содержание которых в пище приводило в восторг заядлых гурманов прошлого. Нежный аромат персика и жгучее действие перца, приторность меда и горечь хрена, вкус телятины и печеной картошки, — все приведено к химическим формулам, превращено в порошки и разноцветные жидкости. И теперь возможны миллионы комбинаций, бесчисленнейшие варианты!

Ни одному чревоугоднику прошлого не могли даже присниться изумительные, поистине райские блюда, которые доступны человеку XXI века. И все они готовятся из одного и того же безвкусного меси-ва углеводов, жиров, белков...

Главный повар включает экран, и цех за цехом мелькают перед нами. Мы видим склады, где обеды и завтраки лежат многоэтажными штабелями, лабиринт деликатесов, по которому согласился бы блуждать всю жизнь любой лакомка прошлого. 4 000 000 пайков 1250 наименований. Такова суточная производительность этой обычной для XXI века пищевой фабрики...

„Спецмясо” для ядерных техников

...Под ярким горячим небом через густую, в рост человека, сочную траву медленно двигались исполинские пятнистые туши. Шеренга вьедалась в мягкую зелень равнины, черная дымящаяся земля без единой травинки оставалась за нею.

Это, хрустя, чавкая и пережевывая, проходит по пастбищу организованное стадо живого мяса. Мяса — в буквальном смысле слова, ибо герои повести Аркадия и Бориса Стругацких «Возвращение» разводят породу коров, дающих продукцию «с живого тела». Причем эта продукция поистине уникальна по своим свойствам. «Ко-

ровы мясные» братьев Стругацких, оправдывая название вида, производят «мясо, которое не требовало специй, мясо, которое не нужно было солить, мясо, которое таяло во рту, как мороженое, спецмясо для космонавтов и ядерных техников, спецмясо для будущих матерей и даже мясо, которое можно было есть сырым...»

Вегетарианцы и скорлупа из пластика

Далеко не все фантасты решаются переводить человечество будущего целиком на синтетическую пищу. Кое-кто из них предлагает так: пусть химия обеспечит хотя бы углеводами да жирами, белки же по-прежнему даст природа.

Более того, встречаются среди фантастов и откровенные противники «химического» питания.

Нужно только исключить из рациона рыбу и мясо, сделать вегетарианцами всех людей — так лучше для здоровья, — говорит один. — Оставить, пожалуй, лишь молоко, молочные продукты и яйца. Но — никаких капель или пилюль, которые могли бы сразу утолить голод! Иначе ведь не понадобится желудок, а это уже никуда не годится...

Другой фантаст пишет о том, как в далеком будущем, когда все заполонит синтетика, людям надоест питаться этой едой: им захочется натуральной пищи, а не искусственных яиц с химической формулой на эластичной пластиковой скорлупе... Захочется хлеба, теплого и мягкого, пахнущего спелым зерном, дождем и солнцем. И масла с привкусом клевера, и джема из черной смородины, и мяса — всего, что дает живая природа...

Что же... Остается надеяться, что, не сводя, быть может, на нет значение мяса, рыбы, овощей и прочего разнообразия нормального человеческого стола, «капли» и «пилюли» все-таки существенно этот стол пополнят.

редовых научных идей, смелых гипотез, величайших открытий. Он связан с известными учеными и конструкторами; еще в детстве переписывался с Циолковским, позже — с прославленным исследователем Жаком Пикаром, с писателем-фантастом Станиславом Лемом...

Однажды опытный летчик Ю. С. Быков горячо поблагодарил писателя за то, что своей книгой «Ракета» он увлек его, Быкова, в летную школу, «влюбил» в небо. А в Центральном Доме литераторов, на встрече с космонавтами, я видел и слышал, как капитаны звездных маршрутов, говоря о литературе, повлиявшей на их жизнь, называли и имя Бориса Ляпунова.

«Мечте навстречу» — это не только название одной из книг Бориса Ляпунова, это — символ его жизни.

Е. РЯБЧИКОВ

Рисунки Е. Стерлиговой

ФАНТАСТИКА — 1968

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

ВСАДНИКИ НИОТ-
КУДА.

М., Изд-во «Детская ли-
тература», 1968. 335 стр.

На Земле появляются загадочные розовые «облака». Они снимают ледяной покров Антарктиды и переправляют его в космическое пространство, воспроизводят любые атомные структуры, в том числе и людей. Герои романа встречаются со своими двойниками, с дублированным воздушным лайнером, путешествуют в моделированном городе, сражаются с гестаповцами из воссоздан-

ного «облаками» прош-
лого...

Борис ЗУБКОВ, Евгений
МУСЛИН

САМОЗВАНЕЦ СТАМП.
М., Изд-во «Молодая
гвардия», 1968. 285 стр.

Ночью раздался звук, подобный пушечному выстрелу. Бревенчатая хижина Флота Сноутса подскочила и рывком сдвинулась на новое место. И уже на следующее утро в жизнь Сноутса входит Необыкновенное... Так начинается рассказ, давший название первой книге молодых фантастов.

Александр МИРЕР
СУБМАРИНА «ГОЛУ-
БОЙ КИТ».

М., Изд-во «Детская ли-
тература», 1968. 224 стр.

В Атлантическом океане, в особо оживленном его районе, прячется единственная подводная лодка, — пожалуй, единственная в мире невоенная атомная подводная лодка. Над субмариной — пятисотметровый слой воды. Вот уже месяц продолжается плавание, своей засекреченностью вызывающее в команде самые разноречивые толки. И вдруг на этом засекреченном судне появляется советская школьница...

Леонид ШУБИН

Гудок аппарата дальней связи был требовательным и резким.

У командира десантного звездолета Бу Хатра от волнения похолодели руки. О, этот гудок он узнал бы среди тысячи других — несмотря на то, что на борту корабля он прозвучал впервые. Вот она, великая минута!

Сдернув форменный китель и оттолкнув робота-секретаря, Бу Хатр проследовал в кабину и плотно притворил за собою дверь. Когда через долгие три минуты она вновь бесшумно распахнулась, лицо у командира было значительным и важным. Руки бережно поглаживали квадрат оранжевого пластика.

Взглядом исподлобья Бу Хатр окинул застывшую шеренгу подчиненных. С удовлетворением отметил преданные взгляды, стандартный оскал (на три хурда с четвертью) и строго одинаково — по парадной форме В-10 — закрученные хвосты.

Благоговейно приподняв над головой бесценный документ, Бу Хатр приложил его к остроконечной макушке и не без сожаления передал первому помощнику Ъх Пыху. Тут капитан ничего не мог поделать: Ъх Пых был одновременно и начальником службы безопасности на корабле. Лон Эгг, руководитель научно-иссле-

довательской группы экспедиции, отличался острым зрением и быстрой реакцией. Он был единственным, кто над россыпью метрического письма успел рассмотреть леденящий душу гриф:

**ВЕЛИКИЙ ПУП
ШИШКОВИДНОЙ ГАЛАКТИКИ
Личная Канцелярия
Командирам десантных звездолетов
в секторе 4096. Циркулярно.
Совершенно секретно.**

Бу Хатр заговорил торжественно:

— Стальные шестеренки в часах Несравненного! Всем нам выпала высокая честь. Только что Он обратился к нам с приветствием, в котором поздравляет нас с достижением цели и выражает уверенность, что мы, не дрогнув, исполним свою историческую миссию... Сейчас разрешаю экипажу двухчасовой отдых. Руководителям групп и отделов остаться.

— Так вот, — продолжил командир, когда за последним из ушедших захлопнулась дверь. — Задача наша упрощается. Следуя указаниям Несравненного, нам предстоит просмотреть фильм, снятый нашим киберразведчиком, и дальше действовать по собственному усмотрению. Убрать свет!

По экрану поплыли картины из жизни планеты и ее обитателей. Странная это была планета! Миллиарды бесхвостых двуногих существ без всякого видимого порядка копошились на ее поверхности. Возводили уродливые горбообразные сооружения, — жилища?!.. С помощью диковинного вида машин копались в верхних слоях планеты. Взращивали ядовитозеленые побеги необычных растительных форм. Некоторые из двуногих неподвижно лежали, обнаженные, на песчаных отмелях близ водных пространств планеты. Заряжались энергией от своей карликовой звезды? Оригинальный способ питания... Совсем уже непонятным казалось занятие тех, кто, уединившись попарно, сидел в укромных местах, едва освещаемых желтым спутником планеты. И никто из двуногих и не собирался возносить хвалу Несравненному или какому-нибудь Его подобию...

Чем дальше прокручивалась пленка, тем мрачнее становились лица Бу Хатра и Ых Пыха.

— Довольно, — сказал наконец Ых Пых. — Выключите, ибо данной мне властью я запрещаю. Нет сомнения, что к этой ситуации лучше всего подходят Его исполненные глубочайшего смысла слова, которые Он сказал в году 8321: «Не ходи по косогору — сапоги стопчешь».

Центральный Информарий, корпус А-1, отдел Высочайшей Мудрости, блок 9, ячейка 815... Я думаю, каждому ясно: для нас сапоги — это наш корабль и все, что с ним связано. А эта смрадная планета олицетворяет собой коварный косогор. Лично я не могу квалифицировать все увиденное иначе как самый крайний антипупизм, на протяжении тысяч лет ловко подогреваемый шайкой безответственных демагогов. Дело зашло слишком далеко. Установление контакта считаю нежелательным и опасным.

— Присоединяюсь, — поддержал первого помощника Бу Хатр. — Меня особенно возмутила распущенность их нравов и это отвратительное изобилие предметов материальной культуры. Итак, единогласно?

— Одну минуту, — робко начал Лон Эгг. — Может быть, мне разрешат сначала связаться с одним аборигеном? Ну, хотя бы вот с этим, — Лон включил обратную перемотку и остановил кадр, на котором белобрисое маленькое существо растиралось мохнатым полотенцем.

— С этим? — с презрением спросил Ых Пых. — О чем же, интересно, ты собираешься с ним говорить? Да, я думаю, заставь его перечислить восемнадцать заповедей Элементарного Винтика — он и этого не сможет. Вздор, Лон!

— Ладно,— примирительно сказал командир.— Лон у нас всего лишь ученый, специалист. Помнишь, что писал о таких Несравненный в 8330 году? «Специалист подобен флюсу». Там же, ячейка 1007.

— Ну, хорошо,— вздохнул Лон Эгг.— Тогда я хотел бы взять что-нибудь на память. Помните то трехмерное, из белого пластика, изображение аборигенки? Помоему, несмотря на повреждение верхних конечностей и полное отсутствие хвоста, вещь эта все же является памятником искусства.

— Памятником... чего? — переспросил Ъх Пых.— Ты полегче с такими словечками! Помни, Лон, эта доисторическая чушь не доведет тебя до добра... Возьмешь пробу продуктов радиоактивного распада — вот тебе и будет память.

— Дело ваше,— сник научный руководитель и спросил тихо:— А они не будут защищаться?

— Чепуха! — отрубил Бу Хатр.— Эта деградирующая, обленившаяся, погрязшая в роскоши цивилизация? Не думаю!

— А если бы и так,— добавил Ъх Пых.— Чего нам бояться? Вспомни-ка, что сказал Несравненный в году 8341 на чрезвычайном заседании по поводу непомерного размножения травяных блох на планете У! «Такой противник для нас — все равно что пластиковый гиппопотам». Там же, ячейка 2110... Ясно тебе? Такой! А раз такой, значит, и всякий другой.

Командир включил селектор.

— Экипаж, внимание. Деструкторы левого борта — к залпу... товсь!

Перед началом отсчета Ъх Пых обратился к экипажу с зажигательной речью, в которой сквозь яростный хрип можно было разобрать лишь отдельные слова: «Доведем до конца... вооружившись идеями... рразмозжить!!»

Включили метроном. При счете «ноль» Бу Хатр надавил красную кнопку в центре пульта, и...

Страшной силы удар швырнул на пол всех, кто был в рубке, попутно навсегда погасив сознание командира Бу Хатра, которому Несравненный даровал звание Истребителя Миров.

В большом зале стационарного диспетчерского спутника «Сигма» в глубоких креслах перед приборами сидели двое.

— Вить, а Вить! — позвал один.— Чего это ты ночью здесь искал?

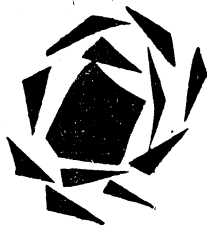
— Да так, пустяки. Автоматика сработала во втором резервном. Вечно эти физики на Деймосе мудрят. То у них выброс массы. То контейнер с белыми мышами упустили...

— А сегодня что?

— А сегодня опять неконтролируемый выброс на тридцать тысяч тонн. Вот честное слово, возьму и нажалуюсь Луне-Главной! Пусть там на трассах дезинтеграторы и все такое, но все равно непорядок. Космос должен быть чистым.

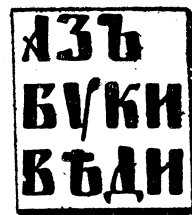
— Интересно, где сейчас этот кусочек...

— Будто не знаешь! Кувыркается где-нибудь за орбитой Сатурна... Так этим физикам и надо. Если он им нужен — пусть сами буксируют назад, голубчики. И вообще — далась тебе эта железка!

ЯЗЫКИ И ПОЛИГЛОТЫ

Наше время отличается бурным потоком информации — известий, сведений со всех концов земли. Огромными шагами движется вперед наука, развивается промышленность, выходят на арену истории многочисленные, не известные ранее народы бывших колоний, каждый со своим языком.

Все это требует от нас знания языков. Физику, желающему своевременно изучить новейшие достижения науки, желательно в первую очередь овладеть английским, немецким, французским. Медику, кроме этих, полезно знать японский: в последние десятилетия в Японии медицина крупно шагнула вперед. Историкам и философам, владеющим тремя «традиционными» языками, не мешает изучить латынь и греческий, да еще некоторые языки Азии и Африки. Я уже не говорю о дипломатах и работников обществ культурных связей с зарубежными странами. Ну, а разве «помешает» знание иностранных языков агроному, продавцу, официантке, металлургу, строителю?! Или возьмем, к примеру, простого кладовщика на складе промышленных товаров. Он окружен ящиками и тюками с надписями на сербском, испанском, английском, немецком. Инструкций, переведенных на русский язык, может просто не быть при них! Как тут разобраться?!

А если ты любишь литературу и в особенности поэзию разных стран и народов, — знай, самым лучшим знакомством с ней будет чтение не переводов, а подлинников. Гейне лучше всего читать на немецком, Шекспира — на английском, Данте — на итальянском, Горация — на латинском, Гарсия Лорку — на испанском. Как бы ни был хорош перевод, он не передает до конца всей красоты стихотворного произведения: сверкающий мир метафор,

сравнений, эпитетов неизбежно тускнеет, бледнеет, сохнет.

Переводчики мучаются и с прозой. Вот пример. В одном из рассказов великого французского писателя Мопассана повествуется о том, как несколько горожан ехали в карете, и среди них — фабрикант Луазо, наживший состояние всякими бесчестными махинациями. Кто-то из пассажиров — а все они знали друг друга — предложил от скуки сыграть в игру «птичка летает». Грянул взрыв хохота. В чем дело? По-французски птичка летает — **луазо воль**. Глагол **воль** означает также «ворует». Получилось двусмысленное равенство: птичка летает — Луазо ворует. Французы — великие ценители остроумия. А каково переводчику? Ему ничего не оставалось, как сделать подстрочное разъяснение, — сноску в нижней части страницы. Он сдался на милость победителя, французского языка.

Изучение хотя бы одного иностранного языка — длинный и нелегкий путь. Собственно говоря, можно всю жизнь изучать, скажем, немецкий — и не знать его до конца, так как язык — это океан без берегов. Однако для того чтобы читать художественные произведения, понимать обычную, разговорную речь, нужно совсем немного времени — два-три года напряженных и ежедневных занятий. Даже по праздникам переводить хоть одно-два предложения, как можно больше слушать на иностранном языке радио или грампластинки. И тогда откроется новый мир — мир мыслей, чувств, образов, своеобразной истории, неповторимых обычаев людей.

Первый изучаемый язык труднее алгебры. И если спросить меня, какой сложнее всего изучать, я отвечу: не индийский, не китайский, не французский, не африканский суахили, не южноамериканский тупи-гуарани, не камбоджий-

ский, который относится к группе мон-кхмер, а **ПЕРВЫЙ**.

Если взять даже родственный русскому, например, украинский, и то встречаешься с неизвестными звуками, словами, предложениями. Например, две строчки из стихотворения Тараса Шевченко:

«Садок вишневый коло хати,
Хрущи над вишнями гудуть...»

Садок вишневый и хата — понятно. Но вот предлог **коло** и **хрущи**, которые **гудуть**, а не **гудят**, — это уже что-то незнакомое. И совсем «загадка» фраза из другого стихотворения:

«Я нездужаю нівроку».

Тут придется обратиться к переводу: «Я — чтоб не сгладить — не болею».

Есть люди, изучающие языки ради того, чтобы посмотреть, что у них внутри, как они устроены и нет ли в них чего-нибудь такого, что было бы полезно для объяснения родного языка. Это лингвисты, языковеды, занимающиеся вопросами строя языков и их истории. Как правило, они полиглоты. Полиглот — слово греческое, означающее «многоязыкий». Конечно, можно сделаться языковедом, изучая один родной язык — но как будет узок кругозор такого ученого?!

Недавно журналы писали о ленинградском аспиранте — 24-летнем юноше, знающем столько же языков, сколько ему лет — 24. Это результат выдающихся способностей. По специальности он лингвист. Несколькими десятками языков владеет эстонский профессор Пауль Аристэ. Академик Н. Я. Марр знал свыше сорока.

Но полиглоты совсем не обязательно лингвисты. Вспомните знаменитого русского писателя А. С. Грибоедова — человека блестящей образованности. Поэт Валерий Брюсов владел французским, немецким, английским, итальянским, арабским, персидским, армянским, латинским и греческим.

МОНУМЕНТ...

ВОРОБЬЮ

Есть на земле памятники, которые вызывают изумление.

Однажды на поля и сады вблизи Бостона напали гусеницы и начали поедать все, что попадалось на пути. Над Бостоном нависла угроза голода. Спасли Бостон самые обыкновенные воробьи, в два счета очистившие сады и поля от полчищ вредителей. Чтобы люди не забывали об этом событии, воробью соорудили памятник.

Такая же угроза возникла в другом городе США, в Сол-Лейк-Сити. На зерновые посевы опустились тучи саранчи, но вслед за саранчой, к счастью, прилетели тысячи речных чаек и истребили непрошенных гостей.

Вскоре и чайкам поставили памятник. Но это было давно.

Чайки выручили и англичан, приняв участие в годы второй мировой войны в военных операциях. Конечно не самостоятельно, а с помощью человека.

Как же удалось чаек «призвать» на военную службу?

Морские чайки, неутомимо летающие в открытом море и у побережий, постоянно разыскивают еду. У них на уме одно — чем бы поживиться. И если про волка говорят, что его ноги кормят, то про чаек, можно сказать, что их вырывают глаза и крылья.

Видят чайки отменно и добычу не упустят.

Едят эти птицы рыбу, червей, моллюсков и

мясо крабов. Не откажутся и от падали. Их вполне устраивают даже отбросы: головы и внутренности рыб, которые в изобилии навалены на причалах рыбных промыслов. Впечатление такое, будто чайки всегда голодны. Вот это-то и использовали англичане.

Во время войны пролив Ламанш для немецких подводных лодок был своего рода «охотничьим угодием». Больше всего английский торговый, да и военный флот, нес потери именно в Ламанше. Против немецких подводных лодок были брошены сторожевики, катера, эсминцы... Ничто не помогало. Немецкие моряки были неуловимы. Вот тогда-то англичане догадались привлечь к дозорной службе чаек.

Однажды в Ламанше начали как по расписанию курсировать английский подводные лодки. Они никого не торпедировали, никого не искали... Но кое-какую работу они все же делали, причем самую безобидную. Лодки выбрасывали позади себя... кухонный мусор.

Прошло всего несколько дней, и за лакомыми кусками стали охотиться серебристые чайки. Большими стаями налетели они на дармовую пищу, быстро сообразив, что еда всплывает в том случае, если на глубине движется какая-то серая громадина. Нет этого чудовища — нет пищи. Как только появлялась субмарина — птицы ее видели в толще воды, и уже от нее не отставали. Так они начали летать над подводными лодками.

Интерес к изучению языков в Европе появился 400—500 лет назад в эпоху Возрождения, в века великих географических открытий. Это было время пробуждения от сна средневековья. В XV и XVI веках (прежде всего в Италии) начался бурный расцвет искусства и науки; тогда не было сколько-нибудь выдающегося человека, который не говорил бы на нескольких языках, не совершал бы путешествий в разные страны, не пробовал бы своих сил сразу в нескольких науках и искусствах. С тех времен известны выдающиеся полиглоты. Итальянец Пико де Мирандола знал 22 языка, и современники называли его «двадцатидвухязычным чудом». В последующие века в

Европе интерес к языкам не ослабевал.

Живший сравнительно недавно кардинал Мещофанти знал 58 языков. С его именем связан, например, такой случай. Несколько десятков лет назад два эстонца побывали в Риме и добились аудиенции у римского папы. Им очень не понравилось, что от дверей приемного зала до престола папы полагалось ползти на коленях и затем целовать папскую золотую туфлю. Один из них, пока они ползли, произнес по-эстонски другому: «Слушай, я плюну на эту туфлю». Когда они уходили, им преградил дорогу человек в кардинальском облачении и сказал, к их великому удивлению, на чистом эстонском языке: «В следующий раз

будьте осторожны и благодарите судьбу, что по-эстонски здесь понимаю только я». Это был Мещофанти.

Живший в Париже полиглот Григорий Колпакчи знал 70 или 80 языков — он сам хорошенько не сосчитал. Колпакчи писал, что человеку только первые три языка кажутся трудными для изучения. Затем он становится одержимым, страстно увлекающимся, «заболевает», и каждый новый язык дается ему все легче и легче. Если первый язык отнимает у человека два-три года, то двадцатый или тридцатый — недели две. Попробуйте!

В. ЖИТНИКОВ

Ну, а дальше уже было проще. Стоило только в проливе появиться немецкой лодке, и чайки прилетали немедленно. Они сопровождали ее, и это напоминало авиакортеж...

Англичане тут же определяли по стае чаек координаты лодки и направляли в этот район катера или самолеты. Чайки оказались самым точным указателем из всех средств, испробованных англичанами во время второй мировой войны.

Но вот этим-то чайкам пока не поставили памятник. А надо было бы...

По справедливости надо бы соорудить еще по крайней мере два таких монумента: всемирно известной Лайке, погибшей в космосе, и маленькой гамбузии...

У народов, живущих на Фазисе, земля болотистая, лесистая и полна сырости, — писал когда-то Гиппократ про Колхиду. Фазис — это нынешний Рион.

В этом крае — вечные болота, подлинный рай для малярийных комаров. Впечатление такое, словно сама природа позаботилась об их процветании. И процветала в Колхиде тропическая малярия.

Как только началось в советское время осушение болот, анофелеса стали уничтожать всеми возможными средствами: ядом, нефтью, керосином, мазутом. Даже авиация занималась опылением. И все же одолеть малярийного комара было невозможно до тех пор, пока у доктора Рухадзе не возникла идея — для борьбы с анофелесом использовать рыбку-гамбузию. В 1925 году ученый привозит ее из Италии. Между прочим, «гамбузия» — слово испанское и означает — маленькая.

Так вот, эта самая маленькая рыбка длиною всего в шесть-семь сантиметров — очень плодо-

вита. На 54-й день жизни она уже сама приносит потомство. Одна пара в сезон выводит, примерно, тысячу живых мальков!

С первого дня новорожденные кормятся дафниями, циклопами и мелкими растениями, и что самое важное — личинками комаров. Плавая у поверхности воды, рыбка подбирает не только личинки, но и куколки комаров. Была бы только температура воды не ниже двадцати градусов тепла. Однажды в лаборатории гамбузию кормили яйцами анофелеса, так она за полтора часа съела триста штук! Вот аппетит!

Теплолюбивую рыбку-хищницу пустили во все водоемы, а каналы и даже в небольшие лужицы. Гамбузия с жадностью набросилась на комариные яйца, личинки и куколки. Рыбка-малютка оказалась самым эффективным средством борьбы с анофелесом. Это средство оказалось и самым дешевым. И хлопот с рыбой-малюткой почти никаких. С наступлением осенних похолоданий гамбузии отправляются на дно, зарываются в ил и впадают в спячку. Но как только становится теплее, они пробуждаются.

...В прошлом году мне удалось побывать на колхидских землях. В городе Поты, в центре осушительных работ, мне и рассказали про гамбузию. Там же я узнал, что в Колхиде давно уже нет малярии. Гамбузия прижилась и в других местах Грузии, да и теперь рыбка-малютка помогает уничтожать анофелеса. В прошлом году по всей республике было всего-навсего одиннадцать малярийных больных.

Гамбузия прижилась в Средней Азии, в Крыму и в других подходящих по климату местах. А в Сухуми, в столице Абхазии, благодарные колхидцы поставили доктору Рухадзе памятник, и правильно бы рядом с ним соорудить монумент и гамбузии.

Б. РЖЕВСКИЙ

ГДЕ ВЫ, РЕБЯТА С БРЯНЩИНЫ?

Этот снимок привезли из похода по местам боев Уральского добровольческого танкового корпуса следопыты клуба «Орленок» школы № 16 Свердловска. На нем — воспитанники танкистов: тринадцатилетний Андрияша Аксенов и одиннадцатилетний Саша Кирсов вместе со своим другом Героем Советского Союза Яковом Давыдовичем Хардиковым. Появились они в мотострелковой бригаде, когда шли бои на Брянщине. Родителей ребят убили фашисты.

Мальчики были на редкость смелыми и сообразительными, часто помогали нашим разведчикам. Им сшили специальное обмундирование, а автоматы Андрияша и Саша нашли сами на поле боя.

Во время боев за город Лукенвальде в бригаду приехал командир корпуса генерал-лейтенант Е. Е. Белов. Стали разбирать по карте создававшуюся обстановку, как вдруг раздался выстрел и пуля пробила фуражку генерала. Командиры оглянулись и увидели за углом дома притаившегося фашиста. Белов выхватил пистолет из кобуры, выстрелил в фашиста и... промахнулся. А диверсант снова целился в генерала, но в этот момент гитлеровец был сражен авто-

НАЙДИ,

Где оригинал картины Григория Чороса (Гуркина) «Озеро горных духов»? Где многие другие полотна художника? (Читайте в этом номере материал «Озеро горных духов»).

Если вы внимательно прочли очерк В. Демидова «Совершенно секретно», вам не трудно будем расшифровать и название кода, которым пользовался Петрушка Иванев, сын попов:

КАМАЗАМЛТАЯ ЧМАРОКА

У этого кода есть и другое, более научное название, зашифрованное нами по тому же принципу:

НМОЛКАЯ СИКОМЕЯ ЛСОША

матной очередью. Белов в недоумении оглянулся, а к нему уже бежал Андрияша Аксенов.

Через несколько дней командующий 4-й танковой армией генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко вручил Андрияше орден Красной Звезды за спасение жизни командира корпуса.

Саша Кирсов отличился в бою за Тейплитц. Он заменил убитого пулеметчика и уничтожил десять гитлеровцев. На другой день командир корпуса Е. Е. Белов в торжественной обстановке прикрепил к Сашиной гимнастерке медаль «За отвагу».

К сожалению, судьба этих ребят с Брянщины неизвестна. Может быть, кто-нибудь из читателей «Уральского следопыта» знает их! Напишите.

Н. АБРАМОВ, подполковник в отставке

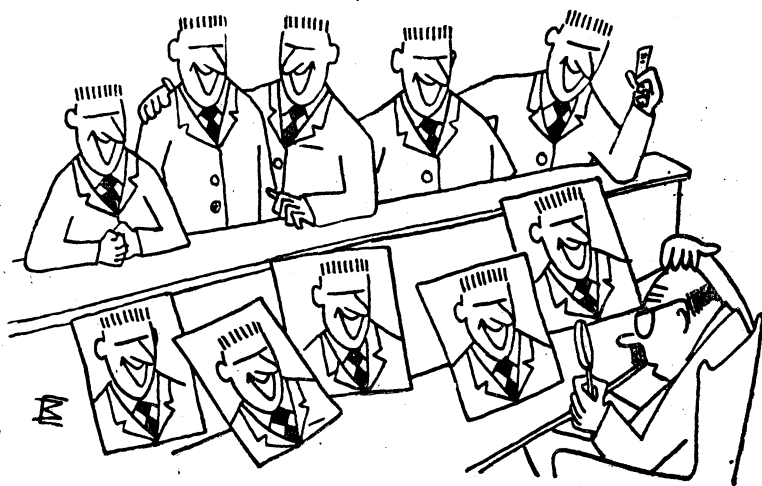
УЗНАЙ, ПОДУМАЙ!

Сколько команд представляют эти грозные хоккеисты?

Рисунки В. СЕМЕНОВА

Пятеро братьев решили сфотографироваться. И вот карточки готовы... Но кому какую выдать?!

РЕДКИЙ ТРОФЕЙ

Был конец августа. В поисках уток я пробирался по лесу от озера Аятского (Свердловской области) к старому отработанному торфянику. Изрядно устав, присел на огромную колодину. Мое внимание привлекли какие-то незнакомые птицы. Они кружились в просвете между деревьями и издавали крик, похожий на крик канюка. Одна села на ветку раскидистой ели, в пятидесяти метрах от меня. Я мгновенно схватился за фотоаппарат и осторожно стал подкрадываться к ней. Ближе... ближе. Теперь уже даже простым глазом можно было хорошо рассмотреть птицу: большая голова, желтый клюв, белесая борода, серое оперение с какими-то мелкими крапинками, круглые на выкате выразительные глаза. Передо мной оказалась сова!

До этого мне приходилось видеть сову так близко только в зоопарке. Теперь она совсем рядом. Снимаю кадр за кадром. Дубль, еще раз дубль. Только не жалеть пленки. И вот лесная красавица перед вами.

О. КАПОРЕЙКО

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА	ВЕТЕР С КОС-АРАЛА	60
	<i>В. Зорин</i>	
ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ	БАЛЛАДА О РЫБАКЕ...	8
	<i>И. Федоров</i>	
	МНЕ НЕ УЙТИ...	65
	<i>Г. Суздаев</i>	
О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ	ШЕСТЬ КРЕСТОВ	10
	<i>Н. Мыльников</i>	
	ПАМЯТЬ МОЯ — СОЛДАТЫ	18
	<i>В. Стариков</i>	
КРАЕВЕДЕНИЕ	СТО ЧУДЕС КАМЧАТКИ	12
	<i>Б. Рябинин</i>	
	ОЗЕРО ГОРНЫХ ДУХОВ	49
	<i>Е. Раппопорт</i>	
	ЛЕТАТЬ ДЕРЗНУВШИЙ	56
	<i>Д. Ткалич</i>	
ДОРОГАМИ ПОИСКА	НАД КАРТОЙ СИБИРИ	2
	<i>В. Альтов</i>	
	КОМЕНДОР С «АВРОРЫ»	4
	<i>В. Потапов. На приз нашего журнала</i>	
	СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО	50
	<i>В. Демидов</i>	
	СОКРОВИЩНИЦА ДИКОВИН	66
	<i>В. Гравишкис</i>	
	ЯЗЫКИ И ПОЛИГЛОТЫ	75
	<i>В. Житников</i>	
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	ЧТО У ТЕБЯ НА ОБЕД, ПОТОМОК?	68
	<i>Б. Ляпунов</i>	
	НЕ ХОДИ ПО КОСОГОРУ	72
	<i>Л. Шубин. Юмореска</i>	
ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ	МОНУМЕНТ... ВОРОБЬЮ	76
	<i>Б. Ржевский</i>	
НАЙДИ, УЗНАЙ, ПОДУМАЙ!		78

Обложка А. Тумбасова.
На второй странице обложки
фото С. Слепынина.

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

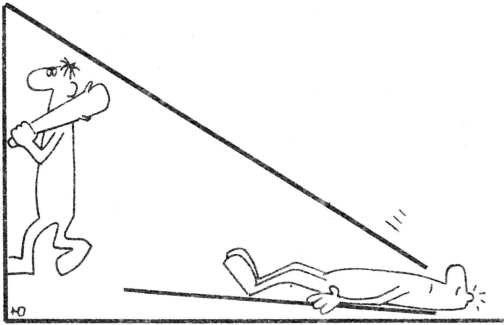
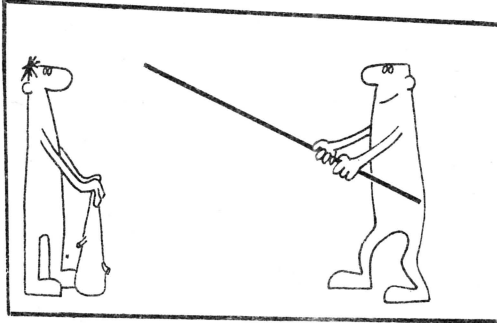
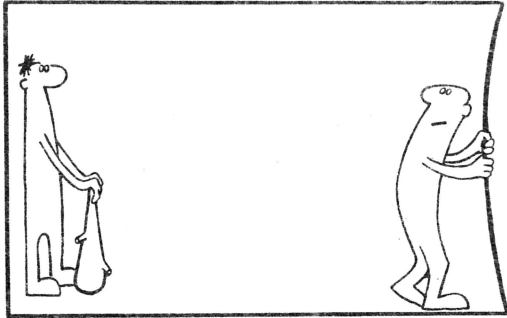
Технический редактор
Э. Максимова

Корректор
В. Бурангулова

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353 ул. Малышева, 36, комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Подписано к печати 14/1 1969 г. Бумага 84×108¹/₁₆— 2,62 бум. л.— 8,82 печ. л. Уч.-изд. л. 9,27.
НС 14014. Тираж 115 000. Цена 30 коп. Заказ 701.

Типография издательства «Уральский рабочий». Свердловск, проспект Ленина, 49.
Обложка и вклейка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.

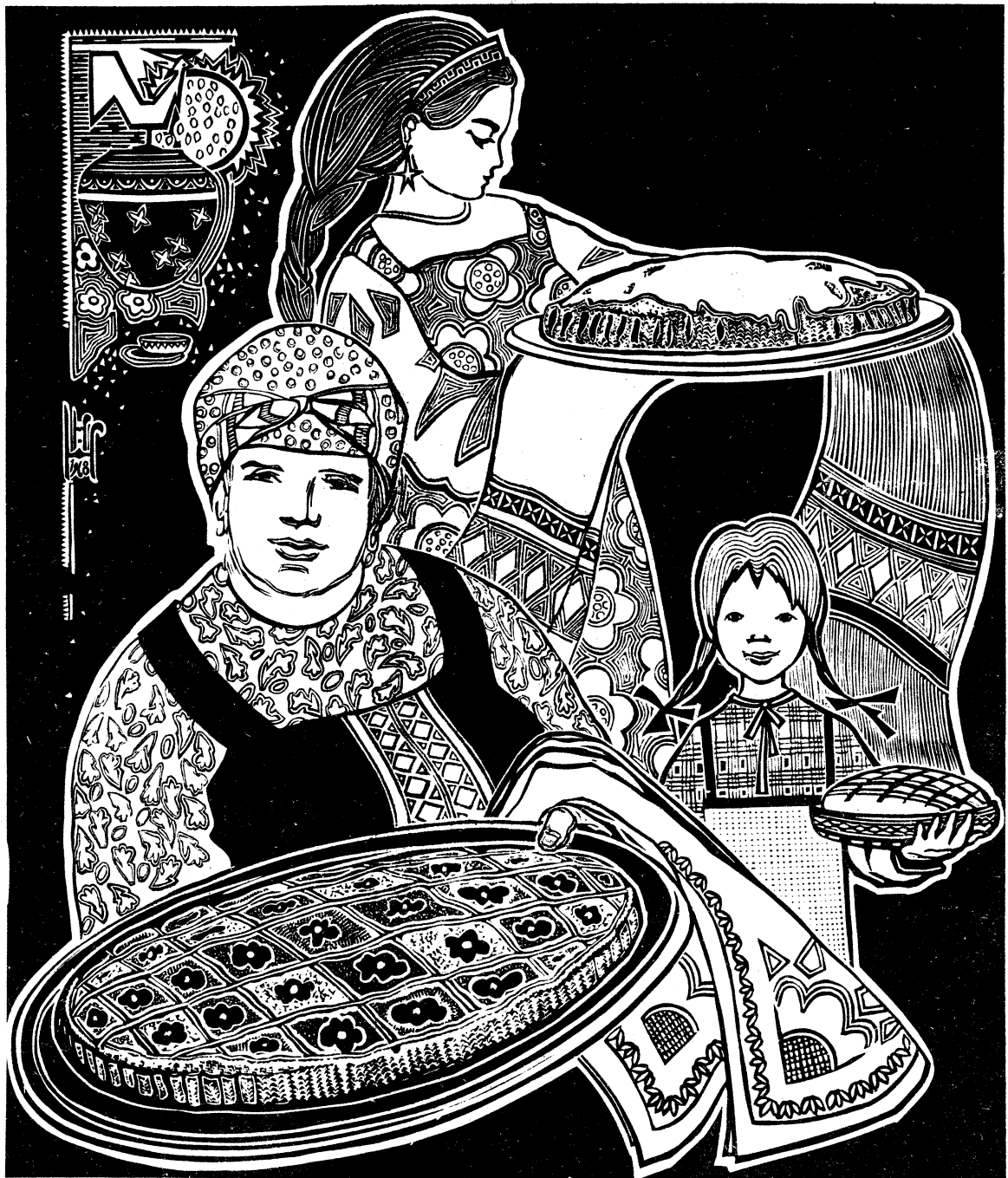

Фальшивая нота

Охота на глухаря

Н. НИКУЛИНА (Карпинск)

РУССКИЕ ПИРОГИ

30-КОП

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ
Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, Ю. КУРОЧКИН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНСВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ